

Сюзанна Кулешова

Игры индиго

Роман

Тарас и море

Тарас с разбегу ныряет в море, плывет до глубины, переворачивается на спину, лежит, глядя в небо, слушает. Море покачивает, поет на разные голоса, небо лепит барельефы. В вышине собирается армада имперских кораблей, и вот-вот начнется бой. Но что-то идет не так, и вместо флагманского крейсера Тарас видит фигуру девчонки с поднятыми вверх руками — Марина.

Тарас зажмуривается, уходит в глубину, открывает глаза. В зеленоватом пространстве проплывает розовая медуза с пурпурными щупальцами. Следом другая, с рыжими, третья, четвертая, много медуз — август. Море наполнено звуками: вот где-то поют афалины, под Тарасом попискивают мальки тараньки, а медузы молчаливы.

До Адаларов метров сто. Мало кто в поселке отважится вплавь добраться от берега до скал. Тарас еще два года назад проплыл на спор это расстояние. И теперь он часто повторяет свой подвиг. Хотя какой это подвиг? Проплывет треть пути или даже половину, полежит, помечтает. Море само его подтянет ближе. На скалах он забирается на вершину одного из братьев смотреть вдаль.

Он возвращается домой поздно. Мать вздыхает, молча ставит на стол яичницу с пампушками и уходит в свою комнату. Ей вставать рано, она работает в Артеке. Зимой учителем литературы в школе, летом вожатой.

В москитную сетку на окне бьются мотыльки, летящие на свет. Огромный хрущ врезается, обиженно чихает надкрыльями и падает в траву. Воздух наполнен пением летучих мышей, — для Тараса это лучшая колыбельная. Непонятно, почему никто не слышит ее. Он выключает свет, — жалко жуков и мотыльков. За окном ухает волна и рокочет галькой, отступая обратно в море.

«Маррина», — слышит Тарас, засыпая.

Кулешова Сюзанна Марковна родилась в Ленинграде. Окончила Горный институт по специальности «Палеонтология». Печаталась в журналах «Нева», «Аврора» и других. Лауреат литературных конкурсов. Живет в Санкт-Петербурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2018, № 4.

Отчаянно кричит дельфин.

Рассвет слегка поранил горизонт, ставший цвета свежей ссадины. Начало шестого. Тарас, словно во сне, выскальзывает из дома, бежит к морю. Он окончательно просыпается, лишь коснувшись ступнями остывшей за ночь гальки. Прямо у кромки воды бьется дельфин. Волны ласково тянутся к нему. Ночью был шторм, и этого бедолагу выбросило на берег. Тарас пытается помочь. Но афалина, хоть и такой некрупный, метра два всего, подросток, весит не менее ста килограммов. Скоро солнце полоснет его нежную спину, высушит, и конец. Тарас будто сам чувствует ожог между лопаток. Он бежит в поселок, в корпус, где живет доктор Николай Андреевич. Стучит, никто не отвечает, но дверь не заперта.

— Скорей, там дельфин на берегу!

— Что? Что случилось? — доктор не может проснуться.

— Дельфин! Там! Он погибнет!

Тарас пытается объяснить, но мысли путаются. И вдруг, неожиданно для себя самого, кричит, как дельфин.

Николай Андреевич, как ни странно, понимает:

— Показывай, где!

Солнце скользит по берегу, подкрадываясь к дельфину, море посылает волну за волной, чтобы смочить высыхающую кожу. Метрах в десяти от берега плещется стая.

Николай Андреевич сдирает рубашку:

— Давай!

Тарас расстилает ее сбоку от дельфина, держит ногами и руками, стоя на четвереньках, пока Николай Андреевич перекатывает на нее почти безжизненное тело. Море, волнуясь, подбивает Тараса под колени, и он оказывается на темно-синей спине дельфина, примяв треугольный плавник. Держа рубашку за рукава, они отгаскивают дельфина в воду.

Пара мгновений, и тот несется к своей стае.

Тарас хлопает руками над головой, а метрах в пятнадцати из моря высовываются дельфиньи головы, кивают и щелкают.

— Они смеются! Они благодарят! Вы слышите?

— Ты что? Караулил здесь всю ночь? — Николай Андреевич тоже смеется.

— Всю ночь? Нет. Я спал. Мне приснилось, что кричит дельфин.

Врач глядит на Тараса, который носится по берегу и хлопает в ладоши над головой в такт кивающим дельфинам.

— Интересный парнишка.

Николай Андреевич раньше работал педиатром в Санкт-Петербурге. Но четыре года назад перевез в Крым свою жену и семилетнего сына, которому не подошел родной северный климат. Теперь он отвечает за здоровье артековцев и всех гурзуфских детишек.

Сын Лёвка и Тарас — одноклассники.

Тарас оказался чуть ли не первым его пациентом.

— Только, пожалуйста, никому не рассказывайте, ладно? Он у меня странный, — мамаша застенчиво улыбалась, теребя семилетнего пацана за рукав рубашки.

Выразительно глянув на доктора, она подвела сына к окну, а сама присела на детский стульчик около стола.

— Ну что вы? — доктор произнес положенные слова о конфиденциальности и прочих правилах. — Так чем странный-то?

— Понимаете, я его без мужа родила, — зашептала она, чтобы сын не расслышал. — Отца биологического мало знала, к сожалению. Он тоже приезжий был, из Питера вашего. Тоже медик. Влюбилась, — она застенчиво пожала плечами и оглянулась на Тараса. — Он необыкновенный и странный немного. Может, это генетическое что-то?

Доктор понимающе кивнул и продолжил терпеливо спрашивать:

— А странности какие?

— Говорит, что слышит море, — мать покраснела. — Не в том смысле, что шум волн, как все мы слышим, а в том, что море у него разговаривает.

— Ну, — врач рассмеялся. — Скорее всего, детское воображение. И пусть. Ничего странного. Здоровый парень! Так? — он обратился к Тарасу, который в это время с интересом изучал стетоскоп.

— Здоровый, — Тарас полностью скопировал интонацию.

— Так еще и летучих мышей. Это же ультразвук, — мать понизила голос.

— Ну-у-у, — протянул доктор. — Чем мышцы-то хуже моря? Пусть забавляется. Главное, чтобы не болел, как думаете?

Мать неуверенно кивнула, и доктор продолжил:

— Отставаний в развитии нет. Не вижу никаких оснований беспокоиться. Радуйтесь, что ребенок с воображением.

— Да я все понимаю, — вздохнула она. — Сама учительница. Литературы. Так что про воображение можете не рассказывать. Все это просто, когда ученики, и сложно, когда родное дитя.

Как-то само собой получилось, что доктор с семьей стали частыми гостями в доме Тараса, вместе встретили Новый год, а в конце мая, когда гурзуфские мужики залатали и просмолили баркасы, Лёвка уговорил отца взять Тараса на рыбалку.

Вышли затемно, море тихо вздыхало, лодка легко скользила. Планировали поднять расставленные загода неводы и немного порыбачить удочками для удовольствия. Вряд ли в эту пору стоило ждать большого улова, — основной нерест еще не начался.

Однако, когда втащили сети, среди всякой мелочи — тюльки, бычков, барабульки и нескольких приличных скумбрий, — по дну лодки забился огромный, около метра длиной луфарь.

— Ах, ты ж! — вскрикнул кто-то из рыбаков.

— Да не может быть! — радостно подхватил другой.

— Почему не может? Вот же он, — Лёвка постарался придать суровости дрожащему от восторга голосу. Он первый раз видел такую рыбину.

— А потому не может, — усмехнулся Николай Андреевич, — что, во-первых, рыба эта стайная, а во-вторых, вроде, не время им еще. Невесть откуда дуралей этот взялся.

— Не время, — пробасил самый старый на баркасе рыбак в бандане, похожий на капитана пиратского судна. — Да только вот что скажу: подошли косяки скумбрии, — он сделал ударение на последнем звуке. — На пару недель раньше. Бывает. А за ней, как водится, и эти прут, — пролоты. Повезло. Андреич, тебе и отгадим, накормишь мальцов своих. Царь-рыба! Жаль, один. Но где один, там и другой.

Тарас смутно слышал все эти разговоры. Он не отрывал взгляда от огромной рыбины, которая билась на дне лодки, судорожно хватая ртом воздух, и чувствовал что-то странное — как будто он сам эта задыхающаяся рыбина. Глаза луфаря, выпученные, огромные, казалось, уже подернулись предсмертной мутью, и Тарас

разглядел в них ужас и отчаяние. А потом услышал крик. Он даже закрыл уши руками и посмотрел на Лёвку, на остальных, но они галдели и явно не слышали рыбьего плача.

— Ему плохо. Отпустите его, — Тарас вцепился в штанину Николая Андреевича.

Но тот лишь улыбнулся:

— Не бойся, малыш, он не укусит.

Один из рыбаков поднял луфаря за жабры.

— Кило десять, не меньше!

Рыба изловчилась и вырвалась. В жабрах показалась кровь, и Тарасу стало душно. Ему почудилось, что воздух сделался пустым, в нем исчезло все, чем дышат. Он хотел крикнуть, но лишь прохрипел что-то невнятное. Однако у него достало сил ухватить рыбину поперек туловища, а та, понимая, замерла, и дотащить ее до высокого борта. Он даже залез на какие-то снасти с луфарём в объятьях и перевалил его через край. Но и сам не удержался и оказался в воде.

— Ты что?! Придурок?! — орал Лёвка, когда Тараса втащили в баркас. — Слышал? Это же царь-рыба! А ты!

— Зачем ты сделал это, малец? — «пират» сурово смотрел прямо в глаза Тарасу. — Он же все равно подохнет с жабрами-то...

— Не подохнет, — неожиданно твердо проговорил Тарас.

— Рыбку ему жалко стало! — продолжал Лёвка. — Заплачь еще!

— Лёва, прекрати! — Николай Андреевич не улыбался, и Тарас не понял, на чьей тот стороне. — Ладно. Не ругайте вы его. Все равно рыбу хотели мне отдать, считайте, отдали.

— Да при чем здесь!.. А, пропади всё!.. — не унимался кто-то из рыбаков.

Лёвка снова заорал:

— Ты знаешь, какая это примета?! Знаешь?! Все лето улова не будет!

Тарас теперь сидел посреди баркаса, как луфарь, лишенный родной стихии, а вокруг стояли взрослые мужики и приятель Лёвка, и все смотрели на него как на врага. Но это и придало смелости:

— Глупая примета, — отрезал он. — Считайте, что принесли дар Нептуну.

И отвернулся от них ото всех, прислушиваясь к доброжелательному пению моря.

«Люди! — думал он, — что с них взять? А он-то кто? Если рыбу услышал. Не рыба же?!»

Однажды мама сказала Тарасу, когда он задал «тот самый вопрос», что встречает он своего отца каждый день. Что муж ее, и, стало быть, отец Тараса, — само Чёрное море. Поэтому имя у него такое. Ведь Тарас — сын самого Посейдона и нимфы Сатирион. Вот история и повторилась, как это часто бывает. Саму легенду он так и не узнал, мама сказала, что никому не известно, что там случилось в древние времена, но в свое происхождение поверил. Кому же, как ни морскому сыну, слышать жалобы подводных обитателей?

Он так и сказал вечером пацанам, которые собрались на пляже и дружно хохотали, услышав Лёвкину версию о спасении луфаря.

— Ну ты даешь, Тараска, — Денис-второгодник ухмыльнулся то ли презрительно, то ли снисходительно. — Ты чего? Правда, не знаешь, откуда дети берутся?

— Рождаются, — Тарас пожал плечами. — Кто ж не знает?

— Ага, — Денис подкинул камешек и ловко поймал его. — А до того?

— Что до того? — не понял Тарас.

Все покатались со смеху.

— Ой, не могу! Ой, не знает! — Лёвка стонал, ухватившись за живот.

— Слухай сюда, — Денис наклонился к лицу Тараса, словно собирался его укусить. — Хотя нет. Лёвчик, иди ты, просвети одноклассника. А мы трохи покурим-послушаем!

Лёвка стоял, широко расставив ноги, руки держал в карманах, старался быть похожим на Дениса.

— Ну чё? Рассказать? Или в книжке прочтешь? Ты же любишь книжки читать? — ехидничал Лёвка.

— Не-е, расскажи ему, — потребовали пацаны. — Охота посмотреть, как он застремается.

И Лёвка все поведал в мельчайших подробностях, не очень-то подбирая выражения. А в конце наградил мать Тараса такими эпитетами, что тот не выдержал, нагнулся, поднял пригоршню мелких окатышей и запустил прямо в лицо давешнего приятеля.

— Ты, что! Сказился?! — слышал он в спину крики пацанов. — Ты ж ему фасад попортил!

Но Тарасу было все равно, он бежал к воде. Мать обманула! Он был уверен, — то, что рассказали пацаны, — правда! Непонятно почему, но плохое — правда! Да и как может быть иначе, если все так просто? Проще некуда! И она врала! Врала! А над ним все смеются!

Он с разбегу плюхнулся в легкие ласковые волны, но обычно приятные ощущения сейчас злили, словно море было соучастником лжи.

«Ах так, — решил Тарас. — Значит, мой отец — Чёрное море! Отлично, мама! Пусть он меня теперь и забирает к себе».

Тарас плыл, плыл туда, за буйки, за сети, в открытое, еще холодное море, он не собирался поворачивать назад ни за что. Он ничего не слышал, что кричали ему с берега, не видел, как Денис попытался броситься следом, но быстро замерз, отстал и вылез из воды, как Лёвка побежал в поселок. Он хотел только одного — больше никогда никого из них не видеть. Даже мать.

Наконец он понял, что выбивается из сил, лег на воду и стал ждать конца. Он надеялся, как слышал о тех, кто оказался в холодной воде, у него начнутся судороги, он утонет, и не понимал, почему совсем не чувствует никакой температуры, словно море такое же теплое, как и он сам. И пусть. Рано или поздно он околеченет, но ничего не станет делать, — будет лежать вот так, пока этому гадкому морю не надоест. Через некоторое время он задремал, но ничего не произошло, наоборот, стало легче. И тут почувствовал нежное прикосновение к спине, и еще услышал пение и стрекот, шелчки и покашливание, и увидел словно не глазами, а сразу мозгом, смеющуюся дельфинью физиономию. Он перевернулся на живот, — вокруг плескалась стая небольших дельфинов-афалин. Они играли и приглашали Тараса порезвиться вместе. И он все забыл: кто он и что произошло. Стало легко и весело. Он тоже начал стрекотать и шелкать, и у него неплохо получалось — дельфины дружно закивали ему и запрыгали еще выше. Он резвился с ними, пока вдруг не почувствовал, что достает ногами дно. Оглядевшись, Тарас понял, что находится на косе относительно недалеко от берега, и отсюда, даже сильно устав и замерзнув, можно легко доплыть до пляжа. Эти хитрецы спасли его. И тут что-то обрушилось, что-то огромное, чистое и приятное. Нет, не обрушилось, а опять проникло внутрь, минуя органы чувств. Это было *з н а н и е*. Вот так бы учебники загружались. Сейчас он четко ощущал, что чуть было не совершил в буквальном смысле слова смертельную ошибку. Пацаны-то ни при чем. Они вели себя по пацанским правилам. Это ему, Тарасу, пока ума не хватает понять, что к чему, раз чуть глупостей не наделал. Но и это нестрашно, это даже

нормально, это со всеми бывает, — глупости делать. А мама у него самая лучшая в мире. И не лгала ему! Не всегда все бывает так, как хочется, и, если у кого-то что-то не получилось, он совсем не виноват и не должен быть наказан. Кто бы что ни говорил. А ведь Тарас собирался наказать именно маму за ложь, за то, что сделала, за то, что не смогла удержать отца. «Удержать» — какое слово плохое! Он ощутил боль, которую мама бы чувствовала, не вернись он сегодня домой. И вот эта боль была гораздо сильнее, чем та, что он испытал после слов Лёвки. Он оглянулся, дельфины плавали вокруг, словно ждали чего-то.

А зачат он был в море — это было еще одно знание, которое родилось внутри. Так что не обошлось без Посейдона.

— Спасибо, — сказал Тарас.

Дельфины запрыгали, зашелкали, закивали. И понеслись прочь от берега. Тарас вернулся на пляж.

Там собрались чуть не все жители Гурзуфа: «пират» готовил баркас разыскивать утопленника, Николай Андреевич держал за руку Лёвку, у которого вся физиономия была в зеленке, Денис, укутанный одеялом, и вся их компания теснились в сторонке, как чайки, напуганные наплывом отдыхающих, а посередине — заплаканная мама.

— Я хочу узнать, что здесь произошло? — услышал Тарас строгий голос доктора.

— Это я Лёвку, — буркнул он.

— Я хочу знать, почему ты полез в эту холодную воду! — Николай Андреевич почти кричал и тряс рукой, указывая на море.

— Да не холодная она, — Тарас не сменил тона.

Он быстро взглянул на Лёвку, тот шмыгал носом.

— Хорошо. Еще раз. Что произошло между тобой и Лёвой перед тем, как ты бросил в него гальку?

Тарас хотел сказать что-то вроде «это наше мужское дело, сами разберемся, все живы, и слава богу», но вот этих-то слов и не нашел, поэтому пожал плечами:

— Ничего.

— Но ведь он тебе сказал что-то. И это связано с этим неладным луфарем? — не унимался Лёвкин отец.

— Не-а, не связано, — Тарас первый раз за весь разговор взглянул в глаза доктору.

— Тогда что? Ладно. Лёва признался, что обидел тебя, но не говорит, как. Я должен знать! — настаивал Николай Андреевич.

— Зачем? — вдруг выпалил Тарас. — Ведь все закончилось.

Доктор внимательно смотрел на Тараса, который теперь не отводил взгляда.

— Возможно, ты прав, — наконец проговорил он. — Надеюсь, мой сын однажды наберется смелости и расскажет все сам. Но я должен тебя осмотреть, ты долго пробыл в холодной воде.

Купание вообще никак не отразилось на здоровье Тараса, и доктор, поразмыслив, пришел к выводу, что жизнь в Крыму, на побережье, закалила детский организм. Тарас все больше нравился Николаю Андреевичу, он был доволен, что они с Лёвкой дружат. А подрались, — так какая мальчишеская дружба без драк.

Лёвка и остальные пацаны никогда больше не касались того, что произошло в тот день на берегу, и, казалось, все забылось и никто особо не замечал, что Тарас стал больше времени проводить в море, где-то на скалах или в труднодоступных бухточках, которых полно в районе Гурзуфа. Тарас не обижался, просто ему было неинтересно с людьми, больше тянуло к дельфинам и рыбам. А с Лёвкой? С Лёвкой они — приятели. Этого достаточно.

Однажды к маме приехала в гости бывшая однокурсница по университету. С дочерью.

— Привет, Тарас, сын Сатирион. Я — Марина, — девчонка протянула ладонь поздороваться.

— С чего это? — Тарас не спешил с рукопожатием.

— Разве ты не знаешь, что значит твое имя? — Марина усмехнулась.

— Знаю. И что? Я сын своей мамы, — Тарасу не хотелось продолжать разговор, но гостья задорно рассмеялась:

— Да брось! Я просто подружиться хочу! Пошли купаться. Только я плавать не умею. Научишь?

— Научу, — буркнул Тарас и тут же понял, что девчонке слишком просто удалось втянуть его во что-то непонятное.

Но так и быть, она старше, и она — гость!

Уже через пару дней Тарас рассказал Марине и про дельфинов, и про луфаря. А Марина слушала и все понимала!

— Как хорошо, что дельфины тебе помогли, — прошептала она, когда Тарас закончил рассказ. — А как ты слышишь их голоса в море? Человек же не может слышать в воде.

— Я сам об этом думаю, — пожал плечами Тарас. — Может быть, я мутант.

— Я знаю, кто ты! И даже вижу! — вдруг выпалила Марина. — Ты — индиго!

— Кто?

— Индиго! Ну, как ты не слышал?! Ты же столько читаешь и в интернете роешься про своих китообразных да ластоногих! А таких простых вещей не знаешь?!

Марина поведала Тарасу об ауре человека и о том, что новая раса — это дети с синим сиянием. И что она, Марина, наверное, тоже, потому что иногда видит ореолы вокруг людей.

— Да ну, — сказки это, — смутился Тарас и тут же понял, что ляпнул глупость. — Прости.

— Забей, — Марина глянула исподлобья. — Я пошутила.

Она отвернулась от Тараса и пошла в сторону поселка.

Тарас бросился следом. Ему хотелось остановить ее, слушать про загадочных индиго, о которых на самом деле читал, но думал, что это фантастика.

— Марина, ну, прости! Ну, правда!

— Это песни твоих летучих мышей — сказки! — отрезала она, не останавливаясь.

Он забежал вперед и вдруг нашел нужные слова:

— Я просто смутился. Я читал про индиго, но не поверил, что это может быть правдой, и, вообще, что это про меня даже может быть.

— А про кого же? — она лишь прибавила ходу.

— Ну-у, про тебя. Ты же ауру видишь, — он снова обогнал ее.

— Ну, а я про что? Я вижу, ты слышишь. А знаешь, что я еще вижу? Ты никому не веришь на самом деле. Ни мне, ни маме, ни приятелю своему Лёвке, ни себе. Так, снизошел до простых смертных, до меня, например, позволяешь находиться рядом, особенный ты наш! Кстати, я с большим трудом разглядела твой цвет! Надо же так закрыться от мира! Подумаешь, глупостей ему в детстве наговорили!

Тарасу было обидно слушать это. Он злился на себя и хотел закончить разговор, но и не отпустить Марину, потому что без нее станет только хуже. И вдруг ни с того ни с сего выпалил:

— Хочешь с дельфинами поплавать?

Она остановилась:

— Хочу! А как? Я же не доплыву туда, до глубины, за буйки, где твои дельфины.

— Я лодку возьму, — обрадовался Тарас.

— Спасибо тебе. Никогда ничего подобного не чувствовала, — пару часов спустя Марина смотрела на Тараса так, что ему хотелось провалиться сквозь землю и тут же вылететь в небо, как дельфины выпрыгивают из воды. Но он просто спросил деловым тоном:

— А у дельфинов есть аура?

Марина задумалась, закрыла глаза и вдруг крикнула:

— Какой ты молодец! Я бы забыла. Есть! Она темно-темно-синяя, как кобальт, знаешь?

Он кивнул.

— Ну. Вот. Только прозрачная. Нет, — глубокая, как... как... — от переполняющих чувств она не могла найти подходящего сравнения.

— Как космос? — тихо подсказал Тарас.

— Да. Ты тоже видел?

— Я рядом с ними все время что-то вижу. Но только как будто внутри себя, а не глазами. И вот эту синюю глубину неба очень часто. Знаешь, говорят, что на юге черные ночи. Это неправда. Это лужи ночью черные, а море и небо никогда. Говорят, космос черный. Это тоже неправда, — он синий.

— Я даже верю тебе, — она легонько коснулась его плеча.

— Даже, — буркнул он.

— Нет, правда, — Марина перестала смеяться. — Расскажи, что ты видишь. Когда плаваешь с дельфинами.

И Тарас, сначала сбиваясь, потом все увереннее, стал рассказывать о каких-то образах, о совсем неземных ландшафтах, которые для себя окрестил иными мирами, о странных существах, которых он не видел, а только чувствовал их доброжелательное присутствие.

— Ты не смейся только, — закончил он.

— Да тут ничего смешного, — Марина и правда была серьезной.

— Я подумал, может, дельфины показывают мне, как они видят наш мир. Ведь уже доказано, что они — телепаты.

— Слушай, — Марина резко повернулась. — А давай пока так и думать. Ведь это больше всего похоже на правду. А когда ты вырастешь... Вот ты кем хочешь стать?

— Да я как-то пока... — промямлил Тарас.

И она передразнила:

— «Как-то пока...» Тебе нужно стать специалистом по дельфинам и все это изучить. Это же твой смысл жизни! Я тебе сейчас расскажу!

И Марина расписала план Тараса на ближайшее десятилетие. Жизнь Тараса тут же изменилась — у него появилась цель. И путеводной звездой стала Марина. Весь учебный год они общались ВКонтакте, строили планы на будущее лето.

А потом наступило лето, и Марина написала, что в августе приедет в Гурзуф.

— Тарас! Тарас! — голос прорезается сквозь дельфинье шелканье.

— Приехала! — мысль расцвела в мозгу долгожданным бутонем, и Тарас несется к берегу, коротко щелкнув на прощанье ухмыляющимся афалинам.

На берегу он видит двоих.

— Знакомься. Это — Кирилл, мой... — Марина смущается, бросает взгляд на парня, стоящего рядом с ней. — Мой одноклассник и друг.

Море резко холодное, и солнце неприятно ярко режет по глазам, когда Тарас пытается оглянуться, чтобы увидеть, ушла ли дельфинья стая, ему хочется немедленно вернуться к ним.

— Ты чего? Не рад, что мы приехали? Ну, Тарас! — Марина ничуть не изменилась за год. Словно они вчера расстались. А Тарас другой, он прожил целый год без Марины, он ждал ее все это время. Кто такой этот Кирилл?

— Вы подружитесь, — вдруг немного обиженно говорит Марина.

Тарас молчит.

— Он — считающий ворон, то есть — считает ворон, — то ли хихикает, то ли всхлипывает она.

Тарас медленно поворачивает голову и первый раз смотрит в глаза парню:

— Как это?

— Я слышу, что они думают, — улыбается Кирилл. — А они слышат меня.

— Только вороны? — Тарас с неохотой признает, что Марина права, подружиться можно.

— Пока только вороны. И... я думаю, может быть, мы и правда подружимся. Уж Доктор нас точно подружит.

— Какой доктор? Николай Андреевич?

Марина толкает Кирилла в бок:

— Он еще не знает. Он не знает, что мы, скорее всего, уедем отсюда вместе. Вместе, Тарас! Мы будем учиться в одной школе. У Доктора. И это не Николай Андреевич.

Считающий ворон

Все началось с похорон, когда бабушка крикнула матери:

— А я вам говорила, — он — зло! Беду в дом с ним принесли!

Или раньше? Когда воспитательница трясла его за плечо, а он никак не мог проснуться:

— Да что же такое?! За ним родители приехали! А он дрыхнет!

Он ждал этого, наверное, больше всех, но теперь не верил тому, что слышал. Казалось, сон продолжался, когда он стоял в коридоре босиком, в одной пижаме.

Он не помнил, как выглядели его родители, но эти двое с зовущими улыбками были не они. Тогда Кирилл повернулся спиной и пошел прочь. Воспитательница остановила его, улыбаясь чужакам особенно радушно.

— Не расстраивайтесь, — детки у нас непростые, сами знаете.

— Да мы понимаем, — женский голос показался Кириллу приятным, и он обернулся. — Подойди ко мне, малыш, давай познакомимся.

Воспитательница подтолкнула в спину, он сделал маленький шаг, — чего им нужно? Зачем знакомиться?

— Поедем домой, — мужчина протянул Кириллу руку, но тот стоял как вкопанный, только тарасил глаза поочередно на каждого из взрослых и совершенно не понимал, что происходит.

— Он не глухой? Не немой? — встревожился мужчина.

— Нет-нет, что вы, — поспешила успокоить воспитательница. — Он здоровый

мальчик. У него все в порядке. Только не говорит пока. Многие детки до пяти лет не разговаривают. А потом как начнут болтать без умолку, — ой! — она махнула рукой. — Но, сами понимаете...

— Будем надеяться. Наш Севка кого угодно разговорит. Пойдем, малыш, — улыбнулась женщина.

Кирилл не шевельнулся, и воспитательница снова слегка подтолкнула его в спину:

— Ну что ты? Иди-иди. Это твои новые папа и мама. А еще у тебя есть старший братик. Иди.

«Зачем новые? — думал Кирилл, — когда он своих ждет? А что будет, если они придут, а его нет?» Он хотел сказать это. Но рука мужчины уже сжимала его ладошку, и привычный сухой ком сдавил горло.

А может быть, это началось еще раньше, но только Кирилл никак не мог вспомнить, что случилось. А тому, что иногда кричала бабушка: что его отец убил мать и теперь сидит в тюрьме, он не верил, — она все время что-то кричала, говорить вообще не умела. От этого Кирилл совсем расхотел издавать какие-либо звуки.

Новая мама пела. Кирилл решился подпеть, но слишком долго собирался, даже стал раскачиваться на стуле, чтобы подтолкнуть себя и освободить звук, застрявший внутри, словно окаменевший, как бабушка одернула его:

— Не качайся! Свалишься! Не хватало еще, чтобы шею себе свернул! Господи, не имела баба хлопот, — купила порося.

Кирилл не понял, что она имеет в виду, и сжался пружинкой.

Он часто слышал, как взрослые шепчутся за его спиной про немоту да слабоумие. Только Севке было без разницы, он и не замечал, что Кирилл не говорит, сам болтал за двоих, с ним было легко и спокойно, и Кирилл подумывал заговорить. Нужно бы что-то важное сказать, особенное, ведь это будет его первое слово. Но как только он был готов, что-то происходило, и дыхание перехватывало, жирный ком сдавливал горло и выпускал только противный бессмысленный хрип.

И в тот день, когда мокрый мячик, побывавший во всех дворовых лужах, выскользнул из рук и бросился вон со двора на улицу, Кирилл видел грузовик, въезжающий в ворота. Горло всклокотало, словно бы каркнуло, этот звук подхватили вороны, сидевшие на ветвях, и Севка оглянулся, а лучше бы не оглядывался. Грузовик затормозил, но поздно. А вороны каркали всё неистовей. Кирилл не знал, что люди приписывают воронам всякие беды, он-то слышал тревогу и плач по птенцу.

Кирилла не вернули в детский дом, несмотря на уверения бабушки, что он — главное зло. Она сама, чертыхаясь и крестясь одновременно, собрала свои вещи и уехала. А Кирилла стали водить по врачам.

— Я не вижу никаких причин, кроме психологических, в его немоте, — сказал очередной доктор. — Терпите, разговаривайте с ним. Постепенно заговорит. Вы сами, мамаша, чернее тучи, надо жить дальше. Я понимаю ваше горе. Но вы взяли сироту, если будете так убиваться, ему точно не поможете. Что теперь поделаешь. Вы молодая...

Доктор много говорил, мама плакала, папа ждал в машине, а Кирилл чувствовал, что Севка стоит за спиной.

Прошел год, Кирилл молчал, и его определили в школу для слаборазвитых. Никто не знал, что читать и считать он выучился еще с Севкой и давно знал наизусть все книжки на полке в детской. А когда взял томик в кабинете отца, услышал:

— Не тронь, Кирюша. В этих книжках картинок нет.

Книгу он поставил на место и принялся за учебники, оставшиеся после брата.

В школе делать было нечего. Он кое-как, не стараясь, выполнял нехитрые задания и читал учебники для старших классов.

— Станный он, — говорили учителя. — Возьмет книгу с полки, любую, и смотрит в нее, словно читает. Аутизм по-разному себя проявляет.

После уроков он садился на лавочку во дворе. И считал ворон. Буквально. А они стремились его запутать, перелетая с места на место, громко каркая, кружили над головой, мешали сосредоточиться. Он придумывал разные способы угомонить их: то несколько шкурочек сала кинет, то кусочки колбаски. Но вороны тоже не дуры, — догадались, и стал Кирилл замечать, что птицы выбирают дежурного, который собирает и приносит подачки всем членам стаи. Чаще всего это был старый крупный самец. Кирилл понял, он — главный, и начал предлагать ему корм из своих рук.

Старая птица опустила метрах в трех от Кирилла. Тот неподвижно держал на вытянутой руке лакомство. Ворона наклонила голову, левым глазом внимательно следя за мальчиком. И Кирилл подумал, что смотрит она прямо в душу. Кирилл сосредоточился. Он так делал, когда слушал музыку или пространство вокруг, словом, когда надо было только слышать, ни о чем не думая. Это получилось однажды само собой во время дождя и доставило удовольствие.

Сначала шумел город. Где-то летел самолет. Не один, три-четыре — два из города, удаляясь. Поезда перебивали друг друга, — не сосчитать, автомобили пели нестройным хором, а что-то очень стройным, — это ЛЭП. Ворона глядела в душу беззвучно, но не безучастно. Кирилл отчетливо подумал: «Не опасно», — только эти два слова. Птица сделала пару прыжков к нему и шарахнулась в сторону. Кирилл снова сосредоточился. Ему показалось, он догадывается, в чем дело, и тряхнул головой, словно все посторонние мысли должны выпасть из ушей, подумал: «Подойди и возьми». Птица приблизилась на четыре прыжка. «Не опасно?» — мысль появилась в его голове. И она была не его! Он снова сосредоточился изо всех сил, стараясь вообще ничего случайно не думать, кроме: «Подойди и возьми». Птица, смешно свесив голову на бок, подскочила совсем близко и потянулась к угощению. «Бери», — проговорил мысленно Кирилл, и ворона, осторожно взяв ветчину, мгновенно убралась подальше.

От напряжения у него заболела голова, и он решил больше не продолжать своих экспериментов в этот день.

Целый год Кирилл договаривался с воронами. Они уже не боялись его и садились на плечи, шевелили клювами волосы, словно перья чистили. А соседи начали поговаривать, что права была бабка, и мальчишка этот детдомовский — одержимый, сатанист, антихрист и прочее. Кириллу было все равно, — он ни с кем, кроме ворон, во дворе не общался. А мама насторожилась.

— Что с тобой, маленький? — заговорила она однажды вечером после того, как он в очередной раз на виду у всего двора прогуливался с дикой вороной на плече. — Я понимаю, ты молчишь, вот детки с тобой и не играют. Но вороны?!

Он старался улыбнуться, выходило не очень — судорога сводила мышцы, и получалась кривая ухмылка, мама это понимала, других раздражало.

Она вдруг заплакала и крепко прижала к себе, глядя по голове, по спине, приговаривала:

— Маленький, бедненький. Досталось же нам. Солнышко ты мое, что хочешь делай, хоть с воронами, хоть один, только живи.

Вдруг в этом тепле и трепете он почувствовал нечто, чего не было раньше.

Это был и звук, и мысль, непонятно откуда, дальше, чем самолеты. И сам не ожидая, он вдруг отстранился от матери и хрипловато прошептал:

— Сева?

Мать вскочила, а он, уставившись на ее живот, твердо произнес:

— Сева.

На следующий день Кириллу объявили, что у него будет младший брат, и снова начались походы по врачам, он не слушал разговоры, гораздо интереснее было то, что думали. То есть вообще ничего особенного, почти все одно и то же: «Откуда я знаю, что творится с этим парнем? Здоров. Условия прекрасные. Отстает непонятно почему». И только один доктор однажды удивил.

Как та старая ворона, он смотрел прямо в душу, и Кирилл попробовал: «Здравствуйте».

— Мамочка, — вдруг произнес доктор, отложив в сторону какие-то молоточки, — не могли бы вы оставить нас с молодым человеком вдвоем на несколько минут?

— Да-да, конечно, — мама поспешно вышла.

Доктор снова уставился на Кирилла: «Ну-с?»

«Как-то так», — подумал Кирилл в ответ.

— А теперь все то же самое, только вслух, — прошептал доктор и продолжил нараспев. — Ну-у-с.

— Как-то так, — прокаркал Кирилл.

— Читать умеешь? — тут же, без паузы, спросил доктор.

Кирилл кивнул.

Доктор выложил на стол книгу.

— Прочти название. Быстро!

— Сказки! — той же интонацией почти выкрикнул Кирилл и испугался собственного голоса.

— А с воронами что? — доктор смотрел в упор.

Кирилл подумал: «Ничего».

— Понятно, — сказал доктор и крикнул: — Мамаша, войдите!

— Отличный парень, — улыбнулся он, когда мать вошла. — Придете через пару месяцев. Ко мне. А пока давать ему все книги, которые он захочет взять с ваших полок. Все. Вы меня поняли? И из этой школы заберите. Нечего ему там делать.

— Что с ним? — то ли встревожилась еще больше, то ли обрадовалась мать.

— Типичное индиго, — доктор хлопнул ладонью по столу.

— Что? — не поняла мама.

— Это точно не заразно, — хмыкнул доктор. — Придете в следующий раз, объясню подробнее. Да. Всем скажете — аутизм. Не опасно ни для их душ, ни для их тел. И читать, — пусть читает сколько хочет.

Если счастье есть, то оно пришло! С утра Кирилл получал доступ к библиотеке отца и не вылезал до вечера, когда, наспех поужинав, выбегал во двор к воронам делиться колбасой и прочитанным. Старые вороны без особого интереса слушали его мысли, иногда он ловил их замечания: «Ну тупые, ну тупые эти люди», а молодым нравился Маяковский. Они мгновенно запоминали стихи и декламировали их мысленно, подкаркивая в ритм, страшно раздражая соседей. Через некоторое время Кирилл понял, что дело именно в ритме, а смысл они считали никчемным. «Сами вы недоумки», — обижался он. Кирилл пытался почитать им Хлебникова. Назло. Пусть помучаются. А им понравилось. «Вот!», — смотрели они в душу Кирилла. «Это сила!» И в благодарность принесли угощение.

Это случилось первый раз после стихотворения про смехачей. Молодой, почти еще вороненок, принес Кириллу конфету. Не грязную, замусоленную, а новую, словно с прилавка, положил ее на колени приятелю: «Бери».

«Интересно, что ты еще можешь притащить?» — подумал Кирилл. «Что захочешь», — ответил вороненок. «А деньги?» — Кирилл не ожидал, что подумает такое. «Что это?» — не поняла птица. Кирилл показал. «Ну, точно тупые», — услышал он хор вороньих мыслей. «Надо же так все усложнять».

Не такими словами думали вороны, и вообще они сначала думали не словами, но постепенно всей стаей вместе с Кириллом создали русско-вороний язык. Трудно было бы обычному человеку осознать, что это такое. Люди разделяют мысли, чувства, эмоции и образы, а птицы — объединяют. На следующий день вороненок принес одну бумажку. «Столько?»

Кирилл объяснил, что это маленькие деньги, их хватит только на шоколадку из киоска напротив.

К концу месяца у Кирилла в копилке собралась приличная сумма. Он купил в гастрономе три килограмма ветчины и устроил птицам пир: «Вот зачем деньги!»

Воронам понравилось.

От соседей не ускользнуло, что вороны таскают Кириллу купюры, и они не замедлили предупредить родителей, погруженных в приготовления к появлению малыша, что предоставленный сам себе недоумок растет вором. А как он науськал ворон красть деньги? Так бесы и помогли!

— Ну-с. Так что с воронами? — спросил доктор, предварительно выставив за дверь озабоченную и перепуганную маму.

Кирилл молчал.

— Молодой человек, думаю, вы можете ответить на мой вопрос письменно.

Перед Кириллом появились бумага и ручка. Он смотрел на доктора и не знал, о чем рассказывать.

— Обо всем по порядку.

«Это так много, я устану писать», — подумал Кирилл.

— Можете вслух. Это быстрее. Можем сегодня только начать.

— Мы говорим на одном языке, — прошептал Кирилл.

— Ты имеешь в виду себя и ворон или нас с тобой?

Кирилл задумался.

— Давай про ворон, — помог доктор.

Приходя к доктору каждый день в течение недели, Кирилл поведал всю свою историю.

— И почему от тебя скрыли, что твои родители погибли в автокатастрофе? По-моему, ты имеешь права это знать, — сказал доктор на очередном приеме. — Твои новые папа и мама души в тебе не чают.

Кирилл, приготовившийся было зареветь, вдруг улыбнулся без спазма, подумав о новой маме с Севой внутри. Тех, родных, он не помнил и не чувствовал. Их нет. А Севка — вот он, скоро будет. Только имя другое. Ну и что?

— А теперь не менее серьезные темы, — доктор посуровел и взглянул на Кирилла очень строго.

— Знаете ли вы, молодой человек, что такое воровство?

Кирилл уже догадывался, что его эксперимент с воронами пошел не туда, что-то не то они должны делать вместе. Но так хотелось шоколада!

— Шоколада, значит, — кивнул доктор. — А, к примеру, девочке тоже хочется.

Твоя ворона свистнула у нее деньги, тебя накормила, а та сидит и ревет. Ей обидно. Тебе ее не жалко? Или пусть тоже у кого-нибудь украдет? У старой больной бабушки, например? Она в аптеку идет купить лекарство на последние деньги, а какая-то ворона раз! И на шоколадку. А бабка пусть страдает. Ты же особенный, а люди, как твои вороны говорят, — недоумки. Пусть страдают. Тебе для того способности даны, чтобы обманывать, делать всех несчастными? Ну, пока тебя не поймают, конечно. А может, чем-нибудь другим заняться? С воронами? Помочь людям понять птиц? Нет, это скучно, шоколадка интереснее и вкуснее.

Доктор ходил по кабинету и рассуждал, как будто Кирилл не слышал его. Но Кирилл слышал, и ему было стыдно. Он заплакал.

— А ты знаешь, — вдруг улыбнулся доктор, не замечая слез. — Не всё потеряно. Хочешь в особую школу?

— Хочу! — выпалил Кирилл, чтобы только прекратить неприятный разговор.

— Это не психиатрическая клиника, куда бы он, несомненно, попал через годик и где бы ему сделали лоботомию, — пояснял доктор маме. — Это интернат для особенных детей. Все выходные и каникулы он будет с вами. Мальчика нужно учить, у него талант. Особенный.

Так Кирилл попал в закрытое учебное учреждение, которым руководил доктор. А вся воронья стая, на радость соседям, перелетела в парк с дубами.

— Ты тоже синий-синий! — услышал однажды Кирилл за спиной, и вороны, против обыкновения, не разлетелись в разные стороны, а остались сидеть на плечах, руках и на голове Кирилла.

— Синий? — Кирилл обернулся.

Перед ним стояла девчонка примерно его лет.

— Синий. Здесь все дети синие. Это не отвлекает на уроках.

— Что? — Кирилл не услышал ее мысли.

— Не пытайся, — засмеялась она. — Я умею.

— Что умеешь?

— Закрывать. Я Марина.

— Кирилл.

— Да знаю-знаю. Считающий ворон.

— Ага. А ты тоже? Это? Индиго? И с воронами можешь?

— Конечно. Прямо из психушки сюда перевели. Только я не с воронами. Я ауру вижу. Знаешь, что такое аура?

Кирилл кивнул.

— Можно? — она протянула руку, и одна из ворон тут же уселась на ладонь Марины.

— Как приятно! — вскрикнула девочка. — Какие у них лапки нежные!

Разноцветные люди

Больше всего на свете Маришка ненавидит черное кресло и оранжевую табуретку. Кресло — за цвет. Других претензий нет. А табуретка — пыточная. На ней Маришка сидит в углу, наказанная, и думает о своем поведении, — как будет себя вести, например, на пиратском корабле или в логове дракона, которого можно и приручить. Пиратского капитана тоже можно приручить. Маришка ловко переводит мысли с неприятных на интересные.

Табуретка стоит посреди большой комнаты, рядом с накрытым к празднику столом. Маришке сегодня исполняется семь, и через неделю она пойдет в школу.

Кресло — рабочее, компьютерное, кожаное, огромное и какое-то членистотелое, как монстр из ужастика, живет оно в папином кабинете. Там много интереснейших детских книг с картинками. А кресло сторожит, и ходить мимо не то чтобы страшно, — противно.

Кресло — не главное сегодня. Должна быть главной Маришка. Но получается — табуретка.

Маришка вздрагивает за секунду до того, как в прихожей раздается звонок. Вот так всегда — она пугается раньше, чем что-то случается.

Гости собираются на день рождения, хозяева-родители горды и счастливы, только у Маришки внутри маленький удавчик сворачивается клубочком и пытается спрятать голову.

— Дочь! К тебе пришли! — это папа.

Почему к ней? Ей никто не нужен сегодня. Она бы с удовольствием посидела в кабинете, занавесив черное кресло желтым пледом, получился бы динозавр. Она бы погладила его и взяла книжку. Одну только. Сначала. Там наверняка есть пираты. Она сумела прочесть название на корешке: «История морских разбойников».

— Мариша! Ты где? — это мама.

— Смотри, что мы тебе принесли?! — тетя Оля.

Удавчик забился в панике, сворачивая и разворачивая дрожащие кольца. Он не умеет принимать подарки, от ужаса он сейчас покинет Маришкин живот через рот.

«Нам нравится, нам нравится, нам нравится», — уговаривает Маришка. И медленно появляется в дверях. Как призрак в мультике «Кентервильское привидение». Вот бы такое привидение пожаловало к Маришке на день рождения, а все бы разбежались, а они бы вдвоем...

— Что надо сказать?

Маришка поднимает глаза на маму и зажмуривается от праздничного сияния: какая она красивая, — королева в короне.

— Ой, ты говорить разучилась?!

Тетя Оля тоже в короне, только чуть-чуть ржавчины по краям.

— Она растерялась от радости!

Папина рука ложится на Маришкино плечо. Маришка прижимает к себе увесистую коробку.

— Спасибо, — это она пискнула или удавчик?

— Ну же! Посмотри, что там? — тетя Оля хочет насладиться Маришкиным восторгом.

Это ужасно, — при всех распаковывать подарок, при всех чувствовать, чтобы все поняли и увидели... «Нам понравится, нам понравится, но не слишком».

В коробке набор первоклассника. Приятно пахнет новыми карандашами, и все такое желтенькое, и нежно-зеленое, и голубое, как Маришка любит. Удавчик растянулся от удовольствия, можно выдохнуть с облегчением, — в этот раз не будет так, как два года назад, когда тетя Оля принесла ужасную куклу.

Кукла жила в яркой коробке ядовитой расцветки. И наощупь сразу показалась Маришке не очень приятной. Но самым мерзким оказались куклины глаза. Чернее черного кресла. И там, внутри, был неживой ужас! Маришка отбросила куклу и заверещала, как укушенная змеей мартышка. Это папа сказал про мартышку.

Ей потом долго объясняли, что, если подарок не нравится, хотя кукла просто

красавица, ты должна благодарить и делать вид, что все хорошо. А она сидела на оранжевой табуретке и боялась куклы больше любых наказаний. У нее даже температура поднялась. Мама куклу куда-то унесла — хорошей девочке. И Маришка до сих пор не знает, как хорошая девочка перенесла встречу с чудовищем, если уж она, не очень хорошая девочка, чуть не умерла от страха. А тетя Оля пообижалась, но потом подарила книжку — звучащую «Азбуку». Кстати, по ней Маришка и научилась читать.

Дядя Боря принес конструктор ЛЕГО. Уже шестой. Здорово придумал. Каждый год новый набор. Если ему не надоест, то, когда Маришке исполнится восемнадцать, она построит из всех наборов дом и поселится там со всеми своими зверями: с удавчиком, сворачивающимся от ужаса, со скребущимся от шалости котом, с волком, воющим не от тоски, а от радости.

Бабушка связала платье.

— Ой, — не удержалась Маришка. — Мы с ним будем дружить! Оно такое! Оно такое! Оно совсем живое!

Бабушка захлопала в ладоши. Даже слезинка заблестела в уголке глаза волшебным камушком, а погасшая было корона вспыхнула серебристым пламенем.

Потом опять началось ужасное. Когда собрались гости, пригласили в большую комнату. А там оранжевая табуретка.

— Что нам сегодня прочтет именинница? — тетя Оля напоминала подаренную однажды куклу.

Пол медленно поплыл из-под ног, приближая Маришку к табуретке.

Нет ничего отвратительнее, — стоять на этой оранжевой гадине и чувствовать жар подошвами тапочек. Она не сломается, не провалится вместе с Маришкой сквозь все этажи до другой стороны Земли. Она будет тверда и прочна. А Маришка будет бороться сама с собой и помогать внутреннему зверю не слохнуть от стыда и страха. Она будет читать «У лукоморья дуб зелёный...» «А бурый волк ей верно служит». Это великие стихи. Самые любимые. Но не при всех же!

— Маришенька, почти, как ты мне читала, — улыбается бабушка.

У нее и во втором глазу засветился волшебный кристаллик. И бурый волк внутри завыл радостно. А Маришка, глядя только на бабушку, начала с выражением:

— У лукоморья дуб зелёный...

Вот тебе, табуретка! И не стыдно!

Любить или не любить школу — Маришка не знает. У нее есть свой опыт: то, что нравится сразу, скорее всего, будет нравиться и потом, но не всегда. Она не торопится делать выводы и просто пожимает плечами на мамин вопрос: «Ну, как тебе первый день?»

Мама некоторое время смотрит с ожиданием, а потом спрашивает:

— Что-то случилось? Тебя кто-то обидел?

— Всё в порядке, — уверяет Маришка.

— Тогда в чем дело? Что тебе не понравилось?

Маришка чувствует, что мама так просто не отстанет, поэтому пытается сформулировать:

— Я не говорила, что мне не понравилось. Я просто не тороплюсь нравиться, то есть чтобы мне нравилось.

Папа хлопает в ладоши:

— Мудро! Молодец, дочь!

Маришка осторожно привыкает к школе. Там все так неоднозначно! Мама

пугала, что придется стихи при всех рассказывать! Не стоя на табуретке, а у доски, перед всем классом! И видеть, как на тебя смотрят, и как меняются, и что о тебе думают, — это уже Маришка добавляет мысленно. Она набралась смелости, и, когда учительница знакомясь с учениками, прокомментировала:

— Этот мальчик из нашего двора! Он сейчас просто испугался, а вообще, он — голубой!

Учительница сердится:

— Девочка, не смей говорить: во-первых, с места, а во-вторых, глупости! Что значит «голубой»?!

— Это значит... — начинает Маришка заплетающимся языком, но учительница прерывает:

— Я же велела тебе молчать. С места нельзя говорить, когда тебя не спрашивают!

Хочется Маришке сказать, что ее как раз спросили про «голубой», но уже — никак. Уже удавчик свернулся комом под самым горлом.

Потому, когда на следующем уроке велют рассказать немного о себе, она не может выдать из себя ни слова. Учительница ждет и постепенно темнеет, как мама, когда Маришка проказничает. Сейчас отправят при всех в угол.

— Марина, — светлеет учительница. — Когда я тебя спрашиваю, ты должна отвечать. Поняла? Только когда я велю тебе это делать. На уроке. Поняла?

Маришка кивает и медленно и тихо говорит что-то несурзное про зверей внутри.

— Я рада, что у тебя хорошая фантазия, — останавливает учительница. — Но сейчас мы просто рассказываем о себе, о своей семье. Понятно?

Маришка кивает и начинает говорить то же, что и все:

— Я живу с мамой, папой и бабушкой. И с котом.

Ей хочется рассказать про котов: про внутреннего и внешнего, — они братья. Про то, как внешний кот Фелька лежит на внутреннем, когда Маришка болеет. Они оба урчат, и всё проходит. — Но замолкает.

— Ну, хорошо. Садись, Марина, если это все, что ты можешь рассказать.

Всё?! Да Маришка может рассказывать до вечера! Но не вслух. Теперь.

Голубому мальчику Серёже приходится туго. Он не научился читать — ему не дарили звучащую азбуку, — и теперь не успевает за всеми. Маришка знает, что никакие объяснения не помогут, если ты не почувствовал слова, их ритм. Она сама это открыла, когда прочла первое слово «молоко». Она даже не сразу догадалась, что оно значит, потому что пелось: «мооо-лооо-коооо», дня через три поняла, когда почувствовала вкус. А Серёжу просят всё понять сразу. Это тоже пугает Маришку в школе: как понимать, если просят? А если она попросит понять ее, — даже слушать никто не станет.

Маришка бегло читает, считает без ошибок, и в тетрадках у нее полный порядок! Самые аккуратные в классе! А вот речь не развита. Не может пересказать прочитанное и вообще рассказывает плохо. Это то, что услышала мама на первом родительском собрании.

За Маришку взялись. Она читает вслух книжку про Филиппка, потом должна рассказать.

Филиппку она сочувствует, когда тот от страха не может ответить учителю. Ей только не все слова понятны. Что такое «бедовый»? Это какой? — тот, что беду приносит или чувствует? Или видит? Она думает об этом, и рассказывает:

— Жил-был мальчик. Он видел беду, бедовый был.

Мама темнеет:

— Там что написано?! Там это написано, я тебя спрашиваю?!

— Да, — всхлипывает Маришка.

А что же еще?! Не рассказывать же маме то, что она и сама знает. Зачем?

— Ой! — бабушка берет книжку в руки. — Что это за сказка такая? Расскажи, Маришенька, что там написано?

— Мама! — уже кричит мама. — Что ты с глупостями?..

Но бабушка смотрит на маму строго, и та, махнув рукой, уходит из комнаты.

— Расскажи, — продолжает бабушка и гладит Маришку по голове, поправляя выбившиеся из-под обруча волосы.

— Я могу тебе прочесть, — успокаивается Маришка.

— Прочесть? А, ну можно и прочесть. Только, знаешь, я сейчас на кухне твои любимые оладушки жарить буду. Книжке на кухне не место, — жар, копоть. А вот послушать, как рассказываешь, пока готовлю, — это же такое удовольствие.

И Маришка бежит за бабушкой на кухню рассказывать Филиппка наизусть, со своими комментариями: что бы она делала на его месте, если бы встретила злых собак. Ведь не злые они никакие, а несчастные, и...

Так теперь и проходит приготовление ужина. Бабушка хлопочет у плиты, а Маришка рассказывает прочитанное. За новогодние каникулы всего «Незнайку» рассказала.

Маришка устала. Спасет только приближающееся лето, которое станет лучшим в жизни. Внутренние звери все время спят, — нет сил. Не то чтобы она не полюбила школу. Полюбила. Наверное. Если бы она ходила в детский сад, как большинство одноклассников, быстрее бы привыкла... Но у нее настоящая бабушка вместо яслей и садиков. Могла бы и вместо школы. Но так нельзя. Поэтому Маришке больше нелегко чувствовать и видеть. Точнее, видеть и чувствовать. Все чаще она закрывает глаза на уроках, и учительница делает ей замечание. Внутри вылупился всевидящий маленький филин. Это новый зверь. То есть птица. И смотрит на мир, когда Маришка не хочет.

Голубой Серёжка останется на второй год. Наверное, это самое страшное, что может случиться в школе.

— Давай помогу, — говорит ему Маришка на перемене.

— Чего? — не понимает Серёжка.

Он за год стал сизым, как тяжелое облако. И часто плачет, когда его ругают.

— Читать очень интересно, — продолжает Маришка.

— Не-а, скучно, — буркает Серёжка.

Маришка ему начинает рассказывать про Незнайку.

Позже, по дороге домой, продолжает.

— А дальше? — спрашивает Серёжка около Маришкиного дома.

— А дальше сам прочтешь!

И Маришка исчезает в недрах парадной.

«Научиться чему-то можно, если только интересно», — думает Маришка. А как узнать, что интересно? Если взрослые часто обманывают, говорят, давай-делай, это здорово, а на самом деле совсем нездорово, трудно и вообще выбивает из сил и портит настроение. Они хотят как лучше. Они говорят — «так надо».

Лето не приносит ожидаемого. Все вернулось на круги своя, кроме Маришки. С одной стороны, можно было бы отдохнуть. Весь вопрос: от чего? Она теперь очень бегло читает и не может без этого, домашняя библиотека в ее распоряжении. И задачи

решать приходится всюду, да и не в тягость это. А вот от людей не сбежать. Не сидеть же дома, запершись в папином кабинете. А как выйдет на улицу, там люди во всех их сияниях и проблемах. И не глаза даже слепит, а душу. Не может Маришка понять, что с ней происходит. Сказала папе, а тот превратил все в игру. Мама велела не выдумывать глупостей, а бабушка встревожилась:

— Молчи, девочка, про это. Никому не говори. Мало ли чего подумают про тебя. Поняла?

Раньше, чтобы увидеть больше, нужно было настроить глаза — расфокусироваться, теперь это происходит само собой. От этого она больше всего и устала в последней четверти, так что стала невнимательной.

— Отличница авансом, — прокомментировала мама свой поход на последнее в году родительское собрание.

Маришка еще не совсем поняла про аванс, но прозвучало обидно, словно ее унизили пятерками. Серёжка свои тройки получил, и столько счастья!

— Ты должна быть лучшей! — строго говорит мама.

— Почему?! — Маришка не понимает.

— А это демон. Надо так хочет, — смеется папа.

— Ой, опять эти глупости! — мама тоже улыбается, хотя и хочет казаться серьезной. — Где бы я была, если бы не золотая медаль?!

— А где ты есть? — серьезно спрашивает папа.

— На своем месте, — бабушка вносит блюдо с оладушками. — Все на своем месте!

Мыть руки!

Бабушка сияет все сильнее. Она такая серебристая. Слишком сильно. Маришка не знает почему, но так не должно быть.

— Она умирает, — ухает внутри всевидящий филин.

— Нет! — вскрикивает Маришка и прижимает ладони ко рту.

— Что нет? — сердится мама. — Бабушка велела мыть руки, иди мой.

Кому Маришка может сказать?

К концу лета сияние бабушки невыносимо. Удавчик внутри завязывается узлом, кот скребется, просится наружу, волк тревожно воеет, а филин неумолим.

Бабушку увозят в больницу.

— Она умирает, — тихонечко говорит Маришка папе, когда они вечером ужинают вдвоем. Мама дежурит в больнице.

— Ну почему ты так думаешь? — папа сердито бросает ложку на стол. — Это совсем может быть не так!

Он сейчас очень темно-зеленый, и Маришка понимает, что в его словах нет уверенности.

— Ты тоже так думаешь, — говорит она.

— Нет, — резко возражает папа. — И давай не будем об этом больше. Никто не знает!

— Я знаю, — не унимается Маришка. — Я точно знаю.

Она плачет и не может остановиться.

Бабушку хоронят через неделю.

Маришка больше не хочет быть Маришкой. Так звала бабушка.

— Бабушки нет, — говорит она папе. — Маришки теперь нет. Есть Марина.

Папа кивает:

— Извини, если мы первое время будем сбиваться по привычке.

А потом приходит осень. Зима, весна и новое лето. И дальше еще пару раз... Или больше.

Марина пинает ногой оранжевую табуретку с такой силой, что та разбивается о стену.

— Легче? — мама выходит из комнаты, хлопая дверью.

Нет. Не легче. И табуретку жалко. Столько с ней вместе пережито. Столько стихов прочитано. Трибуна, а не табуретка. Может, папа сможет починить?

Но папа молча уносит на помойку деревянные останки.

Удавчик, кот и волк свернулись в один клубок.

— Уходите, — говорит им Марина, всхлипывая. — Все! Свободны! И не нужно мне никакого дня рождения и подарков этих дурацких! Сто десятого набора ЛЕГО! И что там еще?! Куклу-монстра! Ах да, подарите мне детскую книжку с картинками-раскрасками!

— Что-то случилось? — папа глядит исподлобья, и Марина отвечает резко:

— Ничего!

— Дочь, ты знаешь, мы можем поговорить о чем угодно.

Неуверенность в его голосе раздражает, Марина бросает:

— Не можем!

Она надеется, что он начнет настаивать, пошутит, тряхнет за плечи, скажет что-то вроде «колись», и она как бы нехотя расскажет. Но он играет в терпимость, пожимает плечами:

— Как скажешь.

И тоже уходит!

И этих, троих, она не чувствует в себе. Удрали! Только филин еще остался, но, может быть, он и есть главный враг! Хотя при чем здесь эти детские фантазии? Просто она, Марина, — сумасшедший урод, который видит всякую дрянь.

Сегодня ей двенадцать. Табуретки нет. Она не читает стихов, лишь задувает свечи на покупном торте. И не загадывает желание, потому что не уверена, что действительно хочет больше не видеть ауры людей.

Теперь она знает о биополе, спасибо интернету. Но что с этим делать?! Это совсем не прикольно, иногда страшно, словно кто-то набрасывает пелены и шали или, наоборот, раздвигает никому не видимые шторы, и ночью Марина долго лежит в постели, в темноте, не закрывая глаз, без сна, стараясь не думать ни о чем, но не получается. Не получается отвлечься, не замечать, сосредоточиться только на занятиях в школе, когда она видит, как багровеет учительница и ее поле выбрасывает щупальца, и те впиваются в бледную оболочку Серёжки:

— Я что сказала делать, бестолочь!

— Не орите на него! Вы его убиваете! — не выдерживает Марина.

— А тебя кто просил говорить с места?! Умная нашлась!

Потом директор распинает ее в своем кабинете и пеняет маме, что надо бы объяснить девочке, нельзя так разговаривать с учителем.

И учительница кричит:

— Марина совсем от рук отбилась, и, если дальше так пойдет, никаких сил с ней не будет и сладу.

Все темнее цвет, все длиннее щупальца, которыми она обволакивает беспомощно кивающую, растерянную маму. И вот уже они тянутся к Марине. Но, коснувшись ее, словно обжигаются, сворачиваются, как опаленная синтетическая веревка. Внутри

поднимается удав. Вернулся! Разворачивается где-то в районе копчика и рвется вверх по позвоночнику:

— Не смейте так делать! — слышит Марина свой голос.

Учительница хватается за грудь и падает в кресло:

— Как ты со мной разговариваешь, нахалка! Вы слышали?! — обращается она к директору.

— Это вы не умеете разговаривать с учениками! Вы только орете! Вы ничему не можете нас научить! — не унимается Марина.

Всё. Рубикон перейден. Теперь уже неважно, что будет дальше, и она продолжает:

— Вы не знаете, что делаете! Вы спрут с щупальцами, вампир! Вы высасываете энергию детей! Поэтому вы работаете в школе на вашу нищенскую зарплату. Потому что в другом месте вас сожрут такие же, как вы, но сильнее!

— Уберите ее! Она сумасшедшая! Ее нужно к психиатру отвести! — верещит учительница.

— Молчать! — рявкает директор.

Марина видит, — его серое сильное поле обволакивает учительницу. Как желудок морской звезды.

— Марина! Немедленно извинись! — обращается он к ней, но щупалец не тянет. Лишь колышется студнем.

Мама плачет. Обычно сияющая красным, сейчас бледна, почти как Серёжка.

— Извините, пожалуйста, — шепчет Марина и выбегает из кабинета директора.

Вечером у нее поднимается высоченная температура, дико болит низ живота.

— Так теперь иногда бывает, — говорит докторша. — Сейчас у девочек так болезненно все начинается. Ничего, гормоны стабилизируются. Но лучше сдать анализы.

— Ну, тогда и поведение? — с надеждой спрашивает мама.

— Разумеется, — соглашается врач. — Объясните учительнице, она поймет.

Ничего она не поймет, думает Марина, у этой мегеры органа понимания нет. Та, что была в начальной школе, все-таки держала себя в руках. Тоже орала, но сожрать не пыталась. А эта, математичка, бухгалтерша, даже задачки со звездочками решить не может. Людоедка! Марина никак не может успокоиться, и вернувшийся удав бьется внутри, рвется наружу. «Удавлю», — шипит Марина и пугается своих мыслей. Гормоны утихнут, и станет легче, вспоминает Марина слова докторши.

Но становится только хуже. Марина старается не смотреть на людей, ходит чуть ли не с закрытыми глазами.

— Ишь, выросла, — слышит она слова старушки-соседки. — Маленькая была такая ласковая да вежливая. А теперь ни здрасьте, ни до свидания!

Марина оборачивается, надо бы поздороваться, извиниться, объяснить, что задумалась, но старуха глядит неприветливо.

— Иди уже, чего глазищи вытарщила?!

Марина видит, как бурое облако вздрагивает, растет и бьется, но бабка только сильнее поджимает губы от собственной боли где-то внутри.

— Вы скоро умрете! — бросает ей Марина и уходит прочь, затыкая уши ладонями, чтобы не слышать поток брани в спину.

Зачем?! Зачем она сказала это пожилой женщине?! Ужасно стыдно! И страшно. Видеть приближение чужой смерти невыносимо. Особенно, если ничем не можешь помочь.

Старушка спустя неделю скончалась от инсульта прямо там, на лавочке,

на глазах своих подружек, которые больше никогда не присаживались посплетничать вечером на этом месте. По крайней мере, пока Марина жила здесь.

Серёжка перестал быть голубым. Он — словно больной городской голубь: то сизый, то серый, то бурый. Аура все тоньше. С каждым днем. Словно намокшие слипшиеся перья. Ей жаль его. Настолько, что она все время думает о нем. Они могли бы дружить. Марина помогла ему однажды, — читает же теперь. Он бы учился нормально, если бы хоть через раз домашку делал. «Лентяй», — так говорят учителя. Марина думает, что лентяи бывают из-за проблем с аурой. У сизо-серо-бурого человека нет сил, чтобы учиться. Вот и плывет, как говорят те же учителя, по течению. Так бывает, когда человек болен, она видела. Но Серёжка здоров. Марина пока не разобралась, почему цвет болезни появляется у здоровых и они летят с катушек, срываются с цепи, им сносит башню, — что там еще происходит?

Серёжка сидит перед ней через парту. Она смотрит в его спину. Быть может, если долго смотреть и желать, чтобы цвет изменился, получится?

Он ёрзает, сводит лопатки и резко оборачивается. Марина не отводит взгляда. Мальчик глядит неприязненно и даже насмешливо.

— Чё надо?! — подходит он к ней на перемене вразвалочку.

— Ничего, собственно. Помочь хочу...

Она не успевает договорить про поле и цвет, он слишком близко к ней, дышит неприятно, курил в туалете, губы мокрые и кривые:

— Чё ты мне в спину зыришь? Нравлюсь? Хочешь...

Он произносит это слово! Оскорбительное, стыдное! И немедленно развернувшийся удав невидимым хвостом хлещет его поперек живота. Серёжка сгибается от боли, и Марина видит, как в месте удара образуется разрыв, заполняя серо-бурое красно-красным.

— А-а-а! — орет Сергей. — Это ты сделала? Что это? Дура!

Он падает, держась за живот:

— Чё ты сделала?! Отстань от меня! Уродка! Сумасшедшая!

— Я хотела помочь, — по инерции шепчет Марина, но удав сжимает горло, а филин клюет душу.

— Ненавижу, — выдыхает она.

Сергея рвет пеной на пол при всех.

Директор словно вырастает над Мариной, хотя по росту она уже почти догнала его:

— Что тут происходит?

— Это она меня! Она! — кричит, захлебываясь Сергей.

— В мой кабинет. Немедленно!

Марина покорно плетется за директором, желая больше всего, чтобы ее выгнали из этой школы.

— Я не знаю, что между вами произошло. Может, расскажешь?

Директор колышется, как серый океан, словно одурманивая, но Марину не проведешь, и она молча наблюдает за его манипуляциями, ищет щупальца. Их нет.

— Я жду.

Марина молчит.

— Я хотел бы знать, как ты ударила мальчика? Чем? Я понимаю, он, может, и заслужил, но ты чуть не покалечила его.

Молчит.

— Мне придется вызывать твою маму, если ты отказываешься со мной разговаривать.

Вечером Марина температурит, и мама приносит морс.

— Ну, что случилось, можешь ты мне сказать?

Не может, потому что бессмысленно.

— Не понимаю, что с тобой происходит! Он обидел тебя?

Она не собиралась бить, так получилось, ей самой теперь тяжело и больно в животе, удав перестарался. Это, что ли, объяснять?

— Я больше в школу не пойду.

Мама повышает голос:

— Как это «не пойду»?! Учиться — твоя обязанность!

Марина отворачивается к стене.

— Пойдешь как миленькая! — бросает мама и выходит из комнаты.

Я — уродка, думает Марина. Монстр. Мутант. Значит, помочь не получится, а вот вырубить — пожалуйста! Я так не хочу! Что бы я ни пыталась делать, выходит только хуже! Бог, ты там есть или как?! Забери меня! Слышишь?! Я же поубиваю всех! Или это моя миссия?!

Температура держится три дня.

— Нервный срыв, — ставит диагноз врач.

— Что-то частенько у нее такие срывы, — беспокоится мама. — Может, специалисту, какому-нибудь невропатологу показать? Подскажете кого?

— Есть один знакомый, — как бы нехотя говорит врач. — Специалист в области ювенальной психиатрии...

«Отлично, — думает Марина. — Лучше в дурку к психам, чем в эту школу».

Через неделю Марина стоит в кабинете, открыв рот, уставившись на доктора, и не видит никакой ауры, словно ее нет.

— Ну-с, — доктор воззрился на Марину. — По какому поводу буйство?

Она не ответит, пока не разберется, с кем имеет дело. Какого цвета этот человек? Но против воли чувствует доверие. Рассказать как есть? А может, остаться здесь, в его клинике? А там разберемся.

Доктор ждет минуту. Потом берет книжку, открывает и, прежде чем углубиться в чтение, говорит:

— Прием длится пятнадцать минут. Если ты намерена молчать, я с удовольствием читаю детектив, а потом напишу в карточке, что ты абсолютно здорова и можешь приступить к учебе. Тебя устраивает? Так и сделаем!

Марина пару минут наблюдает за ним и догадывается — он закрылся, он подозревает что-то. Так хочется сказать правду! Но вдруг опять! Или попытается все превратить в игру, как папа. Или... Она не знает, что «или», но в школу возвращаться нельзя.

— Я слышу голоса! — вдруг выпаливает она, сама не ожидая от себя лжи.

— То есть? — доктор переворачивает страницу.

Марина пока болела прочла повесть «Голоса» Житинского, ей понравилось. Теперь ее несет:

— Я слышу, будто говорят взрослый и ребенок.

— И что они говорят? — доктор задает вопрос, глядя в книгу.

— Ничего. Не знаю. Не разобрать.

Марина пожимает плечами.

— Совсем ничего? Или они что-то советуют тебе? Может быть, велят? Ударить, например. Вот как того мальчика?

— Точно! — кивает Марина. — Он гадость сказал. Я обиделась очень. Ну, они и говорят: «Врежь ему, не бойся», — я и врезала.

— И часто такое бывает?

— Это было первый раз. Обычно они грубости всякие говорят, а я повторяю.

Марина смотрит на доктора, он ярко синий. Синий-синий! Ее бьет озноб, и она больше не слышит его вопросов.

— Думаю, есть смысл оставить девочку в клинике для обследования.

За ужином ей предлагают таблетки, чтобы спать на новом месте. Она в карантинном боксе и ей тревожно. Лучше бы не пила. Не то что уснуть, она всю ночь сидеть не может. Бегает по кругу. К утру ужасно болят ноги. Чем ее опоили?!

— Странно, — бормочет доктор, зайдя утром проведать пациентку. — Те, кто реально слышат голоса, успокаиваются и мирно дрыхнут от такой дозы. Возможно, ты больше фантазируешь, но это не имеет отношения к психиатрии, и тебе пора в школу...

Он уже держится за дверную ручку, и Марина почти кричит:

— Не уходите! Вы же синий! Ярко-синий!

Доктор оборачивается:

— И что?

Она ожидала какой угодно реакции, но не этого. Все разбивающая реакция. Она сама этим пользуется. На любую фразу говорить «и что?».

— Не знаю, — Марина садится на краешек больничной койки.

Ее снова бьет озноб и из глаз рвутся слезы. Удав свернулся до боли.

Доктор присаживается рядом:

— Давай. Колись теперь, индиго.

— Что?

— Ты сама синяя-синяя.

Такой болтуньей Марина не была много лет.

В новой школе она мгновенно находит общий язык с ребятами.

— Да ты просто душа компании, — улыбается доктор. — А вот того мальчика с воронами мало кто разговорить может. — Марина уже почти не слышит доктора. Внутри удав пританцовывает, медленно поднимаясь по позвоночнику, филин прячет голову под крыло, кот и волк... Что? Вернулись, предатели?! Ладно, живите пока!

«Это наш друг! Самый настоящий друг».

— Ты тоже синий-синий, — кричит Марина, и новый друг оборачивается.

— Синий?

Неужели он не знает? Она ему все расскажет! Она ему поможет...

Крысолов

— Мой медвежонок. Пухляк! Так бы и съела сладенького, — мама мнет Кольку. От нее пахнет жареной картошкой, и он млеет в объятиях.

— Вот ты балуешь его, Ленка, а он такое учудил! — бросает Степановна.

Мать отталкивает сына:

— А ну! Что натворил?

Но Степановна уже скрылась в темноте дома, поплотнее прикрыв дверь, дескать, сами разбирайтесь.

Мать упирает руки в бока и грозно глядит на сына:

— Говори, дрянь!

Если бы он знал?! Он пытается вспомнить. Ничего, вроде. Да и как понять, что «натворил», а что «хорошо себя вел»? Пожимая плечами, он пятится назад, спотыкается, падает. Теперь не убежать, теперь будет больно. И он обхватывает голову руками, — мать в гневе не разбирает, куда колотить. Она уже нависла над ним:

— Сам скажешь, скотина? Или я узнаю? Мне пойти узнать?!

Колька не в силах терпеть надвигающуюся грозу, пусть уж разразится. Сильнее сжимая руками голову, он орет на весь двор:

— Ничего! Ничего я не натворил! Я не знаю!

Град тумачков обрушивается. Если бы он промолчал, она взбесилась бы больше, а так лупит вполсилы. Больно, но не тошнит.

— Теть Лен! — голос Серого, дворового заводилы, останавливает ее. — Чё вы лупите Кольку?! Это Светка — дура. И бабка Степановна.

Мать останавливается:

— Ну?!

Серому четырнадцать, а Колян только семь. Серый — авторитет. Достав сигарету, он протягивает пачку Колькиной матери:

— Покурим?

Та машинально берет:

— Ты говори, там видно будет, покурим или нет.

Тем не менее прикуривает от спички, протянутой Серым.

Колян размазывает грязные сопли по лицу. Он бы убежал, но ему самому интересно, за что схлопотал в этот раз. Что-что, а любопытства из него не выбить. Серый тем временем цедит, стряхивая пепел в дворовую клумбу:

— Он слово одно произнес, а дура-Светка первый раз в жизни услышала и бабке заявила, что Колян ее матом обругал. А Колян сказал, что любит это слово, потому что оно про него, ну и про нее!

— Ну! — мать затыгивается, а потом вслед за Серым сыплет пепел в клумбу. — Слово-то какое? Матерное?

Серый усмехается:

— Ага. Матерное. Для Степановны безграмотной. «Несуразность»!

— Слово-то какое? — не понимает мамаша.

— «Несуразность», — пожимает плечами Серый.

Мать с минуту молчит, потом начинает смеяться:

— Чё? Несуразность?! Они, дурищи, решили, что это матерное?!

Серый пуляет сигарету в клумбу:

— Ну а я про что? Колян сказал, что любит это слово. Чё там малый понимает, чё придумал, не знаю. Ладно, я пошел.

Он уходит, а мать продолжает хохотать:

— «Несуразность»! И правда про тебя, медвежонок! Что же сразу не сказал?!

И не хочешь тебя лупасить! Ты ж сам заставляешь!

Она взмахивает рукой, имитируя удар, и Колька вздрагивает и зажмуривается.

— Дурачок. Вот и правда — «несуразность».

Через пару минут Колька распрямляется, как ежик, понявший, что остался один и никто уже не тронет. Он смотрит в проем между домами, — там садится солнце.

— День прошел, и слава богу, — шепчет он солнцу.

Так мама сказала: «Ты, Коля, живешь по принципу “день прошел, и слава богу”. Несуразность какая-то».

Коля согласился. Как хорошо, что день прошел, и ничего уже плохого не ждет, все случилось или случится завтра. А «несуразность» — прекрасное слово. Оно означает, что человек несет в себе разные вещи: красивые и не очень, интересные и скучные, болезненные и приятные. А еще он несет разность от всех вычитаний! Это он понял на уроке математики: подумал, если найти разность всех, получится что-то необыкновенное, что-то, что никто у тебя не отнимет.

Николай Николаевич задерживает шторы. Закатное солнце слепит глаза ученикам, и они ёрзают. Он предпочитает облачные или даже дождливые дни. Тогда уроки литературы в интернате для особенных детей проходят лучше.

— Я бы хотел... — ученики, услышав сослагательное наклонение, настораживаются: оно требует безупречной тишины.

Учитель кивает, благодаря, и продолжает:

— Желательно, чтобы образ Крысолова вы поняли со свойственной вам пронизательностью, не так, как его обычно преподносят.

— А как его обычно преподносят? — усмехается Кирилл.

Учитель на секунду задумывается, — как бы одной фразой прекратить надвигающийся диспут, который сведет на нет задачу? Но Софья уже трясет рукой, игнорировать ее он не может. Не получается.

— Говори.

Софья вскакивает. Оглядывает класс. Улыбается всем так, что Марина зажмуривает глаза.

— Я поняла! — кричит она, и полкласса выразительно затыкает уши. — Нам не нужно знать, что написано в интернете. Нам нужно только прочесть легенду о Крысолове...

— Ага. Все варианты, — перебивает Кирилл.

— Достаточно того, что я для вас распечатал.

Николай Николаевич, воспользовавшись ситуацией, хватает задания со стола, и Софья подбегает помочь с раздачей.

— Спасибо, — он протягивает ей листки, сопротивление бесполезно.

Это беспокоит учителя, но до сих пор ни одна из ее инициатив не была не то что во вред или вопреки, наоборот, девочка словно угадывает его мысли. Даже предугадывает! И смотрит в глаза с обожанием. А он ничего не может поделать, словно она не услужить готова, а диктует ему свою волю, всегда совпадающую с его. А совпадает ли?

Он и к Доктору забежал как-то после урока, чтобы рассказать о своей некомпетентности и невозможности работать с этими детьми.

— Понимаешь, Док, я и сказать ничего не успеваю, она берет и делает!

— И что тебя не устраивает? — смеется тот. — Пользуйся!

— Да. Но мне кажется, я теряю над ними контроль.

Голос Доктора звучит словно издалека:

— Теряешь? У тебя и нет над ними никакого контроля. И они знают об этом. Так что благодари Соню. Они думают, что контроль у меня. И чем дольше они будут так думать, тем лучше.

— К черту! — Николай Николаевич хватается за голову. — Отпусти меня! Дай уйти по собственному! Слушай, я боюсь их! И не понимаю, что ты задумал.

— Если честно, я тоже немного. И боюсь, и не понимаю. Но знаешь. Они не злые, — Док наливает на дно стакана коричневой прозрачной жидкости из графинчика, припрятанного в шкафу среди других, и учитель машинально гадает: «Виски или коньяк сегодня?»

— Виски, — выдыхает, пригубив.

— Ну да, — соглашается Доктор. — Сегодня четное.

— Точно!

Некоторое время они сидят и cedят по капле Jellow spot, другого доктор не признаёт.

— В том-то и дело, — прерывает молчание Николай Николаевич. — Они не злые, но и не добрые! Они... Они как природа...

— Вот-вот! Твое здоровье! — Доктор делает внушительный глоток и морщится. — Черт! Не люблю большими. Это от нас зависит, что будет: зло или добро.

— Ты думаешь?! — учитель не в силах сдержать смех. — Ты думаешь?!

— Я знаю! — Доктор ставит пустой стакан на стол, и Николай Николаевич понимает, — это такое же знание, как и уверенность в контроле. Но молчит, потому что лучше молчать. А заявление об уходе Док не подпишет.

— Больше ты не будешь меня бить! — Коля перехватывает руку и толкает разбушевавшуюся мать на стул.

Сердце ухает вниз, — вдруг промахнулся и она упадет на пол?

— Вырос?! — орет мать. Она удачно вписалась в крепкое сиденье, которое лишь покачнулось под ее весом. — Здоровый детина?! А раз здоровый, то и позаботиться о себе можешь! Всё! Отмучилась! Да! И обо мне, кстати, тоже позаботишься!

Она орет не прерываясь, а он нависает над ней, боясь сделать шаг в сторону. Если она снова попытается ударить, придется останавливать.

— Я всю жизнь одна из-за тебя! От отца-алкаша увезла! Так ты мне всех мужиков разогнал! Никто из-за тебя с нами жить не может!

«Я бы и сам с такой бабой долго не прожил», — думает Колька. Но тут же пугается своих мыслей. Как можно так о матери?! Она все для него делает. Это он никчемный. Дурной. Несуразный. Но бить себя не позволит.

— Самостоятельным хочешь быть? Будь! Только меня не проси ни о чем! И когда обгадишься! Как с тобой всегда! Ко мне не ползи! Не помогу! Не смогу! И зарабатывай теперь сам! Раз вырос, что матери и пальцем не тронуть!

Слово мать держала. Избирательно. Но в данном случае — твердо. И с этого дня дома ни обеда, ни ужина. На завтрак, впрочем, тоже только чай. У матери неплохая столовка рядом с работой, и пятнадцатилетний Колька отправляется по ночам разгружать вагоны или мыть посуду в кафе в вечернюю смену.

Днем на уроках он спит. Впрочем, и когда бодрствует, не очень-то вникает в происходящее в классе. Ему скучно, и он коротает учебное время, читая книги под партой. Учитель спросит, ответа не получит, поставит двойку, иногда поорет, иногда нет, — и отстанет.

Скучно, потому что нет веры учителям. Они лгут! Начали в первом классе. Говорили, что три на два не разделить без остатка, а Колька делил. Не совсем целые конфеты получались, но делились же! Что такое этот остаток, где он в природе встречается? Конечно, позднее про дробь рассказали, но врать-то было зачем?!

А потом оказалось, что из двух можно вычесть три. И получится отрицательная величина! Колькин мир рухнул вместе с его мечтой об абсолютной разности. Ее, этой разности, просто нет! Осталась одна несуразность.

Вот и говорили матери: сын способный, но ленивый и учиться не хочет. А она лупасила его за то, что доставляет много хлопот и неприятностей. К побоям он привык, а в то, что можно что-то поправить в жизни, не верил. Вот и получилось, — доверял только книгам. Они уводили за собой, как пресловутая флейта Крысолова, отвлекали и словно давали право на жизнь, которого у него, плохого мальчика, просто не было.

Высокий звук поплыл по классу, и ученики отвлеклись от работы.

— Заткни его! — бросил Кирилл.

Николай Николаевич уже знал, — это к Тарасу. Пока он единственный, кто может сходу контактировать с Китом, сидящим на задней парте. Остальным требовалось время для настройки. Кит слеп, глух и нем. И гудит постоянно. Некоторые учителя спешколы, да и родители учеников, высказывались против присутствия Кита на уроках вместе со всеми, но Доктор запретил обсуждать этот вопрос. Терпите!

Тарас подходит к Киту, касается плеча, вздрагивает, тот замолкает, но раскачиваться продолжает. Пусть так. В классе дети разных возрастов. Младшему, Тарасу, — одиннадцать. Он присоединился этой осенью. Кит старше всех, ему пятнадцать, но учиться начал только два года назад, когда Доктор нашел его. Точнее, когда отец Кита приволок ребенка в клинику к детскому психоневрологу на прием. До трех лет Кит, тогда он был Костей, развивался намного быстрее сверстников, но какой-то компонент плановой прививки превратил его в инвалида. Что произошло, врачи трактовали по-разному. Кит словно замер в развитии навсегда. Таким его и увидел Доктор. Таким, да не таким, каким его видели все. Потом появилась Школа.

Тарас стоит рядом с Китом, держа его за руку, и Кит расплывается своей неизменной внутренней улыбкой. Он двигает лист, испещренный точками Брайля, туда, где, по его мнению, находится Тарас, и нервно елзлит пальцами по строкам. Снова протяжно воеет.

— Ему страшно, и он не согласен, — Тарас бросает тревожный взгляд на учителя. — Вот здесь, в этом месте.

Николай Николаевич сопоставляет шрифт для слепых с текстом. Он так и думал. То место, где Крысолов, по сути, топит детей. Как Док выучил Кита читать — особая тема, а вот как объяснить подростку, что такое метафора, — задача учителя литературы.

— Он не боится, он просто взволнован, — уточняет Марина. — Совсем нет серого, очень густой синий и чуть-чуть фиолетовый.

Николай Николаевич знает, Марина говорит о сиянии вокруг тела, об ауре, которую она видит. Не то чтобы он верит, но и в неверии своем уже сомневается.

— Да, — тихонечко поддерживает одноклассницу Соня. — Ему кажется, что там неправда. Если честно, мне тоже.

— Допустим, это метафора, — хватается учитель за представившуюся возможность. — Наша задача ее понять. И по возможности донести до Кита.

Тарас сжимает плечо приятеля. Для того это значит: учитель говорит, все слушают, — и Кит замирает с выражением страдания на незрячем лице. На Николая

Николаевича — на Колю — словно глядит сама пресловутая абсолютная разность, когда остается одно страдание. Ведь именно этого никто не отнимет.

— Нужно, чтобы он понял, не все так просто! — кричит учитель, разве что ногой не топает.

Кирилл нехотя поднимается, идет к Киту. Он берет его за обе руки и закрывает глаза. Лицо Кита расслабляется, из-под век по щекам скользят тоненькие прерывистые струйки.

— Он очень опечален, — вздыхает Соня. — Он хочет что-то сказать, но я не понимаю.

— Кто-нибудь понимает?

Вопрос риторический. Они умеют Кита чувствовать. Успокоить. Кирилл даже доносит какую-никакую простую мысль. Правда, жалуется, что это больно. Но полного контакта нет. Пока, как утверждает Док.

— Ну и в чем метафора? — цедит сквозь зубы Кирилл. — По-моему, все предельно ясно. Город заселили крысы, там есть, что жрать. Народ позвал дезинсектора. Тот использовал ультразвук, и крысы сбежали. Проблема решена, — можно не платить. Это подло. Дезинсектор стубил детей, чтобы таких бесчестных людишек больше не было. Не вижу никаких метафор. Все логично. Сильные так и решают проблемы.

— Это неверное решение, — учитель пытается прервать Кирилла, который все больше распаляется и трясет Кита за руки.

Но Кирилл не слышит его:

— Почему Крысолов?! Потому и крысолов, что всех крыс извел и заодно их потомство. Не могу больше! — он резко бросает ладони Кита. — Это больно, черт возьми! Можно мне сесть на свое место?

— Конечно, — Николай Николаевич ждет очередного срыва урока, но Тарас отодвигает бурю:

— Но взрослых он не тронул. Они так и остались в городе. Он только детей увел. И неизвестно куда.

Тут подхватывает Соня. Она говорит, но смотрит на Кита, и голос ее дрожит:

— Он их просто увел за собой. В другой мир. Это и есть метафора. Он увел их от плохого воспитания и вырастит хорошими.

— Ага, — Кирилл уже справился с собой и готов к диспуту. — В одном из вариантов говорится, что он увел их в Трансильванию. Смотрите, легенда о Крысолове появилась, как вы сказали, в тринадцатом веке. А граф Цепеш когда родился?

— Точно не известно, где-то в двадцатых годах пятнадцатого столетия. Как видишь, прошло почти два века.

— Вот! — не унимается ученик. — Почему бы им и не основать великий вампирский род?! А Цепеш — один из ярких потомков. Вот вам и метафора! Милая история без жертвоприношений.

— Почему же? — улыбается Николай Николаевич, не переставая следить за раскачивающимися Китом, зажимающим рот руками, чтобы не издавать звуков. Ему однажды показали, что так нужно делать.

— Мне не нравится! — кричит Тарас. — Это вообще разные вещи. Это все притянуто за уши!

— Ну, конечно! — Кирилл опять вскакивает с места, готовясь доказывать товарищу правоту не только на словах.

— Брейк! — подбегает учитель к Кириллу, и тот послушно садится, но продолжает говорить:

— О да! Он превратил их в дельфинчиков и китов!

— Вы оба совсем серые! Остановитесь! — Марина топает ногой. — Немедленно! Или я за себя не ручаюсь!

И тут же поднимается Софья. В ее глазах слезы, она с мольбой смотрит на учителя, потому что он испуган. Она медленно направляется к Киту, который уже не сдерживает гудения, переходящего в отчаянный высокий вопль. Однажды Николай Николаевич позволил ей унять Кита. Тот сутки блаженно спал, а Соня провалялась почти без сознания то же время. Он не мог допустить повторения:

— Сядь немедленно! Я сам!

Не отдавая себе отчета, что делает, нарушая запрет Дока касаться Кита, учитель бросается к нему и прижимает к себе. Класс замирает. То, что чувствует учитель, он вряд ли может передать словами.

У матери случаются приступы любви к сыну. Тогда она хватается за него, сажает на колени, тискает, приговаривая: «Мой медвежонок, сыночка. До чего ж сладенький». Нужно быть настороже. В любой момент она вспомнит что-нибудь, Колька даже представить не может, что. Она вжимает его в себя, в свое роскошное теплое мягкое тело, как начинку в тесто, и он млеет. И ждет удара. Иногда все так и заканчивается: он летит на пол, она орет... Бывает, она просто отпускает его. Встает и идет по своим делам. Тогда он остается сидеть, представляя, что ее руки по-прежнему сжимают, гладят по голове, слышит биение ее сердца. Он сидит, сидит, пока не получает подзатыльник за то, что бездельничает.

Постепенно он учится предчувствовать, когда объятия могут смениться ударом, и чаще всего успевает вовремя вырваться и скрыться с глаз, чтобы переждать бурю. Но с тех пор, как он запретил матери себя бить, она и ласкать его перестала. И слава богу. Теперь бы лучше и видеться пореже. Он любит ее, но его тянет прочь из родного дома.

Сменив за два года пару колледжей, пытаясь стать то архитектором, то художником, Коля понимает, — не для него.

— Ты всегда начинаешь и не заканчиваешь, — резюмирует мать.

Но ему все равно.

По особой протекции со многими оговорками не подвести, он уезжает к вулканам. Там фумарольные поля и нет места отчаянию. Там идешь по тропе, и в любой момент перед тобой выскочит фонтан кипятка, — вот и нет тебя вместе с твоей несуразностью. Но Колян чувствует фумаролы, как объятия матери, и вовремя останавливается.

— Откуда ты знаешь, куда идти? — слышит он за спиной.

Вчера приехал новый сезонный рабочий — студент-медик.

Колян оборачивается:

— Я их чувствую.

Он ждет, что тот засмеется. Все же смеются и говорят «ну-ну». Но студент серьезен:

— А как?

Колька вдруг рассказывает ему о матери. Сначала про объятия. А потом вообще всё.

— А ты крутой! — говорит, наконец, студент.

Колян встает как вкопанный и чуть не пропускает последний на тропе фумарол, но вовремя хватается за нового друга, и они отпрыгивают в сторону.

— Да нет, — смущается Колян. — Я не крутой. Я несуразный. Знаешь, что я думал про это слово, когда маленький был? А фумаролы бьют по расписанию...

— А почему бы тебе литературой всерьез не заняться? — вопрос студента ставит Кольку в тупик.

Ну да, книг он прочел немало. Что значит — литературой? Библиотекарем, что ли? Не литературоведом же?

— Ты так рассказываешь, — продолжает студент. — Если бы записал, — это роман с картинками! Главное, так словами передаешь, что я сам все прочувствовал. Я б на твоём месте маньяком стал. Или писателем.

— Да брось, — еще больше смущается Колян. — Трепать языком все могут.

— Все могут трепать языком. А рассказывать — единицы.

Кольке неловко:

— Что ты смотришь так? Я как у доктора на приеме.

Студент смеется:

— Так я доктор и есть. Будущий, конечно. Доктор — с детства приклеилось. С детдома. А ты иди на филфак. Ты чувствуешь слово, и человека, и природу. И можешь об этом рассказать. Может, книги напишешь.

— Рассмешил, Доктор! — Кольке становится нестерпимо грустно. Словно ему, как в детстве, показали конфету и сказали: «Вот сладость, которую мы тебе приготовили, но ты ее не получишь, потому что плохо себя вел».

— А ведь это я из-за тебя в литераторы двинул, — выдыхает Николай Николаевич, сделав небольшой глоток коньяка «по нечетным».

— Да ну? — Док катает каплю напитка во рту. — С чего это вдруг из-за меня? Ты — талантище! Над романом еще не думал?

— Нет. Роман нужно уметь закончить. А я, как известно...

— Кому известно? — строго перебивает Док, стукнув толстым дном бокала о стол. — Хвати! Не маленький! Придумал еще, что из-за меня стал литературой заниматься! Ага! А я из-за тебя в психоневрологи пошел!

— Не помнишь?

Колян ему рассказывает о вулканической экспедиции и не верит, как Док ни божится, что не помнит таких разговоров. Всё он помнит, хитрый лис. И ведет Коляна за собой. Колян вывел его с фумарольного поля, чтобы потом следовать за ним.

— Ну хорошо, ты — доктор, тебе видней, — усмехается Николай Николаевич. — Но, может, скажешь мне как врач, что мне делать с Софьей?

— А что? Опять Кита спасала? — Доктор рад сменить тему.

— Нет. После того случая я ее не подпускаю. Но...

— Что но?..

— Она *так* смотрит! — Николаю не хочется говорить, что он чувствует на самом деле.

Трудно рассказывать, но часто встречает Софью недалеко от своей спальни, когда остается на дежурство в интернате. Она постоянно ищет повода быть рядом, спрашивает о любимых книгах, глотает их, а потом просит обсудить с ней. Вначале он считал это неплохим поводом дать нужные знания по литературе. Но ее глаза! В конце концов, он мужчина. К тому же ему тридцать с небольшим.

— Говори! — Доктор отпил еще глоток.

— Мне кажется, — Николаю Николаевичу усталось в пол. — Так бывает

с девочками-подростками... Они романтизируют учителя, и все такое. Создают себе идеал. И...

— И?

— Влюбляются...

— Угу, — кивает Док. — Влюбилась, думаешь? Понимаешь, друг, это не совсем обычные дети. Софья — особенная личность. И здесь нет ничего такого, чего стоит опасаться. Я только очень прошу тебя ничего не делать и по возможности ничего не думать. Просто пока прими. Но, конечно, правила поведения с учениками и тем более несовершеннолетними подростками тебе не нужно напоминать. Просто делай свое дело. И терпи. Такая школа.

— Может, ты все-таки меня просветишь, в чем дело? — Николаю Николаевичу кажется, что с ним говорят как с идиотом.

— Буду откровенен, — уступает Док. — Я не знаю. Она — очень мощный эмпат. Я могу только догадываться, почему она выбрала тебя. Сочувствие, возможно. Но не подростковая любовь. Даже если ей самой так кажется. Будь осторожен.

— Почему она выбрала меня?

— Потому что ты нуждаешься в любви! А она нуждается в том, чтобы ее дарить. Не тебе одному. Не обольщайся.

Сначала его пронзает боль, как от мощного электрического разряда. Он будет терпеть, сколько ни потребуется. В конце концов, не такая уж большая жертва! Боль постепенно отпускает. Он держит Кита в своих объятиях, ему кажется, они оба тонут в бушующем океане. Если отпустить, то можно еще выплыть и спастись. Но он предпочитает погибнуть вместе с ним. Ибо отныне в одиночку ему нет дороги на берег. Все плывет перед глазами: стены, стеллажи, лица учеников. Как будто он медленно погружается в иную реальность, хлынувшую в классную комнату невесть откуда. Голоса детей превращаются в шум ветра и рев волн в ушах, и в протяжную песню китов. А в мозгу бьется навязчивая мысль: «На берег! Нужно плыть к берегу. Нужно спасти его. Нужно спасти их всех. И вести за собой». Песни китов всё ближе и тоскливей, времени остается мало. Он не слышит своего голоса, и не может видеть бледные, как у утопленников, лица учеников, вставших кругом, их взгляды, обращенные внутрь себя, и улыбки, такие же, как у Кита.

Они слышат:

— Плыви со мной, за мной, мой хороший. Я спасу тебя. Я вытащу тебя. За мной. За мной.

Его оглушает отчаянный вопль, и вопль этот внутри, а не снаружи: «Не-е-ет! Не ведите меня за собой на берег! Там смерть!»

Рождение Афродиты

— Привет, новенькая! — Маринка разглядывает рыжую девчонку.

Миленькая, вся в веснушках. Ореол кажется белым. Но, когда девчонка смущается, видно синеву. Это что-то необычное.

— Привет. Я Соня. Хорошо, что палата на двоих, а не как...

— Это не палата, — перебивает Маринка. — Это спальня. Палаты в больницах и лагерях.

— А мы где? — Соня пожимает плечами. — В больнице!

Маринка смеется:

— Нет, конечно! Кто тебе про больницу сказал?

— В приемном покое.

— А эти никак не привыкнут, что мы не психушка, а интернат для особых. Это потому, что директор — Доктор! А они с ним раньше в клинике для сумасшедших детей работали. Пока он Кита не поймал.

— Кита? — удивляется Соня.

— Ну да! В классе увидишь. Будет раскачиваться и гудеть. Синий Кит.

От Маринкиных слов у Сони кружится голова. Не вяжутся слова девочки с тем, что Соня чувствует. Говорит как чокнутая: киты, гудящие и раскачивающиеся, которых ловит доктор, лечащий душевнобольных?! Она всякого за три месяца насмотрелась, пока в клинике обследовали. Даже чувствовать перестала. Как будто дышать разучилась. А тут. Вроде обычная девочка. И рука у нее такая легкая, всю жизнь держалась бы! Но то, что она говорит, никак нельзя назвать нормальным!

Маринка видит это смятение, и не только по сполохам вокруг головы новенькой, тут и обычным, невооруженным глазом можно разглядеть, и понимает, — поспешила, как всегда, вывалить на человека воз информации.

— Ладно, — смеется она. — Не бойся. Здесь нет сумасшедших. Тебе Доктор что сказал?

— Сказал, побудешь у нас. Поучишься, — Соня еще не совсем доверяет.

— Ну вот! Поучишься, а не полечишься! И что?! Ничего больше?!

Маринка слегка шлепает Соню по плечу, и той легчает, она порывисто обнимает новую подругу.

Маринке приятно. «Как сестры, — думает она. — Здорово было бы иметь такую сестру». Она не знает, какую, она — чувствует. Доктор учит их разделять знания и чувствования, как два вида энергии: потенциальную и кинетическую.

Наконец Соня ослабляет объятия. И теперь уже Маринка смущается, и ее снова несет:

— Знаешь, у нас и кормят офигенно! Не то что в больнице! Скоро обед. Тебе понравится. Вот увидишь! А тебя к нам из дома или из клиники перевели? Меня из клиники.

— И меня из клиники, — все еще настороженно отвечает Соня.

Первый раз Сонька влюбилась в детском саду. Во всех сразу. Про влюбленности она знала от старших девчонок во дворе и из сказок про принцесс. Для нее это значило наслаждаться тем, что «принц» рядом. Почему только «принц»?! А Король, Королева, Сапожник, Портной?.. Да кто угодно! Мама тоже. Но мамы и бабушки — совсем не предметы влюбленностей, как объяснили те же старшие девчонки. Мама и бабушка — все равно что она сама. Какие уж тут наслаждения! Она бы и папой наслаждалась. Но он куда-то ушел, и мама сказала, что они с Сонькой ему не нужны.

Воспитательница сдержанно улыбнулась маме:

— Ласковая девочка, — это хорошо, но лучше все-таки объяснить ребенку, что не стоит постоянно ко всем лезть с объятиями и поцелуями.

Мама не стала ничего уточнять про поцелуи в детском саду, а просто отчитала дочь за плохое поведение.

— Но я же влюбилась! — честно призналась Сонька.

— Влюбилась?! — рассмеялась мама. — В кого?

— В Петю, а еще в Елисея, и в Ангелину, в Богдана, конечно, в Никиту, Платона, в Ксюшу и Варю.

Мама покатывалась со смеху:

— Что? Во всех сразу?

Соня не могла понять, над чем она смеется:

— Ну да! И в воспитательницу Зою Сергеевну.

Отсмеявшись, наконец, мать решила вразумить дитя:

— Дурочка. Влюбиться можно в кого-нибудь одного. А так... Ох. Просто тебе все понравились. Но это не значит, что всех, кто нравится, нужно целовать без перерыва. И вообще, постарайся никого не трогать: ни руками, ни губами. Совсем. Так вести себя не принято. А влюбляться тебе еще рано.

«А если я уже?» — подумала Соня, но возражать не стала. В конце концов, ей было всего четыре года, и долго говорить об одном и том же она не могла.

— А ты что умеешь? — спрашивает Маринка, прихорашиваясь перед зеркалом.

— Ничего, — новенькая пожимает плечами и настораживается.

— Да ладно. Не может такого быть. У тебя аура синяя и белая. — Марина проводит рукой, словно очерчивает округность в воздухе.

— Аура? Что это? — она слышала это слово, но не знает его значения.

— Ну ты даешь! — Маринка чуть не подпрыгивает на месте. — Про биополе слышала?

— Ага, — кивает Соня.

— Ну, это то же самое, — радуется Маринка, что не нужно объяснять такие простые вещи.

— Синяя? — переспрашивает Соня. — А что это значит?

— Ну-у, дремучий лес! — Маринка даже руками всплескивает и хлопает себя по коленкам. — Откуда только Доктор тебя выудил?! Индиго ты! Новая раса людей. Каждый с какой-нибудь сверхспособностью. Человек вроде обыкновенный, но что-то иначе. Я, например, ауру людей вижу. Не всегда. Но, как к Доктору попала, все чаще. Он помогает это развить и учит, как с этим справляться. У нас спецкурс по утрам. Кирилл в основном пока по птицам. Они восприимчивее людей. Его даже зовут «Считающий ворон». У нас ворон этих теперь — весь парк в гнездах. Кит — не знаю кто. Он слепоглухо — и все такое. Не от рождения, от прививки. Значит, и у тебя что-то есть.

Софья чуть не плачет. Нет у нее ничего такого. Глупости хоть отбавляй, как мама говорит. А сверхспособностей — никаких. Память хорошая. Ну, так это у многих людей, кто тренирует. Ее с пеленок заставляли стихи учить.

— А учиться у нас, знаешь, как интересно, — продолжает Маринка. — Ничего зубрить не нужно! Всё в режиме открытия, как Дифур говорит.

— Кто?

— Математик наш. Он, когда рассказывал нам про чудеса математики в первый день, про дифуры говорил. Мы про них узнаем каждый в свое время. Но они чудесные. Мне не терпится, но я еще не готова. А Кирилл уже начал. Вот мы его Дифуром и прозвали.

— Кирилла?

— Да нет же! Математика!

Соне теперь совсем не по себе. От слова «дифур» у нее кружится голова. Так могут

звать злого колдуна, зачаровавшего принцессу. Или восточного мудреца. Но режим открытия? Что это? Она решила уточнить, и Маринка радостно бросилась объяснять:

— Это очень здорово! Формулы вообще учить не нужно! Ты их запомнишь, потому что сама выведешь. Так задача придумана. Дифур — гений. Не то что в школе! Как обезьяна, подставляешь цифры вместо букв и ничего не понимаешь: что, почему, зачем!

Соне лучше бы как обезьяне. Формулы она запоминает сходу, и ей все равно, что там и как. Математика не ее предмет. Хотя учительницу в школе она любила, и за аккуратность иногда имела даже пятерку в четверти.

— Я, наверное, так не смогу, — шепчет она. — Да и вы ушли вперед далеко. Я отстала от программы.

Но Маринка еще больше огорошивает:

— А у нас нет никакой программы общей. Дифур тебя протестирует. Кит только научился сопоставлять число и количество на своих таблицах Брайля, хотя он старше нас всех. Завтра как раз весь день математика. Всё сама увидишь.

Час от часу не легче, думает Соня, целый день сплошной математики. Она в школе до конца одного урока с трудом досиживала!

После обеда Соня замечает в парке огромное количество ворон, важно разгуливающих по аллеям, чинно сидящих на ветках и, что странно, молчащих.

— Не каркают, — восторженно шепчет она.

— Ага. Кирилл не разрешает, чтобы не мешали, — соглашается Марина. — Они вечером пошумят. А вот и он, кстати. Это Соня. Новенькая, — говорит она подошедшему парню.

И Соня понимает, что влюблена по уши. Не так радостно, как в Маринку, и становится даже немного страшно. Больно. Словно по душе прошлись наждачной бумагой, и... безответно навсегда. Впрочем, жизнь ей уже показала, что мальчики не хотят влюбляться.

Со временем Соня научилась обожать и восторгаться тихо, чтобы никто не замечал. Ей было непонятно, почему так нужно! Почему не все люди радуются друг другу? Почему не хотят, чтобы их любили? Странно обаять и поцелуев. Чем старше она становилась, тем больше натыкалась на нежелание окружающих быть любимыми.

В первом классе, разумеется, без проблем не обошлось, и Соня посетила школьного психолога.

— Понимаешь, деточка, — милая тетя, которую хотелось обожать, гладила Соно по руке. — Не все люди могут оказаться достойны твоей любви. Нужно быть избирательной. Плохих людей любовь может сделать еще хуже, если они захотят ею воспользоваться.

Соня слушала очень внимательно, но ничего не понимала. Как это «не достойны»? Как это «воспользоваться»? После нескольких бесед сошлись на том, что у Сони задержка эмоционального развития.

Сама же она сделала вывод: люби, но незаметно. И никому не говори об этом. Но время от времени всё же срывалась. Особенно если кто-нибудь был с ней ласков. Тогда она кидалась к нему и со всего размаху обхватывала руками. Ее прозвали «липучка-приставучка», хотя многие отмечали, что не так уж и неприятны Сонины прикосновения. Во всем остальном она была обычной хорошей девочкой с блестящей

памятью и прихрамывающей логикой. К тому же прехорошенькой. Что к концу седьмого класса начали замечать парни.

По совету психолога мама серьезно поговорила с дочерью, объяснив ей во всех подробностях, что ждет, если демонстрировать любвеобильность. В довершении добила примером Сониного отца, которому мама в свое время поверила, и вот результат, — Соня есть, а мужа нет. А если бы и был, то, скорее всего, тоже ничего хорошего. У мамы имелись еще аргументы в виде замужних подруг-страдалиц.

Впереди маячило лето с поездками в лагерь. И хотя Соня уже умела сдерживать эмоции, но улыбаться и говорить добрые слова всем, в том числе и мальчишкам, ей до сих пор никто не запрещал. Теперь многое менялось. Ночью Соня рыдала в подушку. Как же Прекрасные Принцы, Рыцари и Герои?! Как же Петрарка, и Пушкин как же?! Для чего-то ведь люди сочинили красивые истории. Неужели только для того, чтобы не прерывался человеческий род?! Ей не верилось, но она сама была неоспоримым доказательством подлости мужской природы. Одно только непонятно, — это любовь к особям противоположного пола так отвратительна или весь мир с его горами, морями, зверями, цветами и поэтами лжив и жесток? Использует чувства маленьких девочек, как растение росянка сладкий сок? Она попробовала запереть сердце на замок и отказаться от любви совсем. Через две недели, прожив в лагере букой, никого к себе не подпуская, она почувствовала, что задыхается. Ее увезли в больницу с воспалением легких, и там, под капельницей, она дала слово, что будет дарить себя этому миру и всему, что в нем, — только на расстоянии. Она представляла, что сидит на вершине горы, вокруг никого, даже орлы летают ниже. И вот оттуда всех будет любить.

Когда, проболев все лето, она появилась в классе, бледная и печальная, выяснилось, что у них будет учиться новенький мальчик Артём. Он выглядел и милым, и умным, — отличник, но Соня себе сказала: «Нет». К тому же у нее начались приступы периодического удушья, и врачи диагностировали астму. Теперь Соня чаще лежала в больницах, чем ходила в школу.

Восьмого марта, не получив ни одного подарка, она обрадовалась. На это и рассчитывала, не одаривая одноклассников двадцать третьего февраля. Праздничным вечером, пока Летний сад не закрыли на просушку, она отправилась погулять вокруг памятника Крылову, который вызывал восторг не меньший, чем скульптуры античных богов. Скульптуры и картины вообще придавали ей радости и сил, она была убеждена, человек может солгать в словах, — поэты же — вруны, а в камне это невозможно.

Соня бродила по аллеям, несколько раз обошла вокруг Ивана Андреевича, пока не вспомнила все басни, чьи герои облепили кресло своего создателя, и вдруг наткнулась на Артёма. Предательская улыбка тут же нарисовалась на лице.

— Привет, — улыбнулся в ответ Артём. — А я сюда за тобой пришел.

— За мной? — Сонино сердце заколотилось, не понимая, что ему делать: выскочить, сразу разбиться в дребезги или окаменеть.

— Ну да. Я поздравить хотел. Вот, — Артём протянул букетик мимозы.

— Не нужно! — отшатнулась Соня. — Убери. Мне не нужны цветы! Проваливай отсюда! Нечего ко мне подкатывать!

— Жаль, — Артём повернулся спиной.

Он сделал пару шагов. Соня буквально держала себя руками за плечи, чтобы не броситься следом, потому что его печаль сейчас ядовито разлилась внутри нее, и вместе с ее собственной болью уже была невыносимой. Тут он оглянулся:

— Знаешь. Я не поверил ребятам, когда они сказали, что ты такая. Стала такой.

— Стала? — прошептала Соня, задыхаясь от привычного кома, сдавливающего грудь.

— Да. Они говорили, что раньше ты была чудесная. Самая добрая на свете, солнечная, как твои волосы, а потом тебя подменили.

Парень бы сказал ей «пару ласковых», но заметил, что девчонка как-то неестественно оседает прямо на подтаявшую землю.

— Что с тобой? — он бросился к ней.

Соня пыталась что-то достать из кармана пальто, но у нее никак не получалось вынуть руку, и дыхание стало хриплым.

Он рванул ее за локоть, на землю упал какой-то цилиндр, баллон для астматиков, — догадался Артём и подал его девочке.

— Я не такая, — прохрипела Соня, когда приступ закончился. — Мне велели стать такой.

Она не стала рассказывать, кто велел и почему, а он не спрашивал.

— Я знаю все эти басни про всех этих зверей, — вдруг выпалила она, указывая рукой на памятник, когда ее отпустило.

— А я почти все, — обрадовался Артём.

Они обошли вокруг Крылова, читали друг другу наизусть, периодически смеясь над ошибками.

Ближе к майским Соня призналась матери, что дружит с мальчиком.

— Я была у него дома несколько раз. У него отличные мама и папа. Они вообще никогда не ссорятся.

Мать насторожилась:

— Ну вот откуда ты знаешь?! Будут тебе чужие люди рассказывать, что у них да как! Я вон тоже подружкам говорю, что твой папа умер, а не бросил нас.

Соне стало неприятно, и она бросилась к дверям.

— Стой! — мать ухватила ее за руку. — Разговор еще не окончен. Я не разрешала тебе дружить с мальчишками. Тем более ходить к ним домой. Это очень неприлично!

— Что неприличного?! — взорвалась Соня. — Что может быть неприличного в приготовлении уроков вдвоем?!

Мать стукнула ладонью по столу:

— Не ори! А слушай мать! Тетя Лида, думаешь, почему бездетная?! Тоже уроки вдвоем в выпускном готовили. А потом аборт! Не смей к нему ходить!

Мать продолжала орать, но Соня, хлопнув дверью, заперлась у себя в комнате.

— Что, дождалась?! — услышала она из коридора громкий голос бабушки. — А я предупреждала! Яблочко от яблоньки недалеко падает. Вот и получи неслуха, какой и ты была. Нет, мы такими распущенными не были!

— Ой! Не говори ерунды! — раздавалось за дверью, и Соня, задыхаясь, никак не могла заставить себя заткнуть уши.

— Можно подумать, я появилась святым зачатием!

— Я, по крайней мере, была замужней женой! Он просто поехал на заработки и пропал! — почти визжала бабушка.

— Ага! — вторила ей мать. — Мне твоя сестра, тетя Раечка, рассказала, куда да кто поехал! И что я своего отца не знала, потому что и ты толком не знала, кто из тех, кто поехал на заработки...

Соня схватила наушники закрыться любой музыкой и решила, что больше ничего не будет рассказывать близким о себе. Для их же блага.

Она не перестала встречаться с Артёмом. Но теперь Соня лгала матери, что дружит исключительно с девчонками. И чем более и тщательнее ей приходилось скрывать правду, тем отчаяннее она стремилась наверстать упущенную радость общения, вновь одаривая одноклассников объятиями и поцелуями, благо в их круге это приветствовалось. Ну, может быть, не в таком количестве.

Артём тоже решил с ней серьезно поговорить:

— Слушай, я рад, что ты опять, как рассказывали, ну, радостная. Опять душа компании и всё такое. Но есть же предел. Ты либо моя девушка, и тогда...

— Что тогда? — не поняла Соня, продолжая улыбаться всему миру.

— Тогда не нужно целоваться со всеми! Хорошо? — выпалил Артём довольно резко.

— Не поняла, — насторожилась Соня.

— А чего тут непонятного-то?! Если мы с тобой пара, то мы — пара! Я не согласен делить тебя со всем классом! Или как?!

— Делить? — до Сони всё еще не доходил смысл.

— А как это, по-твоему, выглядит? Все знают, что мы встречаемся, но при этом любой пацан может тебя обнять, поцеловать, потискать! Знаешь, как тебя называют? А мне надоело им доказывать, что это не так! — распаялся Артём. — Давай договоримся: если ты моя девушка, то больше ничья! Извини, я придерживаюсь старомодных взглядов. Женщина может принадлежать только одному мужчине!

— Принадлежать? — с лица Сони медленно сползала улыбка.

— Ну, может, я слишком резко высказался, но сути это не меняет, — попытался Артём смягчить свой выпад, видя, что подруга изменилась в лице.

— Ты ошибся, Артём, — Соня перешла почти на шепот. — Я никому не принадлежу и принадлежу всем. Всему миру.

Она не отдавала себе отчета в том, что говорит, не обдумывала слова, которые просто рвались наружу:

— Ты мне дорог. Очень. Быть может, дороже многих. Но это не значит, что только ты! Я испытываю такой же восторг обнимая дерево и колонну собора! И никому больше не позволю отнять у меня это! Это нужно!

— Кому нужно? — усмехнулся Артём. — Тебе, мне или всем?

— Всем! — отрезала Соня

Губы Артёма затряслись:

— Шлюха!

Отшатнувшись, как от удара, она попятилась, доставая из кармана свой спасительный баллончик, а потом бросилась вон.

— Парни даже спорили на тебя! — крикнул мальчик ей вслед.

На следующий день Артём не замечал ее, это было больно. Тем не менее остальные ребята были все так же веселы и приветливы. Она с удовольствием согласилась отправиться вечером к одному из одноклассников, у которого был день рождения. Говорили, что и Артём приглашен. Соня надеялась, он поймет, и все будет как прежде.

Она пришла к назначенному времени, но, кроме нее и четверых мальчишек, никого не оказалось. Вручив имениннику набор солдатиков, купленный в магазине игр, — она знала, он их собирает, — Соня обняла остальных по очереди:

— А где все?

Парни засмеялись:

— А кто тебе еще нужен? Или такой горячей девчонке четверых парней мало?

Она еще продолжала улыбаться:

— В смысле?

— Да ладно, не строй из себя целочку, — именинник потянул ее к себе за руку. — Солдатики — это хорошо, но основной подарок должен быть другим.

И он впился ей в губы, пытаясь задрать подол платья.

Соня отбивалась изо всех сил. Их не остановили ни мольбы, ни приступ удушья, который, как ни странно, из-за резкой боли вдруг прошел. Только когда она закричала отчаянно громко, по-птичьи, и потеряла сознание, кто-то догадался вызвать «скорую». Потом она узнала, что это был отец именинника, пришедший домой так вовремя для нее.

Последующее она помнила плохо. Одна больница — это было детское гинекологическое отделение, — другая, где ее заставляли пить какие-то таблетки, от которых она только спала. Она еле узнавала мать и бабушку и не реагировала ни на ласки, ни на укоры. Ей казалось, — она умерла. Что-то из нее вынули. Ее саму.

Доктору предложили посмотреть нимфоманку, он увидел девочку с тускло-синим светом и болью, которую ощутил как свою собственную даже на расстоянии. Разговорить ее он и не пытался. Протянул иголку с ниткой и плюшевого медвежонка с разодранным брюшком, — кто-то из юных пациентов постарался.

— Зашей.

Она повиновалась, восприняв это как трудотерапию, отказ от которой сулил болезненные уколы. Шов получился кривым, и мишку всего перекособочило.

— Нехорошо, — Доктор вернул ей игрушку, распоров швы. — Вынь все внутренности.

Она послушно по кусочкам выудила из медведя синтепон, и мишка повис печальной тряпочкой в ее руках.

— Теперь набей. Только аккуратно. Твоя задача сделать его пусть меньше, чем был. Но не кривым.

Почти бесстрастно она сшивала расползающуюся ткань.

На следующий день Соня снова зашивала этого же мишку.

И на следующий.

А через неделю уже ждала встречи с игрушкой.

В тот день, когда она увидела своего медведя целехоньким, аккуратненьким, сидящим на столе перед Доктором, что-то вспыхнуло внутри, и она бросилась вперед и прижала к себе игрушку. А Доктор улыбнулся:

— С возвращением!

К новому учебному году, пусть не к самому началу, она оказалась в школе, где разрешалось любить.

Целого дня уроков математики она боялась до ужаса. Аудитория оказалась довольно большая. Там могло бы разместиться, наверное, целых два школьных класса. Соня удивилась, увидев, что их набралось немногим больше десятка, да к тому же и разного возраста: от восьмого, как она, до выпускного класса.

— Мы что? — шепнула она Марине. — Все вместе заниматься будем?

— Ну да, — кивнула та. — Я же говорила. Каждый по своей программе.

Дифур влетел стремительно:

— Привет! Вижу, никто не умер. Все готовятся сдавать задачи. Трое младших — Кириллу. Старшие — мне. Кирилл последний. Новенькая — сюда! — он ткнул пальцем в стол перед собой.

Соня, чуть дыша и нащупывая спасительный баллончик, направилась к учительскому столу.

— Я ничего не умею, — пролепетала она, усаживаясь.

— Говорить умеешь, — улыбнулся учитель.

Соня заметила, что он очень молодой и симпатичный, а, главное, искренний, как Доктор, как Марина и Кирилл. Его можно любить, это безопасно. И легко. Дифур продолжал:

— Вот Кит даже не говорит, но неплохо считает. Слышишь, гудит, как трансформаторная будка? Это он примеры решает.

Соня проследила за рукой учителя, та указывала на почти взрослого парня. Он водил ладонями по листам бумаги перед собой, раскачивался, издавая низкие ритмичные звуки.

«Как я его не заметила сразу?!» — взорвалось в мозгу, и она начала задыхаться.

— Вот, — учитель протянул ей распечатанные на компьютере арифметические примеры со многими действиями и скобками.

Она даже чуть-чуть растерялась:

— Но это же третий класс! Это я легко могу посчитать. Даже в уме.

— А я не прошу посчитать. Я прошу придумать красивые задачи, истории с приключениями про принцев и принцесс. Но так, чтобы решением этих задач были эти примеры. Кстати, если не захочешь, можешь не считать. И не торопись. Сделаешь один, поднимай руку. Оценок две: «сдано» — «не сдано». Всё.

Соня схватила листы и впиалась в них глазами.

Первый раз в жизни она ждала, когда закончится обеденный перерыв, и не могла прекратить думать про принца, собирающего необходимые для спасения принцессы артефакты.

К концу дня гудение со стороны Кита усилилось.

— Он устал, — Марина отвлекла учителя, склонившегося с Кириллом над какой-то особо сложной задачей. — Ему пора уходить.

Соня тоже чувствовала головокружение. Возможно, оттого, что у нее получилось! Она смогла! Она придумала замечательную историю, Дифур похвалил не за аккуратность, а за логичность!

Гудение Кита становится все настойчивее, прерывистее, выше. Соня оглядывается на него, и ее душа просится наружу: пойдём, нам туда. «Нет», — говорит себе Соня. Доктор предупреждал, ни к кому не нужно лезть. Каждый должен сам справляться со своими проблемами. «Море волнуется — раз», — вдруг всплывает в мозгу, и у Сони все сильнее кружится голова и в ушах шумит какая-то музыка. Что это? Волны. Она уже точно знает, — это шум волн на глубине, хотя никогда не ныряла в море. Так, барахталась на поверхности у берега. Откуда?! И хочется туда нестерпимо. Словно Сирена поет призывную песню. Кто это поет, Соня должна узнать! О, это Кит! Она встает, как сомнамбула, и не слышит слова Кирилла:

— Давайте он уйдет, и мы продолжим.

Не слышит окрик учителя:

— Софья, не подходи. Что Доктор велел?!

Она не видит, как сильно раскачивается Кит, и слез на его щеках она тоже не видит. Чем ближе подходит к нему, тем острее ощущает его боль, гораздо более сильную, чем та, что когда-то в прошлой жизни испытала она сама. И боль эта сладка.

Ромбы и треугольники

Дверь распахнулась, за ней возник Док:

— Что ты тут делаешь? Почему неходишь? В телепатии упражняешься?

Он подвинулся, приглашая учителя в кабинет.

— О! А это что у тебя? — от его взгляда не ускользнула папка, зажатая подмышкой Николая Николаевича.

— Да так, — пожал тот плечами.

— Брось! Это то, что я думаю? Очередной рассказ-шедевр?

Николай Николаевич, краснея, протянул папку Доктору.

— Да какой там шедевр?! Так, очередное упражнение в прозе для детей.

— А вот это похвально, — улыбнулся Док. — Давай сюда.

Они поговорили еще о чем-то, передвигая предметы на столе и взглядывая периодически на тоненькую папочку, — один с сомнением, другой с любопытством. Потом Николай Николаевич отправился вести занятия, а Доктор открыл папку.

На титульном листе жирным шрифтом красовалось: «Ромб». Отчего-то вздрогнув, он перевернул страницу:

Его имя было Ромб. Из-за белого пятна геометрической формы на лбу. Но для него оно звучало голосом колокола. Когда же человек обращался к нему, казалось, ноты имени похожи на удары копыт чугунных боевых коней.

Ромб был пожилым гнедым конем ахалтекинской породы. Он помнил себя гордым, норовистым. Его ценили и прочили спортивную славу. Но однажды хозяин конюшни все изменил.

Появилось странное заведение, где царил покой и умиротворение. Сюда приводили больных детей. Чаще всего их привозили в инвалидных колясках. А лошадям требовалось проявлять чудеса чуткости и милосердия. Дети привыкали сначала с помощью тренеров проезжать шагом один-два круга, а потом уже самостоятельно катались по манежу. Это называлось иппотерапией. Ромбу не нужно было знать никаких терминов для того, чтобы помочь тем, чей внутренний мир был открыт ему гораздо больше, чем это считали люди, разделенные с лошадьми барьером человеческой речи.

Однажды в манеж привели мальчика лет семи, вполне здорового на вид. Он не нуждался в инвалидной коляске и костылях и прекрасно передвигался самостоятельно. Но лицо его напоминало восковую маску. Мальчика подвели к Ромбу и велели погладить коня. Он послушно поднял руку, коснулся холодными пальцами лошадиной шеи, — так это сделал бы робот. Ромба пронзила боль, как от укола ледяной сосулькой, он взбрыкнул, не справившись с неожиданным страхом. Тренер резко осадил, но ребенок даже не шелохнулся. Казалось, он вообще ничего не заметил. Ромба увели в денник, знакомство решили отложить.

Теперь Ромб знал, что его ждет, и приготовился. Второе прикосновение маленькой руки оказалось почти нечувствительным. Лишь легкое покалывание кожи, какое бывает, когда на шерсти скапливается статическое электричество. Конь и мальчик стояли рядом, и ребенок не убирал свих пальцев. Он опустил руку только когда ему велели это сделать.

Так продолжалось несколько дней. И лишь заметив движение пальцев малыша, решили рискнуть.

Мальчика посадили в седло. Без эмоций и желаний, он сидел верхом первый раз в

жизни так, будто давно обучался верховой езде. Коня взяли под уздцы и повели по кругу. Ромб знал, что нужно делать.

Всё начиналось с движения. Для больной ребятни хватало лишь ощущать мерное сокращение мышц лошади. Дети улавливали вибрации, как сказали бы ученые, настраивались на волну, излучали в ответ восторг и счастье. Этого достаточно для контакта. После, необремененные условностями межвидовых различий, они быстрее здоровых начинали в унисон с лошадью чувствовать и думать. Нередко приходило исцеление. От детей Ромб узнал, что это его имя. То есть, что такое имя вообще...

Доктор нетерпеливо перелистнул пару страниц о больных детях, которых исцелил Ромб, пока снова не наткнулся на “мальчика”.

“...И вот сейчас, неся на спине своего равнодушного всадника, конь впервые не знал, что ему делать, когда движение не было ценностью, а мысли были непонятны. Он продолжал вслушиваться. И постепенно понял, что всё начинается одинаково: всадник с каждым шагом коня мысленно произносит одно слово. И каждый раз последовательность слов одна и та же до какого-то момента. Люди бы назвали это счетом, конь этого не знал. Он просто старался попасть в чувственно-мысленный резонанс и повторял, постепенно выучив всю последовательность. Они шагали, считая, а ребенок по-прежнему никак не реагировал на попытки коня привлечь внимание.

Однажды Ромб намеренно мысленно забежал вперед, произнеся слова, то есть числа, в иной последовательности, и вдруг услышал:

— Ты меня сбиваешь.

— Разве? Извини, — мысленно ответил конь. — Я задумался о следующем шаге.

— Кто со мной говорит? — произнес мальчик вслух.

— Это я, Ромб. Можешь не говорить, просто думай.

— Это неправда. Лошади не разговаривают, — мысленно ответил ребенок.

— Верно, — кивнул конь, — но они думают.

Ромб почувствовал, как рука ребенка, покоящаяся на холке с зажатым в ней поводом, дрогнула и начала теплеть. Ребенок на мгновение замер и снова продолжил счет. Конь вторил ему. Наконец, на числе «сто одиннадцать» мальчик остановился и стал произносить другие слова.

Доктор пробежал глазами несколько страниц, подробно рассказывающих о возникшем контакте коня и ребенка. Ему показалось любопытным, что аутичный мальчик смог научить животное считать. Алошадь, в свою очередь, наделила мальчика эмоциями. Доктор чуть не расплакался в финале:

— Ну, куда хочешь? — мысленно, как они привыкли, спросил молодой человек старого жеребца.

— Туда, на площадь перед набережной. К самому главному, — ответил конь.

— К Медному всаднику, — понял Лёва, — далековато, но мы дойдем, правда? Каких-то несколько тысяч шагов...

На этом рассказ оборвался, словно автор не успел придумать достойного финала, но Доктору вполне хватило.

— Жду у себя! — крикнул он в телефон.

— Когда? — Николай Николаевич почувствовал очередной приступ тошноты, которая преследовала его на протяжении всего урока в ожидании реакции Доктора на еще недоработанный, неотредактированный, сумбурный рассказ. Он уже сто раз пожалел, что отдал сырой текст.

— Мне нужен этот Лёвка! — рявкнул Доктор, едва Николай Николаевич появился на пороге.

— В смысле? Зачем он тебе? Это же... во-первых, он уже вырос давно, а во-вторых, он вообще персонаж...

Николай не успел договорить.

— Раз вырос, значит, не персонаж. Ты бы так не сказал, если бы просто придумал его! А? Что? Подловил я тебя?! Откуда ты знаешь этого Лёвку, и как его заполучить? Это основные вопросы к твоему тексту, — Док бегал по кабинету, потирая руки.

— А вообще? — Николай Николаевич все еще ждал иной реакции.

— Что «вообще»? Ты про то, хорош ли текст? Слушай, он станет бестселлером в моих глазах, если ты доставишь своего героя живьем. Сюда! В этот кабинет!

Заметив разочарование на его лице, Док поправился:

— Ну, видишь, как ты написал? Я ни на минуту не усомнился в достоверности. Только не говори, что ты все это выдумал от начала и до конца! Ведь есть же этот Лёвка? Скорее всего, в этой истории много твоей литературной работы, но я же верю всему! Есть? Лёвка?

— А ты манипулятор, каких поискать — не найдешь, — Николай Николаевич собрался было удалиться.

— Ха! — выдохнул Док так, что со стола слетела какая-то бумажка. — Не будь я манипулятором, этого бы тут ничего не было! Ни школы этой, замаскированной под институт ювенальной психиатрии, ни деток наших удивительных, которых закололи бы каким-нибудь эффективным препаратом, и Кит бы просто сгнил в ПНИ. Знаешь, чтобы это тянуть, нужно быть гением манипуляции. Найдешь Лёвку?!

— Найду! — выпалил Николай Николаевич и тут же, всплеснув руками, продолжил. — Ну, найду! И что?! Думаешь, он — математик, кроме своей математики ничего другого не желающий знать, сидящий, как книжный червь, то есть интегральный червь, в своих интегралах, — придет сюда учить детей?

— Слушай, — Док поставил на стол пару стаканов. — Ты, главное, приведи его ко мне. Скажи, что нужна консультация, и все такое. Пусть придет, когда ему будет удобно. Хорошо?

Он разлил жидкость цвета крепкого чая по стаканам, и Николай Николаевич попытался вспомнить, какое нынче число: четное или нечетное. Да какая разница?!

Лёвка жил в соседнем подъезде и по дружбе иногда заходил глянуть комп, постоянно ругаясь, — раз он математик, все считают, что и компы должен чинить. А тут! Что вообще сказать ему, чтобы он явился в клинику к Доктору?!

Как он и ожидал, Лёвка не выказал никакой заинтересованности в том, чтобы проконсультировать по вопросам математики какого-то педиатра. И Николай уже было отчаялся и решил просто рассказать о школе...

— Там парень один есть. Ничего не видит, ничего не слышит, ничего не говорит, как три обезьяны. Сидит и гудит. И раскачивается, словно играет в «море волнуется».

— А что? Шрифт Брайля не пробовали? — буркнул Лёвка.

— Почему не пробовали? Он все время по страницам руками елозит. Но обратной связи нет. Откуда я знаю, что он там понимает. Сам набивать не хочет или не может. Не знаю, что делать.

Лёвка усмехнулся.

— Это из-за него твой начальник мной заинтересовался? То есть ты рассказал ему про меня и коня, и вот это вот всё...

— Я рассказ написал, — перебил Николай Николаевич. — Дал ему почитать.

И он догадался, что я не придумал. Короче, он очень просил тебя зайти. Я не совсем понимаю, что ему нужно.

— Рассказ дашь прочесть? Я тогда подумаю.

— Да пожалуйста! Читай на здоровье! — обрадовался Николай Николаевич. — Ну и выручи меня, сходи. Ну правда, дело-то хорошее, — школа, детки необычные, чего не помочь-то...

— Ладно, не части! Я не решил пока. Я подумаю. Хорошо, я подумал. Но пусть не очень на меня рассчитывает, — Лёвка выразительно взглянул на Николая.

Доктор же не просто рассчитывал, он уверен был, что Лёвка ему и его школе необходим. Это чудесная находка — математик-индиго! То, что Лёвка из их компании, Док понял сразу.

— Слушайте, Лев, я готов создать Вам максимально комфортные условия...

— В смысле? Какие условия? Вы мне что? Работать у Вас предлагаете?

Доктор взглянул в упор:

— Не то слово!

Лев расхохотался:

— Да бросьте! У меня есть работа, и я очень ею доволен. Во всех смыслах. Колька сказал, Вам консультация нужна. Я думал, если честно, что-нибудь по компам. А так — нет. Увольте.

— Пойдемте! — Доктор распахнул дверь перед ним и зашагал по длинному коридору столь решительно, что тот подчинился и двинулся следом. Впрочем, ему было любопытно.

Вышли в парк. Было сыровато, как обычно сентябрьскими вечерами. Непривычная тишина царилла вокруг. Пройдя немного по аллее, Доктор приложил палец к губам, хотя Лев и не думал заговорить, но жест Доктора, показывающий несколько в сторону, объяснил предостережение. Метрах в пяти на газоне, на большом валуне восседал некто. Было не разобрать, кто именно, потому что он был покрыт воронами! Обычными городскими, серыми. Они громоздились у него на плечах, руках, на голове, на коленях. В тишине, под шелест крыльев, одни соскакивали, другие занимали их место. Вдруг одна из ворон, заметив чужаков, резко каркнула, и тут же юноша, теперь это стало понятно, вскочил, а стая разлетелась по соседним деревьям, как хлопья сажи.

— Извини, что помешали, — обратился к юноше Доктор. — Мы уходим.

Юноша никак не реагировал, просто смотрел на Доктора.

Тот прикоснулся к руке опешившего Льва:

— Пойдёмте.

В другом конце парка на низенькой скамеечке около небольшого пруда раскачивался взад-вперед парень постарше.

— Это Кит, — довольно громко сказал Доктор. — Он ничего не видит, не слышит, не говорит, хотя мог бы.

— Да, — кивнул Лев. — Николай говорил. А тот, с воронами?

— А тот — весьма интересный пацан. Научил ворон считать, воровать деньги у людей и покупал на них сладости в ларьках. Сам ел и ворон не обижал. Телепат. Договаривается с пернатыми. Может, и с другими птицами, но любит ворон. Иногда такой карк стоит! Кстати, способности к математике есть, да учить некому. Я ему задачник олимпиадников подсунул. Решает. Ответы сходятся, а проверить как следует — уже не могу. Квалификации не хватает.

— Задачник олимпиадников? — эхом отреагировал Лев.

— А что такого?

— Любопытный парень.

— Не то слово. Но учить его нужно здесь. Надеюсь, увидев эту кучу ворон, Вы меня понимаете.

Лёвка понимал именно это и пропустил мимо ушей, что Доктор не может разобраться в олимпиадных задачах для средней школы. Его уже тянуло к этому хозяину ворон. Расспросить, как началось, как контакт появился. А Доктор тем временем буднично продолжал:

— Девочка есть еще одна, Марина. Тоже весьма одаренная. Видит ауру людей.

— Ну, это уже из области фантастики! — засмеялся Лёвка.

— Правда? — Доктор снова коснулся Лёвкиной руки. — То есть кони, считающие в пределах сотни, не интегралы же берут, как Колька написал, — это в пределах разумного, а человек, видящий биополе, — уже из области нереального.

Лёвка только хмыкнул в ответ.

— Слушайте, — продолжил Док. — Я очень в Вас нуждаюсь. Я понимаю Вашу занятость. Но как смотрите на один день в неделю? Любой, какой скажете. У нас ведь школка необычная. Классов нет. Просто группа странноватых деток. Разновозрастная. Есть очень способные, как Кирилл, это тот, что с воронами, и есть такие, как Кит. Кит, точнее, один. И ему нужно помочь жить.

— А у него какие способности? — Лёвка поймал себя на том, что уже погружается в тему всерьез. Под ложечкой тревожно засосало.

— Я не знаю, — признался Доктор. — Но поверьте, они есть. Что-то всё время не так, не просто, когда рядом Кит.

— Я подумаю, — выпалил Лёвка.

Ему было интересно. Доктор притягивал своей особенной внутренней силой. И увлеченностью. И чем черт не шутит? Лёвка решил, что один день в неделю потратить на благое дело и удовлетворить свое возрастающее любопытство — вполне разумно.

Теперь по субботам с одиннадцати до семнадцати в интернате по расписанию значился день математики, и весь учебный процесс перестроился. С девяти до одиннадцати особые уроки с Доктором, а потом предметные часы.

Войдя в довольно просторную для небольшой группы ребят комнату, скорее всего, бывшую многоместную палату, переоборудованную под учебную аудиторию, Лёвка замер. Он просто растерялся, потому что вообще не готовился. Никакого плана у него не имелось. Да и какой план, если Док четко сказал, что ни алгебры, ни геометрии здесь не было до сих пор. Только одни ученики уже интегрируют, а другие вообще, возможно, считать не умеют. Вот этот Кит, например.

Несколько пар глаз уставились на нового учителя. И ведь, когда он подходил, особо ничего не слышал, словно они появились здесь вдруг. Если бы они шумели, как нормальные дети, можно было бы рывкнуть, встать на голову, разломать указку о коленку, — пронеслось в голове у Лёвки.

— Вы чего как неживые? — вырвалось у него.

Они не ответили.

«Я провалился. Надо уходить, — решил Лёвка. — Это вам не лошади-лекари».

Тишина прерывалась лишь каким-то мерным гудением, и Лёвка повернулся к дверям.

— А Вы тоже синий, — одна из девочек улынулась ему приветливо и вскочила с места.

— Встаньте, ребята! — обратилась она к товарищам. — Учитель же вошел.

Все, кроме одного, того парня, что сидел у пруда, Кита, поднялись нехотя, пряча в столы книжки и гаджеты, что несколько успокоило Лёвку, — по крайней мере понятно, откуда тишина в классе. А вот компов нет, нехорошо. Надо бы сказать.

Через секунду и Кит поднялся тоже. Правда, стоял слегка покачиваясь, глядя куда-то перед собой незрячими глазами.

Нужно было продолжать, и он обратился к улыбчивой девчонке:

— А Вы, должно быть, Марина. Доктор говорил, что видите ауру людей.

Слава богу, вовремя вспомнил ее имя.

— Ага! — радостно закивала девочка. — А Вы — наш новый учитель математики. Это здорово, а то мы отстали от обычной школы.

— Ну, вот только этой скукоты не хватало, — протянул кто-то с места.

— Почему скукоты?! — тут же отреагировал Лёвка. — Математика — это искусство, и она прекрасна! Таинственна! И точно не скучна!

В аудитории стало снова очень тихо, но теперь его это приободрило. К тому же Кирилл смотрел во все глаза без давешней отчужденности. И Лёвка продолжил, все более вдохновляясь:

— Вы знаете сакральный смысл каждой величины, каждого числа? Ощущаете связь числа и количества? Все говорят: «В начале было Слово», — но никто не говорит, какое. А слово это означало некое число, и с него все началось.

«Лихо загнул», — отметил Лёвка про себя и продолжил расписывать прелесть оцифровки чего угодно, упоминая различные математические приемы и вводя всякие термины. В том числе и «дифуры».

— А это что? — не выдержал Кирилл.

— Это вам предстоит узнать в ближайшее время! — радостно подхватил Лёвка, не подозревая, что именно в этот момент приобрел прозвище на все время своей педагогической деятельности — «Дифур».

— Ну, насколько я понимаю, — Лёвка уже чувствовал себя на коне. — Вы все находитесь на разном уровне познания, и чтобы выяснить, как вас учить, я должен протестировать каждого. Договорились? Вот с Вас, Марина, и начнем. Берите тетрадь и идите к моему столу.

— Отлично! — вдруг крикнул Кирилл. — А я что должен делать?

Лёвке так и хотелось пошутить: «Ворон считать!» Но он сдержался.

— Вам. Кажется, Кирилл, да?

Парень кивнул, усмехнувшись. Лёвка строго глянул и продолжил:

— Вам подготовиться сдать решения задач, которые задал Доктор. И доказать, что Ваши решения верны.

— А этот? — Кирилл кивнул в сторону Кита. — Если его не занять, он изгудится. Я не могу сосредоточиться, когда он гудит.

— Не знаю, — честно сознался Лёвка. — Ребята, помогите. Придумайте что-нибудь. Я пока по очереди с вами разберусь. Но его мы в беде и одиночестве ведь не оставим?

— А ему Доктор обычно книжку для слепых дает! — Марина подбежала к Киту и положила перед ним какой-то белоснежный фолиант, и тот послушно его раскрыл.

«Почему они зовут директора «Доктор»? И как вообще его имя? А этот, — почему

Кит?» — задумался Лёвка, но нужно было вести урок, и он решил спросить об этом Николая позднее.

— Спасибо, Марина. Давайте займемся Вами.

Лёвка проштудировал в интернете все, что нашлось про детей-индиго. Как он и предполагал, по данной теме пишут много бездоказательной ерунды уровня уфологии и астрологии. Но что-то же было в его учениках! Да и сам он — «конь и его мальчик»! Марина говорит, а Доктор подтверждает, что она видит биополе. И всё! Никаких сверхзнаний у нее нет! Задачки решает, как обычная старательная школьница ее возраста, и не пытается выудить информацию из единого поля. Ну что в ней особенного-то? Кирилл? Математическая одаренность вовсе не признак сверхчеловека или представителя новой расы. Но вороны! А что вороны? У него вот — кони друзья. Нормальные люди с животинкой дружат. Тарас, который младше всех, — обычный пацан: соображает, как нормальный пацан, ведет себя, как нормальный пацан, учится неровно, как нормальный пацан. Надо бы у Дока узнать, что с ним не так и почему он здесь. Правда, стоит Киту разгудеться, Марине сказать «синий Кит потемнел», этот Тарас просто подходит и садится рядом, а Кирилл сообщает, в чем дело! Но как он узнает? Телепат? И всё? Не похоже на тривиальную телепатию. И почему никто не догадался притащить клавиатуру для слепых?

Лёвка все-таки попытался поговорить с соседкой.

— Я сам ничего не понимаю, — попытался уйти тот от разговора.

— А Доктор? Его спрашивал?

— А Док говорит, делай свое дело, как подсказывает интуиция! Понимаешь? Как интуиция подсказывает! Я, наверное, тоже экстрасенс, по его мнению. Или индиго. Вот ты, кстати, индиго.

— Но они же тебя слушают и выполняют задания. Читают там... — задумался Лёвка.

— А ты заметил, что они вообще довольно охотно учатся? Что память у них отменная. И соображают! И рассуждают! Группа хорошистов с отличниками, мечта любого педагога. И бесчувственными их не назовешь, как обычно пытаются показать «странных» деток. Но что-то в этом есть от спокойствия перед цунами.

Это было похоже на правду. И Лёвка спросил:

— А Кит?

— Не знаю я ничего про Кита. И зачем он нужен Доку, тоже не знаю. Иногда мне кажется, что все эти дети собраны только чтобы вытащить бедолагу. Да и мы тоже, если честно! И вот это меня больше всего тревожит. Опять жертвы в той или иной степени. И дети, и ты, и я, и сам Док. Возможно, и Кит. Слушай, я вот думаю, сколько же в нас до сих пор языческого! Мы же не можем просто так возлюбить ни Бога, ни ближнего, ни себя. Не принеся жертв.

— А любовь тут при чем? — не понял Лёвка.

— При всем, — хмыкнул Колька. — Вообще при всем, а иначе ничто не имеет смысла, да и сил ни на что не будет.

— Заметь, это ты меня сюда затащил! — Лёвка попытался разрядить обстановку, но получилось неуклюже.

По большому счету, Кириллу можно было не уделять слишком много времени. Лёвка диву давался, с каким энтузиазмом его ученик брался за новые задачи. Он не то чтобы щелкал их как орехи. Были и те, что давались с трудом. Но вот уходил в них

парень целиком. Полностью погружаясь, не желая контактировать ни с кем, кроме серых ворон, пока не найдет решение. Сам. Без помощи и подсказки. «В режиме открытия», — как любил повторять Дифур, пытаясь дать каждому подопечному приемлемый уровень навыков. Индиго не выуживали решения из информационного поля, как писали досужие исследователи явления. Бились один на один до победы, — и только это, возможно, отличало их от обычных школьников. Или Лёвкина методика не позволяла поступать по-другому. Что толку делать второй шаг, если первый не сделан? Про шаги Лёвка знал все, — столько их насчитал в свое время!

Марине было сложнее. Слишком много разноцветного мира вокруг. И сама она всему давала окраску. Иногда Дифуру казалось, что девчонка решает сложные алгебраические дроби просто смешивая палитру, получая цвет «математического выражения», соответствующий ее представлениям о гармонии. По правде говоря, ее решение довольно часто оказывалось верным. Но дроби — это вчерашний день! Ей во что бы то ни стало хотелось догнать своего ровесника Кирилла, который уже познал тайну вожделенных «фиолетовых» дифуров! Она просила дополнительных занятий, и Лёвка не мог устоять перед ее возрастающим интересом к точной науке. Раньше ему и в голову не приходило окрашивать оцифрованное. При кажущейся нелогичности — цвет связан с длиной световой волны. Лёвка начал приезжать по вечерам в интернат, и не только в субботу. Образ мышления Марины и ее идеи его увлекали.

Марина билась над очередной задачкой, к которой ее цветовой метод никак не подходил, а Дифур наблюдал, сидя рядом. Она рассуждала вслух, — так он велел своим ученикам. Он никогда не критиковал. Мог лишь слегка направить или остановить уж совсем неверный ход короткой фразой:

— Вы уверены, коллега?

Вот и сейчас он произнес:

— Коллега, попробуйте сначала увидеть логику условия. Быть может, здесь скрыты цвета, которые вы не различаете? Вы же не можете утверждать, что способны распознать все оттенки Вселенной.

— Но тогда это не решаемая в моем мире задача! — выпалила ученица. — Или этот решил ее?

— Решил, — улыбнулся Дифур, поняв, что «этот» — Кирилл.

И Марина, топнув ногой, углубилась в задачу, несмотря на довольно поздний вечер.

Лёвка поглядывал на часы, но остановить ребенка, ищущего решение, не мог. Это кощунство. Наконец она вскрикнула:

— Кажется!..

И от волнения схватила Дифура за локоть, но договорить не успела. Дверь распахнулась. На пороге аудитории возник Кирилл. Марина быстро отдернула руку.

— Я задачу решила, кажется, — прошептала она.

Кирилл не ответил. Глянув зло на Дифура, он с силой захлопнул дверь.

— Расскажите, что Вам кажется, — учитель не заметил возникшего напряжения.

— Он совсем темный, как ночь, — пролепетала Марина. — Что случилось?

— Ну, может, он боится, что Вы обгоните его. Вы ведь соревнуетесь. Как мне показалось, — Лёвке стало неудобно.

— Это другое, — заволновалась она. — Вам сегодня лучше остаться здесь. Не ходите домой.

Лёвка почувствовал страх в ее голосе. Тем не менее взял свой рюкзак и направился к двери:

— Почему это? Нам уже давно пора завершить наши сегодняшние бдения. И у Вас, и у меня завтра счастливый трудовой день. Так что отправляйтесь отдыхать.

Он вышел из аудитории. А Марина кинулась следом:

— Не уходите! Не сегодня!

Лёвку рассердила ее настойчивость. Хватит того, что он идет у нее на поводу, сидя чуть не до полуночи, пока она штудирует высоты и глубины математики. А у него самого почти не остается времени ни на что другое: только собственная работа и этот чертов интернат. В душе резко все перевернулось, мысли и чувства стали путаться. Вдруг сильный порыв ветра бросил ему в лицо какую-то пыль и мусор. Это взбесило! Впрочем, он отдавал себе отчет в том, что не ветер повинен в гневе, а то, что позволил втянуть себя в авантюру!

Следом его накрыло нечто, больше похожее на мягкую морскую волну, волну неподдельного интереса к ученикам, их судьбе, словно и он крепко связан с ними. Волна ненадолго погасила смерч раздражения. Следом новый порыв ветра-злости рванул его душу. Он почувствовал тошноту, как от морской болезни, и с надеждой вышел в парк, на свежий воздух.

Ночь была тиха и ясна. И на душе стало спокойно. Пронеслась мысль, высказанная давеча Коляном, — «как перед цунами». И вдруг парк взорвался вороньим граем, а небо закрыли крылья. Через мгновение Лёвка почувствовал сильный удар клюва в плечо, потом — в другое. Ему показалось, он услышал издали ржание Ромба, и в следующее мгновение как будто конь сбил его с ног и сам упал сверху, прикрыв хозяина. Казалось, они упали в море и сейчас оба тонули. Откуда здесь море? Лёвка четко ощущал колыхание воды, ее запах и удивлялся лишь тому, что может ею дышать.

— Я пойму, если Вы захотите прекратить занятия и больше не появитесь здесь, — Док смотрит в пол и не видит, что Лев улыбается.

— Не дождетесь!

— В смысле? — не понял Доктор.

— В том смысле, что теперь я точно не оставлю этих мутантов! Простите. Это я люблю.

Только тут Доктор решился взглянуть на Льва.

— Я должен бы изолировать Кирилла. То есть, по существу, ему место в закрытом учреждении. Как вы понимаете, в психбольнице. Где его заколют и закормят препаратами, и он больше не будет опасен.

— А он опасен? — усмехается Лев.

— Кирилл натравил на Вас ворон, и это была, по сути, попытка убийства.

Лев пожимает плечами:

— Возможно. Но мне кажется, что это было лишь предупреждение. Если бы он хотел убить, то довел бы дело до конца. Не находите?

Доктор, вздохнув, достает два стакана и бутылку виски:

— К сожалению, вы ошибаетесь. Он намеревался именно убить. По крайней мере, это бы и произошло, не вмешайся случайно Кит.

— Кит?! То есть?

Лёвкины ноги подкашиваются, и он бухается в кресло, удачно стоящее сзади.

А Доктор продолжает, наполняя стаканы:

— Вы можете отстранить от занятий Кирилла, и во время уроков он будет сидеть у меня в кабинете. Потому что я все-таки не намерен пока сдавать его в психушку, несмотря на ЧП. Вороны его в клетках, и другие не прилетят. А Кит... Я не знаю, какой

благородный черт вынес его в парк в эту ночь, когда вы уходили. Но он просто подбежал и прикрыл Вас своим телом, навалившись сверху. Вы, видимо, потеряли сознание. Для ворон Вы сразу исчезли, а Кита ни один гад ни по чьему приказу не тронет. Уж не знаю пока, почему. Как-то так. Так что повторяю, я пойму, если Вы уйдете.

— Не уйду! — Дифур опрокидывает разом стакан. — А Кирилл сейчас где? Я бы хотел его увидеть.

— Могу привести, — удивляется Док.

— Если не трудно. И, пожалуйста, выпустите ворон, они-то в чем виноваты? Поверьте, не знаю, почему, но я уверен, нападений больше не будет.

— Мне бы Вашу уверенность, — хмыкает Док и отправляется за Кириллом.

Красные глаза Кирилла выдают, что он не спал и проревел до утра. Он лишь мельком взглянул на учителя, но тот заметил смятение и раскаяние подростка.

— Если Вы ждете извинений, то этого не будет, — тихо говорит Доктор. — Боюсь, он еще долго не заговорит.

Кирилл хочет извиниться, но не может. Проклятый ком, забытый уже, вернулся, и не позволяет произнести ни слова. А на глаза наворачиваются предательские слезы и капают прямо под ноги. Он ведь так и не понял, что с ним произошло, когда Маринка не пришла вечером в парк, а Тарас сказал, что она решает задачки с Дифуром. Почему он подумал плохое? Почему не поверил друзьям и любимому учителю? Потому что расслабился, открылся, доверял им больше даже, чем Доктору? Доверял ли? Или ждал подвоха? А если бы не Кит?!

Когда Кирилл ринулся в парк следом за Дифуром, оттолкнув Маринку, пытавшуюся что-то сказать, на дороге возник Кит. Он гудел и раскачивался, преграждая путь. Но Кит был слеп, а Кирилл проворен, он успел распахнуть двери и поднять своих ворон. Маринка крикнула: «Не смей!» — а он и сам не ожидал, что птицы, как зомби, беспрекословно выполняют его приказ, и испугался, и замер. Если бы не Кит! Дифур теперь должен ненавидеть Кирилла.

— Я не жду извинений, — Дифур смотрит на ученика в упор. — И я не откажусь от занятий математикой с Вами, Кирилл.

Кирилл шмыгает носом, а учитель продолжает:

— Маленькие мальчики имеют право поступать не по-мужски, и наша, мужская, задача, — он специально акцентирует слово «мужская», — показать им собственным примером, что это значит. Взрослый человек, мужчина, умеет сдерживать свои порывы, импульсы до выяснения обстоятельств. А человек, обладающий неординарными способностями, Вы слышите меня, Кирилл?..

Кирилл кивает, и новый град рушится из глаз. Учитель улыбается:

— Продолжаю: человек, обладающий неординарными способностями, несет и неординарную ответственность за свои поступки. То, что Вы плачете, это хорошо, это обнадеживает. Мужчина имеет право плакать, он не имеет права быть несдержанным и бесчувственным.

— Спасибо, Лев. В том числе и за то, что я в Вас не ошибся, — Док пожимает Дифуру руку, когда обрыдавшийся Кирилл отправляется к себе. — Я бы лучше не сказал про мужскую ответственность. Круто.

— Угу, — кивает Лев. — Только у меня одно неперемное условие. Надо закупить компьютеры последних моделей. Кстати, есть клавиатура со шрифтом Брайля. Странно, что вы ее еще не приобрели. Нужна информатика. Я могу добавить час.

Доктор

Свое настоящее имя Доктор вспоминал, когда нужно было поставить подпись. Пяти лет от роду он спер стетоскоп в кабинете врача, — слушать, что внутри всего. Педиатр, заметив горящие глаза и недетскую сосредоточенность, улыбнулся, махнул рукой и приобрел новый. Так и стал Петров П.П. Доктором. Впрочем, Петром Петровичем его называли не папа с мамой. Однажды ноябрьским вечером нянечка одного из питерских детских домов вышла на крылечко, услышав кошачий вой. Орала не кошка, а сверток с младенцем.

— Опять подкидыш, — вздохнула она и понесла находку к директору.

При ребенке, завернутом в цыганский платок, обнаружили иконку со святым Петром. В самом начале младенца называли Цыганёнком, — имя же необходимо только для регистрации. Иванов Ивановичей, Сергеев Сергеевичей и Викторов Викторovichей было уже чуть ли не по два, а Петров Петровичей, как ни странно, ни одного. Да и завхоз ляпнул: «О! Вылитый Петька!» Он имел в виду то ли дворника, то ли героя гражданской войны, то ли имя святого, но директору понравилось. Да и найденыш, услышав, улыбнулся. Так и назвали трехмесячного, как определил врач, малыша. А отчество всем по имени давали. Чего уж? Детдомовец — сам себе отец по жизни.

До пяти лет Петька не говорил, думали, не здоров, как большинство брошенных или осиротевших, но стоило появиться стетоскопу, и малец забормотал себе под нос: «Дысите-не дысите, покаслай, ай-ай-ай».

Бывает, что выбрав себе любимое занятие лет в пять, человек превращает его в судьбу, невзирая ни на какие обстоятельства. Так и для Петьки-Доктора нелегкое детдомовское детство пролетело, словно незамеченное. И он оказался в медицинском вузе. Не с первого раза, — с третьего. И не после школы поступал. Медучилище и подработка санитаром в морге смягчили жестокосердие приемной комиссии, поставившей Петьке за сочинение проходной балл. К слову, именно работа с трупами определила предпочтения в медицине. Его все больше и больше волновала психосоматика.

После третьего курса он съездил с вулканологами на дальний восток. По знакомству, — его начальник — патологоанатом — отправился в отпуск, ну и прихватил с собой в качестве сезонного рабочего на фумарольные поля усердного санитаря. Петька-Доктор впечатлился изысками природы, которых в Ленобласти не найдешь, но более всего его поразила встреча с земляком Колькой, — таким же сезонным рабочим.

Некоторое время он двигался следом за парнем, повторяя причудливую траекторию пути, которую тот выбирал, пытался угадать логику маршрута.

— Откуда ты знаешь, куда нужно идти? — наконец не выдержал он.

Колька оглянулся:

— Чувствую.

Разглядывая нового знакомого, Доктор попытался расфокусировать зрение. Еще в детстве, в детдоме, он заметил, — если долго-долго сидеть, глядя в одну точку, в глазах начинает двоиться, а потом мир приобретает несколько иные очертания. Сначала едва уловимые, но если перетерпеть головокружение и легкую тошноту, то появляются цветные сияния, особенно вокруг живых объектов. Слово облаком окружает. Он и себя пытался рассмотреть в зеркале, но ничего не получалось.

Вокруг Коляна клубился синий ореол, но был он рваным, нервным и временами вспыхивал багровым или фиолетовым.

— Расскажи, как это. Как ты чувствуешь. Ты что-то видишь особенное, необычное?

У Доктора появилась надежда, — этот парень с синей аурой, возможно, тот самый индиго, которые, как он прочел в одной зарубежной статье, начали появляться на свет с какой-то особой миссией. Впрочем, общение с новым приятелем принесло и другое. Слушая историю Кольки-несуразности, как парень сам себя назвал, Доктор все больше удивлялся. Ему, детдомовцу, всегда казалось, что ничего не может быть прекраснее, чем жить в семье. А тут такое о матери:

— Понимаешь, это стихия! Гейзер! Сейчас он тихий и словно бы одухотворенный. Еще немного, и вдохновение переполнит его. И тогда он не сможет сдерживать порыв, вскинется горячим фонтаном, грохнется вниз и вновь затихнет. Я чувствую это, как зажатую между пальцами пружину. У гейзера, кстати, есть расписание, он предсказуем. — Колька рассмеялся. — А моя матушка — нет. Она сумасшедший гейзер. Непредсказуема.

Он немного помолчал и продолжил:

— Я научился пятой точкой ощущать, как это происходит. Тишина, умиротворение, и вдруг словно все замирает, словно нет самого времени, — и раз! Ты летишь головой в стену. Без причины. Просто у мамочки накопело. И вот сейчас прорвало.

Он еще много говорил, и, слушая Кольку, Доктор анализировал и думал, — возможно, так растут неврастеников, которые всю жизнь будут доказывать свое право на существование и при этом искать себе гибели. Или, наоборот, особенных каких-то людей. Как сталь закаляют.

— А ты крутой, — изумился Доктор, выслушав весь рассказ.

Колька смутился, ему казались эти слова похвалой, которой он не достоин.

— Ага. Несуразная крутизна, — буркнул он.

И началась дружба.

Следующую практику Доктор проходил в детском отделении психоневрологического института у сурового руководителя, — пожилой опытной докторши, которая не церемонилась ни с пациентами, ни с их родителями, ни со своим практикантом.

— Это не лечится, дружок, — объясняла она, когда Доктор высказывал сомнения по поводу того или иного метода или лекарства, полагая, что можно что-то сделать иначе, мягче. — И я имею в виду даже не этих мальцов, которые в восьмидесяти процентах переедут от нас напрямую в психоневрологические интернаты. Пожизненно.

— А двадцать процентов? — ухватился Доктор за соломинку.

— А двадцать переедут в морг! — разразилась она хохотом.

Потом примирительно сообщила:

— Мы их выпишем, они рискнут адаптироваться в обществе, может быть, закончат школу. Может быть, и университет. А потом все равно встретятся с нашими коллегами, занимающимися взрослой психиатрией. Это не лечится. А чтобы вы это поняли, пообщайтесь с их мамашами.

— С мамашами? — удивился Доктор.

Она усмехнулась:

— Ну, знаете, когда ко мне приходят отцы, появляется надежда. Пойдемте!

Они отправились в отделение.

Картина впечатляла. Пациенты от пяти до пятнадцати лет от роду располагались

в многоместных палатах. Вид их был угнетающим: кожа бледна и нездорова, головы обриты, глаза — ввалившиеся даже у полных, которых было чуть не более половины, — вес прибавлялся на инсулиновых шоках и спецдиете. Чем они занимались? Большинство ничем: сидели и раскачивались, бормотали что-то себе под нос, бессмысленно перебирали руками...

— Думаете, им можно помочь? Вытащить из умственного небытия? — услышал Доктор голос наставницы.

Он не ответил, она продолжила.

— Знаете, чьи это дети?

Он пытался увидеть, нет ли знакомых сполохов синего вокруг этих бедолаг, но если и можно было что-то разглядеть, то лишь тусклые и грязные оттенки лилового.

— Их матери и отцы в большинстве своем алкоголики, наркоманы, малолетние придурки, переболевшие венерическими болезнями. Что? Вы думаете, причина в чем-то другом? Следствия родовых травм или инфекции? Родовые травмы исправляются в первый год жизни, если родители нормальные. Инфекции лечатся, если родители нормальные! Видели, кто ко мне приходит? Вы думаете, им нужны здоровые дети? Им нужно продлить пребывание чад в стационаре и пособие! Если они вообще приходят, кстати.

Когда она объяснила, что ждет в будущем этих пациентов, которым уж лучше сгинуть в диспансере, чем плодить себе подобных, Доктор огляделся вокруг и почувствовал непреодолимое желание собрать всех этих несчастных и уехать с ними на необитаемый остров, улететь в космос, увести из жестокого мира. Но кто ему позволит и что ему с ними делать?

— Идемте, — наставница снова позвала за собой.

Она открыла специальным ключом дверь на лестничную площадку. Миновали пролет. «Детское отделение внебольничной психиатрии», — прочел Доктор на входе.

Здесь оказалось уютней: тихая музыка и много растений в кадках, — видимо, не опасались, что пациенты их съедят. Из зала для игр слышались мерные удары теннисного шарика. В столовой двое играли в шахматы. Молча. Глядя на доску.

— Аутисты, — прокомментировала докторша.

Они подошли к дверям палаты, и руководительница осторожно постучала. Никакого ответа не последовало, и она стукнула по ручке пару раз, чтобы было слышно.

Палата небольшая, на пять коек. Все аккуратно заправлены, кроме одной, на которой лежал подросток лет тринадцати.

— Витя, — позвала докторша.

Мальчик резко вскочил. Он был худ, бледен, но взгляд вполне осмыслен. Разве что глаза слишком сияли в тусклом полумраке палаты.

— Параноидальный синдром. У нас недавно. Лечение симптоматическое, — прошептала докторша и громче добавила: — Пообщайтесь. Витя, доктор Пётр Петрович пришел тебя выслушать. А я пойду на отделение. Позвоните, когда закончите.

Она вышла, а мальчик так и остался стоять, прожигая взглядом.

— Сядем?

Витя подскочил, словно вопрос оказался неожиданным, и начал быстро заправлять постель.

— Садитесь, пожалуйста, — наконец предложил он. — Где вам удобнее? Здесь или здесь?

Мальчик суетился и вдруг, резко взглянув на Доктора, отшатнулся.

— Что? — спросил тот, присаживаясь на край кровати в ногах.

— Ничего, — пролепетал Витя.

И Доктор расфокусировал взгляд. Парень полыхал синим пламенем, если можно так выразиться. Все, что окружало его, купалось в этом сиянии.

— Рассказывай, — выдохнул Доктор.

— Вы... — мальчик вытянул руку, указывая на Доктора, и запнулся.

— Что я? Ты что-то видишь?

— Да, — прошептал он. — Но я же ненормальный. И я здесь ведь из-за этого?

— Из-за чего?

— Я вижу то, чего нет. Это галлюцинации, да? — так же тихо прозвучал голос ребенка.

— Смотря что ты видишь, — Доктор старался глядеть прямо в глаза пациенту.

— Людей, — буркнул он.

— Людей? Каких? Живых? Мертвых? Тех, кого никто больше не видит?

— Нет-нет, — улыбнулся Витя. — Только живых. Но как будто насквозь. И кое-что вокруг них.

Он замолчал, а Доктор ждал, не помогая наводящими вопросами. Прошло минуты две, прежде чем парень заговорил снова:

— Иногда мне кажется, что-то не так, как должно быть. Я даже анатомию стал изучать. Я видел ребенка с огромной головой и маленькими ручками и ножками в животе у сестры. Сказал, а они не поверили и ругали меня. Потом оказалось, что правда. Но они все равно.... И сияние еще вокруг людей вижу часто. Оно разного цвета бывает. Вокруг вас — синее. Это у меня болезнь? — Витя быстро взглянул на Доктора.

— Не думаю, — ответил тот, мысленно благодаря парня за ответ на вопрос по поводу собственной ауры. — Скорее, некие способности...

После практикант орал в кабинете руководителя:

— Его нельзя сажать ни на какие лекарства! Это, быть может, дар! Талант! Вы просто загубите его!

— А придется! — отрезала врачиха. — Чтобы не видел, что не потребно видеть здоровому человеку!

— Зачем?! — не унимался Доктор. — Это же способности! Сверхспособности. Если хотите. Их развивать надо, а не убивать препаратами!

— Ты так считаешь? — перейдя на «ты», докторша приблизила к нему лицо и зашипела: — Считаешь, я убиваю их способности? Просто потому, что не разбираюсь ни в чем? Что ж! Давай позвоним куда следует. Расскажем, что у нас ребенок-супермен. Мутант! Дитя-рентген! Приезжайте! Забирайте! Исследуйте! Будет сидеть, облепленный проводами. Ни света белого, ни детства, ни взрослой нормальной жизни! Не даром в монастырях таким третий глаз закрывают! Что?! А?! Думал, я не в теме? Я этого гения-мутанта его родителям нормальным человеком верну. Потому что им не все равно, что с их сыном будет. Они что угодно сделают, чтобы он нормальным вырос! Без этих вот сверхспособностей, которые и ему жизнь испортят, и всем его близким. Выучится, женится, продолжит свой род, карьеру сделает и нам спасибо скажет. А что он нам скажет, если мы его сдадим исследователям?!

— А что вы скажете ему сейчас? — голос Доктора казался безжизненным. — Что он болен? И это не оставит, по-вашему, следа в его психике? Не изменит его отношения к самому себе?

— Я ему скажу то же, что сказала его отцу, — что он абсолютно здоров, а все эти

его видения — всего лишь следствие быстро развивающегося мозга в пубертатный период. И это не редкость, мы такое лечим. И назначаю небольшой курс витаминов. Или гормонов. Некоторые из них творят чудеса!

— И много там таких нередких? В том отделении? — помрачнел Доктор.

— Встречаются. Последние годы чаще. Иногда думаю, кого благодарить: изобретателей всяких гормональных контрацептивов или физиков-ядерщиков. Но попустительствовать всему этому не намерена и тебе не советую!

С одной стороны, он чувствовал ее жестокую правоту, а с другой, все внутри восставало против. И он поймал себя на том, что боится рассмотреть ауру наставницы. Может, потому что в ее мире ауры не существует. А если есть, то лечится.

— Нам бы с этими бедолагами справиться, — выдохнула докторша. — Наберешься опыта, будешь смотреть на них по-другому. Я, когда начала работать на отделении, тоже тащила всех, кого можно было и кого нельзя. Успехам своим радовалась. Детишек домой выписывала, в лобики целовала. А они потом — кто через год, а кто и через месяц — возвращались ко мне хуже, чем были. Чтобы ребенок был здоров или чтобы болезнь тормозила, не развивалась, среда нужна особенная, понимаешь? Матери-отцы должны быть нормальные, а не вот это вот всё. Я им говорю, что да как делать — тем, кто вообще приходит узнать, а они — в лучшем случае головами кивают, — и ничего! Пусто! А то и спорят еще! Зачем рожали?! Если дети им не нужны. Знаешь, будь моя воля, слава богу, что у меня ее нет, я бы в выпускном классе заставила сдавать экзамены на родительскую профпригодность. И стерилизовала не сдавших! Что смотришь? Ладно, шучу!

— Вы считаете, что все дело в родителях? Нас учили...

Она перебила:

— Я знаю, чему вас учили. Тот же вуз закончила. Но, помимо науки, мой молодой коллега, есть еще тривиальный опыт, который говорит слишком настоятельно, что прав был Крысолов!

— В смысле? — не понял Доктор.

— Что детей лучше изолировать.

— Ага. Он их как раз утопил, вроде.

— Ха! Думаете? — усмехнулась она. — Это братья Гримм насочиняли, а что там на самом деле было — никто не знает. Есть и другая версия.

— Какая же?

— Никогда не слышал о сероглазых цыганах? — улыбнулась она, пристально глядя на своего собеседника.

Он не слышал, но разговор начал его утомлять, словно он сам сейчас в качестве пациента находился на приеме у этой жесткой врачихи, которая вот-вот поставит ему диагноз, пропишет уколы и процедуры. Интересно, подумал Доктор, как бы она отреагировала, если бы он признался, что сам видит сияния? Тоже бы прописала ему витамины и сообщила в деканат о профнепригодности? К тому же его волновал Витя.

Перед утренним обходом Доктор несся по коридору отделения внебольничной психиатрии, погруженный в предстоящий разговор, и не сразу заметил, как мимо провезли каталку с привязанным и укутанным пациентом. А когда заметил, не поверил, что это — Витя. Заведующая схватила Доктора за руку:

— Что вы здесь делаете? Вы должны быть на рабочем месте! Я на вас оставила больных!

— Это вы что здесь делаете? — прохрипел он, указывая на тело на каталке.

— То, что остановит параноидальный психоз! Через час он придет в себя, и все будет хорошо.

Она грозно смотрела на стажера и загоразивала собой каталку.

— Что вы с ним сделали? Это шок? Инсулиновый шок? — он не узнавал свой голос.

— Разумеется, — кивнула врачаха.

— Но это же варварство!

— Возможно! Но лучшего метода покончить со всем быстро и с минимальными последствиями еще не изобрели. Инакомыслие лечится превосходно. Одним сеансом. А Вам еще неделю меня терпеть.

Он вытерпел. И получил высокий балл за практику. А заодно изучил все последствия инсулинового шока. Витьку больше не беспокоили внутренности людей и цвет ауры. В отличие от реальных болезней, синий цвет лечится с первого раза, — пациент засиял желтовато-зеленым, — прекрасный оттенок хорошего человека.

А потом Доктор защитил диплом и пошел набираться опыта в детской поликлинике, работая невропатологом, и убеждаться в правоте бывшей начальницы.

В тот день прием был закончен. Но звонок главврача заставил Доктора задержаться...

— Здравствуйте! — не дожидаясь приглашения войти, мужчина лет сорока подскочил к Доктору и схватил за руку.

Врач отметил безупречный вид, дорогой костюм, часы. Что могло привести к нему, детскому невропатологу, этого джентльмена?

— Чем могу помочь? — Доктор пожал руку гостю.

— Всем! Только вы, боюсь, и сможете!

— Садитесь.

Мужчина плюхнулся на детский стульчик рядом со столом, вскочил, и Доктор указал ему на кушетку в углу кабинета.

Они уселись, и мужчина замолчал, теребя браслет часов.

— Я слушаю, — Доктор понизил голос, чтобы пришедший успокоился. — Не торопитесь. Расскажите все по порядку.

— Я вас не задержу! Понимаю, рабочий день закончился. Я сам не люблю, когда меня... — он никак не мог перейти к главному вопросу.

— Я не спешу. Сосредоточьтесь, пожалуйста. Вы пришли из-за ребенка?

— Да! Его упустили! Совсем! И я не знаю, что делать! Моего сына угробили!

Доктор не перебивал, понимая, что человеку нужно выкричать свою боль, и тот продолжил:

— Так получилось, что я вынужден был уехать. Нет, мы не в разводе. Не могу вам рассказать, чем я занимаюсь и почему не виделся с сыном. У нас есть дочь. Старшая. Там все хорошо. Она студентка. Они, теща и жена, писали, что все нормально, знаете, почему? Расстраивать меня не хотели! Дескать, работа нервная и все такое! Они же убили моего сына! Если бы они сразу! Я бы, может, сразу тогда нашел вас! А сейчас ему тринадцать! Говорят, уже ничего нельзя сделать! Но мне рассказали, что вы способны на чудеса.

Посетитель полез в карман за платком.

— Подробней о сыне, пожалуйста, — подбодрил Доктор.

— Ему было три, когда я уехал, — он горько усмехнулся. — Я уезжал, а мой трехлетний сын читал и решал задачи. Он был очень одаренным. Знаете группы

раннего развития? Лучшие. Я обещал финансировать. До сих пор не понимаю, почему не насторожился, когда они сообщили, что в группу он не пошел. Что приболел. Короче, там потребовали прививки. Время поджимало. И ему сделали эту прививку, хотя он температурил! И всё! Всё кончилось для моего ребенка! Он ослеп, оглох, и я не знаю, почему больше не говорит, только мычит, точнее, гудит, как трансформаторная будка, и раскачивается. Думаете, они так это и оставили? Нет, конечно, они бегали, как две курицы, по врачам, пока те не велели оставить парня в покое и не мучить, раз уж так вышло. Так вышло! Понимаете?! И вот тогда они оставили его в покое. Они даже не обнимают его, и мне велели не трогать. Костю не обнять! Я попробовал, он оттолкнул меня, кажется. Я не помню, мне стало плохо. Мне! Скажите честно, — поздно?! Ничего не сделать?

— Обнадеживать не стану. Но ребенка приведите.

На следующий день, увидев Костю, доктор отшатнулся.

— Так плохо? — прохрипел отец.

— Нет. Конечно, не очень хорошо, но дело не в этом.

— Поздно?

— Поздно бывает только на кладбище. И то, знаете, всякое случается. У вас не совсем обычный мальчик. Вы не могли бы оставить нас вдвоем минут на десять?

— Да, конечно, — отец как ошпаренный выскочил из кабинета.

— Ну-с, голубчик, какого ты цвета? Синий, вероятнее всего, но я должен убедиться.

Парень слегка покачивался и гудел. При этом он улыбался, и эта улыбка не была бессмысленной, как у детишек с задержкой развития, скорее, это была внутренняя улыбка, — улыбка Будды, как бы пафосно ни звучало.

Доктор долго не мог расфокусироваться, словно кто-то мешал, и он понял, кто.

— Помоги мне, пожалуйста, я очень прошу тебя, мне нужно видеть.

Он подошел ближе и слегка коснулся головы мальчика.

К боли, как от удара хлыстом, он был готов, и руку не отдернул, лишь погладил нестриженную, впрочем, чистую голову. «Интересно, он сам моется?» — пронеслась мысль. Боль прошла и сменилась ощущением, словно он прыгнул в море со скалы и вода сомкнулась над ним. В глубине он увидел кита и услышал его зов. Это было похоже на галлюцинацию, Доктор отдернул руку. Костя раскачивался, улыбался и тихо гудел.

— Помоги мне, Кит, — вдруг попросил Доктор, дав прозвище своему новому пациенту, и снова коснулся головы мальчика.

В этот раз получилось, — ярко-синий свет залил кабинет. Такого огромного поля Доктор еще не встречал.

— Я не уверен, — сказал он отцу мальчика. — На это могут уйти годы...

Тот нетерпеливо перебил:

— Сколько угодно! Лишь бы они не отдали его в ПНИ, как им посоветовали.

— Простите, а кто за ним ухаживает? Какие-то навыки в три года уже есть. Все сохранились?

— Он сам. Все сохранилось, кое-что даже развилось. И он очень опрятный. Такое впечатление, что его единственная радость — мыться. По два часа сидит в ванной.

— А книги для слепых не пробовали?

— Нет! — взревел отец. — Я же говорю, эти курицы просто перестали что-либо делать! В покое его оставили. Под себя не ходит, умеет пользоваться ложкой и вилок. Послушайте, он же не видит ничего, но как-то ходит по дому, ни на что не натывается.

Может, помнит, где что? Может, у него сонарное зрение появилось? Но тогда бы он шелкал, а он гудит.

— Купите детские книги для слепых и приходите на следующей неделе.

Доктор надеялся, что с помощью известных методик постепенно поймет, что происходит.

Через неделю он познакомился с мамой Кита.

— Вот, — она выложила на стол кипу детских книг с шрифтом Брайля. — Это неправда, что мы не пытались. Просто это оказалось невозможно.

Отец и Кит стояли рядом. Кит улыбался, а отец виновато разводил руками.

— Все методики сводятся к тому, чтобы взять ребенка за руку. А Костю нельзя взять за руку. Он не даст. Не будешь же его связывать, и на таблетки всякие сажать не хочу, мне прививки вполне хватило, на всю жизнь, — оправдывалась мать. — Он вообще не агрессивен, но прикоснуться к нему нельзя.

Она коротко взглянула на Доктора и почти шепотом спросила:

— Я признаюсь кое в чем, не сочтете меня сумасшедшей? Я не могу обнять его! Слово током бьет, либо, боюсь сказать... — она искала поддержки.

— Говорите, это важно.

— Мне начинает мерещиться кое-что. Может, я просто сразу засыпаю и вижу сон...

Она не скажет, — понял Доктор и продолжил за нее:

— О море?

— Да. Вы тоже? Вы же касались его, когда обследовали?

Он вздохнул:

— Давайте сейчас не будем обсуждать эту деталь. Быть может, нам удастся понять, в чем дело, но позже. Я попытаюсь найти с Костей контакт, но на это уйдет время.

— Я уже говорил, — подключился отец. — Сколько скажете. И деньги тоже, сколько скажете. Все, что скажете.

— Посмотрим, — улыбнулся Доктор. — Может, кое-что и скажу. Но мне нужно знать подробнее, что случилось сразу после прививки. Понимаю, говорить об этом нелегко, но иначе нам трудно будет справиться с ситуацией, если вообще возможно...

Мать всхлинула. Отец сурово взглянул на нее, потом, заметив укоризну в глазах Доктора, погладил по руке:

— Соберись, пожалуйста. У нас появился шанс.

Из сбивчивого рассказа родителей Доктор узнал следующее. Сутки после укола все было нормально, а через день близкие проснулись среди ночи от душераздирающего вопля малыша. Тот метался по детской, натываясь на мебель, падая, ушибаясь обо все подряд. При этом до него невозможно было дотронуться, — он вырывался, кричал, что ему больно. Разумеется, вызвали «скорую», и Костю госпитализировали, предположив аллергию на прививку. Еще через день малыш впал в кому. На год.

Доктор желал знать все:

— Продолжайте, пожалуйста. Как он вышел из комы?

— Тоже ночью, — шепнула мать. — Попытался встать. Но он ничего не видел. И все эти иголки от капельниц, все эти провода... Он запутался в них и испугался. Снова потерял сознание...

Костя очнулся через неделю после второй комы, когда врачи уже хотели предложить отключение, полагая, что мозг умер. Малыш не видел, не слышал и не говорил, только мычал. Но самое странное, — он не давал к себе прикасаться.

— Он бился током, словно очень сильно наэлектризованный, так что ни обнять, ни температуру померить, ни научить чему, — закончила свой рассказ мать.

— Спасибо. Понятно, — выдохнул Доктор. Хотя на самом деле рассказ родителей вызвал больше вопросов, чем прояснил ситуацию. — А теперь оставьте нас с Костей вдвоем.

Он еще раз попытался дотронуться до макушки мальчика, и получил удар током, как четко определила мать это ощущение, и снова море окружило его.

«Так не пойдет», — подумал Доктор. Он сунул первую попавшуюся книгу в руки Кита, рассчитывая на рефлекс. Костя торопливо провел пальцами по обложке, загудел, сделал пару неуверенных шагов в сторону стола и положил книгу туда. Со всеми остальными книжками он поступил так же. Доктор внимательно следил за мальчиком, — улыбка Будды не покидала того.

Вдруг Док сунул Киту прямо в ладонь блестящий диск своего талисмана-стетоскопа акустической головки, оставив себе трубки. Парень сжал в руке диск. К улыбке прибавилась сосредоточенность, — эту вещь, видимо, он никогда не держал в руках. Некоторое время они, не шевелясь, стояли друг напротив друга. Потом Доктор рискнул и медленно провел пальцами по слуховой трубке по направлению к диску. Парень насторожился, и когда рука Доктора замерла на полпути, провел по трубкам своей рукой навстречу. Они остановились в миллиметре друг от друга. Искр не было, но напряжение чувствовалось. По лицу Кости Доктор понял, что тому тоже тяжело, но он терпит. Постепенно напряжение ослабло, их пальцы соприкоснулись. Доктор всю волю собрал в кулак, чтобы не утонуть в очередной раз, и море нахлынуло призрачно, как параллельная реальность, просочившаяся в кабинет. Ничего не исчезло: ни стол, ни стулья, ни кушетка, ни картинки на стенах, только все это казалось ненастоящим, — голограмма клиники, в которую вписалась голограмма океана. Доктор увидел, что мимо проплыл призрачный дельфин. И тогда он изо всех сил стал думать о книжках на столе, представлять, как они раскрываются, как Кит проводит руками по шрифту. Он старался раз за разом мысленно воспроизводить одно и то же — книжки и ладони. И тот услышал. Он протянул руку в сторону книг, дотронулся и оттолкнул. Ну конечно! — вдруг догадался Доктор, — они совсем детские! Их Костя, быть может, наизусть знает. Нужны другие! Для подростков! «Гарри Поттер», например. Или хорошая фантастика. Почему нет? Впрочем, если так, то откуда Костя знает, что написано в этих книжонках, если его не учили читать шрифт для слепых?

Он оставил Кита со стетоскопом в руках, и тот с интересом его ощупывал, пока Доктор снимал со стен картинки-иллюстрации сказок. Покончив с этим, он нашел в стопке «Курочку Рябу» и, положив на нее соответствующую картинку, пихнул Киту. Тот машинально взял, не выпуская стетоскопа. Через мгновение его улыбка стала чуть шире, но весь набор, включая стетоскоп, он протянул Доктору обратно. Водрузив на шею свой талисман, Доктор проделал манипуляцию с «Теремком», — книжка и картинка в рамочке переключались в руки Кита и вернулись с той же улыбкой.

— Ладно, — подбодрил себя Доктор и предложил «Три медведя» с картинкой.

Результат был тем же.

— Хорошо, а как тебе такой вариант? — в руках у Кита оказался «Теремок» и картинка с Рябой.

Костя замер. Потом загудел громче обычного и разделил картинку с книжкой и вернул их по отдельности.

Доктор еще несколько раз повторил опыт, Кит ни разу не ошибся.

— Неужели тебе все равно, каким шрифтом, и ты просто считаешь информацию, взяв любой предмет в руки? И в этом твоя особенность?

Он открыл книжный шкаф и извлек из него справочник по педиатрии.

— Держи!

Кит взял книгу, поелозил руками по обложке, попробовал открыть, Доктор понял, что смысл ему непонятен. Почему? Значит, он не считывает из информационного поля, как пишут про индиго досужие исследователи? Значит, это работает как-то иначе? Доктор позвал родителей и попросил приобрести «Гарри Поттера», всего: и шрифтом Брайля, и на английском, и на русском.

Встречи с Китом начинались одинаково — они здоровались через стетоскоп. И Доктор после слегка касался Кита, что весьма помогало при обучении чтению. Выяснилось, что тонкие простые книжечки, которые ему были знакомы еще до прививки, он «прочитывал» насквозь своим особым внутренним зрением, хотя, скорее всего, узнавал. А толстый неизвестный «Гарри Поттер» волшебным образом не давался ни в каком виде. В какой-то момент с лица мальчишки исчезла постоянная улыбочка. Он раскачивался, громко гудел, тряс головой, перелистывал, но текст, напечатанный с двух сторон страницы, не поддавался. Но что-то его зацепило.

— Пора, — сказал себе Доктор и заменил обычную книгу на томик для слепых.

Кит понял — освоить такой текст проще. Началось длительное изучение грамоты. «Гарри Поттер» был интересен, но и малопонятен, потому что в мире Кита не было других детей. Он догадывался, что они где-то существуют, чем-то увлечены, общаются и дружат. Последнего не было в жизни Кита. Доктору пришла в голову дерзкая мысль.

— Знаете, что нужно вашему сыну? — после месяца раздумий он рискнул поделиться своим планом с родителями.

— Всё, что угодно на ваше усмотрение! — в который раз заверил отец. — После «Гарри Поттера» я в вас уверовал окончательно.

— Ну, не преувеличивайте. Мы за полгода только первую книжку осилили. Впрочем, динамика есть, вы правы.

— Так что? Что нужно? — поторопил отец.

— Общение ему нужно. С себе подобными.

— То есть? — не поняла мать. — Все-таки отдать его в интернат к слепоглухонемым? К инвалидам? А иначе нельзя?

— Я не говорил про интернат для инвалидов. Тем более что, помимо того, что произошло с Костей, есть еще интересные особенности, о которых я бы говорить не торопился.

— Что? Что с ним еще не так? Он же в остальном здоров! Нас заверили! — всполошилась мать.

— Вас не обманули. Он здоров. Он просто особенный. И это не в том смысле, когда говорят о детях с задержкой развития. Это нечто иное.

Доктор не решался сказать родителям Кита про индиго, раз им самим до сих пор не пришлось это в голову, но отец коснулся его руки:

— Если я правильно понимаю, это особенные особенности. Что-то вроде мутации?

— Вроде, — осторожно кивнул Доктор.

— Из-за прививки? — прошептала мать.

— Скорее, врожденные...

— Что вы предлагаете? — прервал отец, незаметно кивнув в сторону жены. И Доктор продолжил:

— Я давно подумываю о школе для особо одаренных детей.

— Слепых и глухих? — всхлипнула мать.

— Ну почему? Разных...

— Я вас понял. Согласен, — отец снова выразительно взглянул на Доктора, давая понять, что при супруге лучше не обсуждать подробности, да тому и самому не очень хотелось нагружать их лишней информацией. — Когда вам будет удобно обсудить бизнес-план и все такое, позвоните, — отец взял супругу за локоть, и они вышли.

Бизнес-план — это сильно сказано. Доктор понятия не имел, как это делается! В конце концов, он специалист в другой области. Но, как говорится, — назвался груздем, — полезай... Он позвонил Коляну:

— У меня для тебя работа!

— Да я как бы не безработный, — хмыкнул приятель.

— Это не обсуждается. Мы создаем принципиально новую школу! А ты, насколько я помню, учитель литературы и языка.

— И что же это за новые принципы? — Колька был настроен скептически.

Доктор импровизировал:

— Школа нового мышления и общения!

— То есть?

Доктор знал, — стоит человеку проявить хоть малейший интерес к идее, считай, — попался.

Через день они обсуждали концепцию возможного интерната для детей-индиго.

— Где ж ты их наберешь? — интересовался друг. — Это же редкость.

— Ага. Только не в моей практике. Людям трудно принять то, что кажется странным. А я — специалист по ненормальным. В данном случае по паранормальным. Но мы это слово употреблять не будем.

— «Особенности развития» тоже термин так себе, — заметил Колька.

— Да уж. Поэтому так и запишем: «Школа нового мышления и общения». А там добавим про спецразвитие спецнавыков. Ну, типа — бесконтактный бой, гипноз и прочая дребедень.

Отец Кита, получив программу, вникать всерьез и не собирался:

— Слушайте, Док, мне важно, чтобы Костя стал человеком, на сколько это возможно. Чтобы читал книги. Пусть для слепых. Чтобы мог ориентироваться в современном мире. Я понял про общение с нормальными ребятами. А, если кто-то из них гипнозом владеет, поддерживаю полностью. Вижу, сын меняется в лучшую сторону. Я даже заметил, что он ждет встреч с вами. То есть желания у него появились, а раньше не было. Совсем. Ну, я рассказывал. Давайте делать школу. Вам подойдет помещение в ближайшем пригороде? Там клиника была небольшая, частная. Мы прикрыли ее, — папаша хохотнул и достал две бутылки: виски Yellow spot и какой-то дорогой коньяк. — Как раз экстрасенсы баловались. Шарлатаны сплошь! Может, и их посмотрите на предмет адекватности?

— Я специалист по детской психоневрологии, — улыбнулся Доктор, разглядывая бутылки.

— Ну и правильно!

Отец Кита подписал какие-то бумаги и обратился к Доктору:

— Ваш план наши экономисты подправят, а вы собирайте учеников и педагогов. Думаю, через месяц-другой заселитесь в свою школу-клинику. Ну? Отметим?

Он откупорил виски, Доктор взглянул в календарь, чтобы запомнить число...

На самом деле — нет ничего паранормального. Есть много неизученного! — подбадривал себя Доктор, создавая новую школу.

Трудности предполагались немалые. Но не отступать же, когда произошло нечто особенное. Благодаря Киту может быть создана уникальная школа-ковчег, спасающая новую расу от лечения нейролептиками и инсулиновым шоком, от бесогона, от неадекватных или консервативных родителей, наконец. И жертва Кита бесценна! Доктор поморщился. Ему не хотелось считать Кита жертвой.

В первые дни население интерната для особенных детей состояло из Кита, Марины и еще нескольких ребят, выловленных Доктором. К Доктору и литератору присоединилась парочка медсестер, готовых за Доктором и в огонь, и в воду, ну и, разумеется, весь необходимый обслуживающий персонал, состоящий в большинстве своем из матерей учащихся. Некоторые мамы, поняв, что чадо может, пусть временно, отстать от обычной школьной программы, забирали своих детей и уходили. Но свято место пусто не бывает. О школе пошел слух, и претенденты на нестандартное обучение появлялись. Небольшая группа — человек двенадцать-тринадцать — набралась. А вот с педагогами было сложнее.

Иногда Доктору казалось, — это его миссия! Он готовился всю жизнь — изучал методики развития сверхспособностей. Ведь сколько историй про бесчувственных, безэмоциональных суперинтеллектуалов насочиняли фантасты. Далай-лама сказал: «Если научить всех восьмилетних детей медитации, то можно устранить насилие в мире за одно поколение». Так за дело!

Утро и начиналось в школе с медитации. Он рассаживал своих — теперь уже не пациентов, а учеников — полукругом. Музыка тихую включал, медитативную, но быстро понял, что все-таки тишина — лучше. Если бы не Кит. И вообще всё оказалось сложнее.

— Мне больно, — кричит девочка. — Я не могу просто сидеть, когда этот воет! И музыку выключите, пожалуйста!

Кит раскачивается по своему обыкновению и гудит. Доктору кажется, что это гудение все больше напоминает звук «ом», который и должен сопровождать медитацию.

— Заткните его как-нибудь! — вопит другой. — Уж лучше пси-транс врубите!

— У меня ноги затекают в этой позе, — жалуется третий.

— Мне страшно, — шепчет четвертый.

Доктор выключает музыку, жестом велит всем подняться. Кит остается сидеть.

— Он похож на Будду, — говорит Марина, и кто-то соглашается с ней.

— Звук, который издает, как умеет, Кит, — Доктор хватается за малейшую возможность, — именно тот, который и должен сопровождать медитацию. Быть может, если вы все попробуете петь с ним в унисон, у вас получится.

— Это у него песня такая? Как же! — не унимается девчушка.

— Да, песня! — обрывает ее Марина.

Она пересаживается ближе к Киту и пытается попасть в ноту. Через минуту к ним присоединяются еще трое. От этого звука даже у Доктора все поплыло перед глазами, а кто-то из мальчиков теряет сознание.

Они слишком чувствительны. Друг к другу в особенности. Ничего себе, — новая раса! Погудели вместе — и обморок! Что дальше-то будет?

Но Доктор не сдастся. Каждое утро они пытаются синхронизироваться, и каждое

утро кто-то не выдерживает. Одни уходят, появляются другие. Те, кому удастся петь вместе с Китом, остаются.

Однажды появляется Кирилл. И в парке поселяются вороны. Хотя, что в этом противоестественного? Зная непростой характер новенького, Док менее всего ждет, что мальчишка не будет возмущаться утренним занятием. Но утром Кирилл ближе всех садится к Киту, и они даже раскачиваются в такт. Впрочем, на других занятиях они не контактируют.

Последние книги о Гарри Поттере Кит осваивает довольно быстро, и Доктор передает его Николаю Николаевичу.

— Только не касайся его руками.

— Укусит? — усмехается учитель.

— Почти. Там какая-то непонятная реакция организма. Не поверишь, — не парень, а электрический скат!

— Кит, — перебивает Николай Николаевич. — Электрический кит. Новый вид. Поздравляю.

Док не обращает внимания на шутку:

— Как я понял, он пытается это контролировать, но не всегда получается.

— Ладно, не буду. По возможности.

Учить Кита литературе непросто. Его реакции на текст совсем не те, какие ожидаются от подростка. Ему не объяснить, почему нужно читать Тургенева. После «Муму» он ненавидит этого автора. Но у него не отобрать книжку «Старик и море». Каждый раз, когда учитель приносит Киту новую, по программе, тот кладет сверху своего любимого «Старика...», и пока не прочтет пару страниц с любого места, к новой не приступает. Настраивается.

Учебники по истории он порвал. Пришлось Доку, как сумел, объяснить Киту, что книги рвать нельзя. А ботанику и зоологию «читает» как анекдоты. Доктору же кажется, что они подошли к некоему тупику. Медитирует, читает, но контакт не прогрессирует. Наотрез отказывается изображать сам хоть некое подобие письма для слепых. Дети в большинстве своем нейтральны, если не враждебны к нему. Кроме Марины. Ну, и с Кириллом странные отношения. Доктор все время ожидает взрыва.

— А я знаю одного мальчишка, — однажды после медитаций заявляет Марина. — Он умеет слышать дельфинов и летучих мышей. Тоже индиго.

Доктор кивает:

— Индиго не такая уж редкость.

— Мне кажется, — продолжает она, — если бы пригласить его к нам в школу, то он бы подружился с Китом.

— Почему ты так думаешь? — улыбается Док.

— У него сонарное зрение, как у Кита, — утверждает Марина.

— Откуда ты знаешь, что у Кита сонарное зрение?

Она пожимает плечами:

— Знаю, и всё.

Ну, конечно, что за дурацкий вопрос: откуда знаешь? Марина многое знает — и всё. Видит — и всё.

— И где живет этот мальчик? Может быть, пригласим его в гости? — спрашивает Док.

— В Гурзуфе, — кивает Марина. — Давайте пригласим! Только сначала сами к нему поедem летом! Давайте, а? Поедем на море, и я вас познакомлю с Тарасом.

Гурзуф. Доктор медленно обводит взглядом присутствующих. Ребята скачут вокруг него с криками:

— Поедем! Ну, пожалуйста! И Кита возьмем! Ему в море надо! Киты в море живут!

— Едем, — слышит он свой голос.

В конце концов, почему бы и нет! Питерским детям, даже индиго, море и солнце нужно не меньше, чем прочим. Может быть, даже больше. Да и кто знает? — еще один обладатель сонара, если это так, пригодится.

— Тарас тоже слепой? — спрашивает Доктор Марину.

— Нет. Он обычный. Ну, в этом плане.

Доктор замечает, что она употребила слово «обычный» вместо «нормальный», это хорошо.

Тараса они забирают с собой, когда возвращаются в Питер после Гурзуфа.

Всю дорогу в поезде вспоминают, как учились плавать, как Кит, почуяв море, бросился в воду и отказывался выходить, и как Тарас, тот самый, пришел на помощь, когда Кит уплыл к Адаларам:

— Так я услышал. Все дельфины орали про это. Он же к ним и поплыл. Я просто пихнул его в сторону берега, подумал, что вы же все волнуетесь, — смущается Тарас, когда Доктор пытается расспросить его.

— Значит, ты можешь передать ему мысль?! — восторгается Марина.

Но попытки повторить опыт телепатии ни к чему не приводят. Вероятно, нет нужной эмоциональной силы, — предполагает Доктор. Там была неординарная ситуация, а здесь они лишь забавляются.

Тарас, пожалуй, единственный, кто может касаться Кита, не получая разряда, и это слегка облегчает жизнь и дает новую надежду на контакт.

— Ну, как твои дела, как самочувствие в нашем ужасном климате? — спрашивает Доктор, вызвав Тараса для индивидуальной работы.

Мальчик печально улыбается:

— Ок. Но я очень скучаю по морю. По дельфинам. А тут еще этот Кит.

Доктор соглашается:

— Рядом с ним как будто и правда видишь море. Ты же в курсе, что не все могут с ним контактировать? Но мне действительно однажды привиделся дельфин, когда я держал его за руку. А что видишь ты?

— Ничего, — пожимает плечами Тарас и вдруг спохватывается. — Я чувствую.

Он замолкает, и Доктор дает время сосредоточиться, — Тарас несловоохотлив, нужно просто сидеть рядом и ждать.

— Море волнуется раз, — выдает, наконец.

— Прости, что? — не понимает Доктор.

— В детском саду игра была такая. Я ее любил, — Тарас начинает раскачиваться на стуле, почти как Кит.

— Точно! — улыбается Доктор. — Я тоже помню. И в моем детстве играли.

Тарас опять замолкает минут на пять. Потом продолжает:

— Когда Кит раскачивается, это «море волнуется раз».

— А когда гудит? — не выдерживает Доктор.

— А он не гудит, — Тарас снова затихает, покачиваясь на стуле. Потом, взглянув на Доктора, разводит руками, изображая что-то. — Вы знаете, как остров выглядит?

Доктор уже выругал себя за нетерпение и теперь смотрит внимательно, не прерывая.

— Остров сверху меньше, чем под водой. Так звучит Кит. Весь звук в глубине.

Не то чтобы Док полностью понял, что хотел сказать Тарас, но предположение его поразило: видимо, он имеет в виду недоступный человеческому уху диапазон звуковых волн. Кит, лишенный слуха, утративший навык речи, развил в себе нечто иное!

— Это похоже на песни дельфинов и китов. Ты ведь их тоже слышишь не как все люди? — Доктор осторожно касается плеча Тараса.

— Ну, а я про что? — кивает тот.

Вот и ответ, почему слепой Кит, не натываясь на предметы, перемещается по корпусу и даже гуляет по парку, не падая в пруд. Без всяких белых палок. У него действительно есть сонар! Правда, обычно такие люди шелкаю языком, а этот — гудит. Ну а какая разница?

И Маринка тоже про сонар говорила, — вспоминает Доктор. Пора бы перейти к следующему этапу.

Он подготавливает карточки с картинками. И они приступают к занятиям по ясновидению. Карточки разложены рубашками вверх, всем велено найти квадрат. Они сосредоточенно водят руками, напрягают лбы, Кит гудит и ничего не делает. Разумеется, многих это раздражает, и начинается общий скулеж и жалобы на невозможность сосредоточиться.

— Не стыдно? — Доктор смотрит строго. — Кто вам велел руками елозить? Может быть, кто-то именно так, руками, видит. Но не все! Соберитесь. Вспомните, кто чем владеет, — это ваши возможности. Марина, ты же просто знаешь! Кирилл, сосредоточься, вороны не подскажут!

— Вот именно, — буркает он. — Дохлые бумажки!

— А ты их оживи! — хихикает кто-то.

— А, кстати! — радуется Марина и поднимает вверх карточку с квадратом.

— Ты же только ауры видишь! — злится Кирилл.

— Теперь не только, — Маринка показывает ему язык.

Впрочем, треугольник она находит не с первого раза.

Доктор с удивлением замечает, что соревнование только ухудшает работу.

— Так! Абстрагировались! Закрыли глаза! Каждый из вас здесь один на один со своим комплектом. Никаких состязаний. Круг!

Через пару минут трое из двенадцати уверенно поднимают именно круг.

Тарас не ошибается в половине случаев, и это блестящий результат.

Кит продолжает ничего не делать.

— Можно? — вдруг спрашивает Тарас, указывая рукой на Кита.

— Попробуй, — разрешает Док и ловит себя на том, что рядом с ребятами и сам учится понимать с полуслова.

Тарас берет карточку с изображением рыбы, подходит к Киту и сует ему в руки. Тот берет, вертит, отдает обратно, а Тарас берет его руку, попеременно кладет Китовы ладони на картинки, лежащие перед ним.

Только бы получилось! — молит Доктор.

И Кит берет одну из картинок.

— Что там? — шепчет Кирилл, привстав со своего места.

— Рыба! — вопит Тарас и обнимает Кита.

Ребята окружают их. И тут Доктор замечает нечто странное. Даже не расфокусировав зрение, он видит ауры, но еще более впечатляет, что сияния сливаются, заполняют аудиторию целиком и уходят, возможно, далеко за ее пределы.

Иногда Доктор навещает для консультаций в стационар. С одной стороны, он выполняет свои медицинские обязанности, — дает рекомендации лечащим врачам, уточняет диагнозы, с другой, — это охота.

— Нимфоманку юную глянешь? — спрашивает его коллега.

Возможно, год назад он бы отмахнулся, — вот ведь проблему нашли не по его профилю, — но занятия с ребятами обострили чувства, и внутренняя гончая делает стойку.

— Давай.

Да что же это такое?! Куда катится мир?! — вопрошал Доктор самого себя после знакомства с Софьей, — если желание любить — это диагноз, а умение любить — симптом психического заболевания! Нет, определенно нужно забирать девочку в свой ковчег и уводить из этого грешного мира не важно куда, важно — отсюда...

Еще до появления Сони Доктор обрел Дифура — отличного математика, из своих. Но события, произошедшие вскоре, чуть было не пошатнули веру Доктора в необходимость ковчег и в свои, чего греха таить, возможности.

Он не был настолько наивным, чтобы не понимать, что, где подростки, там влюбленности, ревность. Но чтобы использовать свой дар для нападения на соперника? Это была его промашка как руководителя. По большому счету Кирилл после инцидента с воронами следовало отправить в клинику и пресечь подобную возможность раз и навсегда: шок, нейрорептики... Но Кирилл — бывший детдомовец. Для Доктора он больше, чем ученик.

В ту ночь, когда вороны чуть было не заклевали Дифура, когда странным образом вмешался Кит, они втроем — Док, Николай Николаевич и математик — опорожнили сначала коньяк, а когда сменилась дата, то и виски, и решили, что о случившемся — молчок. И вот теперь Софья с ее провокационными, прямо скажем, особенностями. И отступать некуда.

Впрочем, ревнивец Кирилл беспокоил куда меньше, чем повзрослевший физически Кит. Софья ринулась в его объятия, несмотря на все запреты, на первом же уроке математики и, разумеется, не выдержала, потеряла сознание. Но не рассаживать же их по клеткам!

...В тенистом парке сумеречно даже днем, а вечером и вовсе полумрак. Это и притягивает подростков: прогулки, уединение. Некоторые, впрочем, просят дополнительных занятий с бесконтактником — так они прозвали физрука, — и тот охотно идет навстречу. Это уже второй учитель. Первый оказался шарлатаном, и ребята, быстро его раскусив, стали игнорировать. А этот — ученик самого Кадочникова. Но не индиго. Молчун. Говорит только по существу. Особенности детей-индиго считает вымыслом: все супермены, если научить. Словом, то, что нужно для физкультуры. Кит на дополнительные занятия не ходит, а на основных неплохо справляется. Еще бы! всю жизнь учиться уклоняться от объятий, и от ударов научился быстро. Соня вообще в ужасе от физкультуры. Зачем это всё?

Доктор из окна кабинета наблюдает, как его воспитанники двигаются под руководством физрука, — словно танцуют. И вдруг, — как удар током, хотя Кита нет рядом!

Он бежит в жилой отсек. Софья не у себя. И Кит, разумеется, тоже. Этого только не хватало!

— Софью не видел? — бросает он уходящему Николаю Николаевичу.

— В парк пошла, — пожимает тот плечами.

— А Кита?

Беспокойство Дока передается учителю:

— Сидит-гудит у себя, наверное.

— В том-то и дело, что нет его!

— Ну, в парк отправился. Тепло... — Николая Николаевича смущает беспокойство Доктора. — Да в чем дело-то?

— Не понимаешь?

— Нет. Ты же сказал, не беспокоиться на счет Софьи. И знаешь, я кое-что про нее понял, — учитель не выносит, когда Док такой. Это всегда кораблекрушение.

— Что ты понял? Расскажешь по дороге! — Док тянет Николая Николаевича за собой.

— По какой дороге-то?

— Искать их пойдем! Зуб даю, они вместе! Любвеобильная Соня и созревший подросток Кит! Каковы его моральные устои? Никто не знает.

Они несутся по аллеям к пруду, когда Николай Николаевич, наконец, решается:

— Это не та любвеобильность, которой стоит бояться.

— Я-то понимаю! — рывкает Док. — Понимают ли они оба?

— Мне кажется, да, — учитель останавливает его, указывая рукой в сторону старого дуба, растущего на берегу пруда.

Софья и Кит, соприкасаясь лишь кончиками пальцев, медленно подходят к дереву. И в полной тишине, даже вороны не смеют каркнуть, хотя расселись тут же неподалеку, ребята обнимают дерево. А потом друг друга. Они стоят, раскачиваясь, будто танцуют.

— Тише, — Николай Николаевич тормозит поспешившего Дока. — Я чувствую, это не то, чего ты опасешься.

И Док останавливается. «Море волнуется раз», — проносится в мозгу. Весь парк окутывает синий мерцающий туман, сквозь который слышны издали песни китов и дельфинов. А потом эти двое отправляются в корпус.

— Добрый вечер, — улыбается Соня, поравнявшись с Доктором и учителем.

Тем не менее на следующий день ее приглашают для разъяснительной беседы.

— Он не тронет меня в этом смысле, — шепчет она, залившись румянцем. — И я его люблю всем сердцем. Вы не представляете, какой он!

Усмехнувшись про себя — мало кто представляет, какой Кит на самом деле в смысле совести, отношения к жизни вообще и к девочкам в частности, — Док кивает ей:

— Разумеется, где уж мне? Но есть одно правило, — если что-то произойдет, что-то предосудительное, то для начала — ты отправишься домой, и там участковый психотерапевт решит твою судьбу. А Кит — в ПНИ. Знаешь, что такое ПНИ? Это место, из которого ему никогда не выбраться. Это будет наше общее фиаско. Не то слово!

Он ждет, что она встревожится. Но она улыбается:

— Не произойдет!

— Откуда ты знаешь? Я бы не был так уверен...

— Мы договорились, — продолжает улыбаться она.

Доктору трудно скрыть свое удивление:

— Договорились? В смысле? Как вы сделали это?

— Образами. Он посылает картинки, как дельфин. Сначала было непонятно.

Но после ваших уроков у нас уже лучше получается. Он даже пытается о прочитанных книгах рассказать. То есть показать. Его любимый рассказ: «Старик и море».

Она еще говорит про книги, про чистую душу Кита, а Доктор не выдерживает, его разбирает смех. И как специалист он отдает себе отчет в том, что смех нервный:

— Прости, прости, дорогая Сонечка. Это я над собой. Как же просто все оказалось! Скажи только, тебе не больно прикасаться к нему? Первый раз ты же вырубилась...

— Немного. В самом начале. Но он учится. Он знает, что его организм так защищается.

И в самом деле, чего еще желать учителю, как не этого? — размышляет Доктор. — Он дает толчок, он прививает навыки, он развивает способности, а дальше — сами. И они хорошие. Они очень хорошие, — уговаривает он себя и все больше верит в это, хотя предпочел бы знать.

* * *

— Я не даром поверил в вас, дорогой Доктор!

Теперь отец Кита выглядит уже не тем растерянным, убитым горем человеком, который в первый раз вошел в кабинет психоневролога.

— Прогресс налицо. Мать смогла обнять сына! Слушайте, мы всем семейством рыдали в объятиях друг друга! И, конечно, нужно продолжать! Ваша школа — это прорыв!

Доктор улыбается, но что-то настораживает его, а посетитель-попечитель продолжает, похлопывая Дока по плечу:

— Вы собираетесь писать статьи, несомненно. Это может быть докторской, в конце концов! Но у меня одна просьба!

Расфокусировав зрение, Доктор видит перед собой серый сгусток, тянущий к нему щупальца. Невольно вспоминается Марина с ее рассказом о директоре школы. Но серый — это нормальный цвет делового человека, и щупальца — не крюки и когти: а как еще должно выглядеть поле? — усмехается Док про себя. — У нас с осьминогами много общего, надо сказать.

— Какая просьба? — Доктор сосредоточивается на вопросе.

— Мне нужен отчет о ваших подопечных. Прежде, чем вы будете публиковать. Кто, откуда, чем владеет, в какой степени. Ведь вы не представляете, какой кладезь — все эти способности!

— Это просто неизученные способности, — мгновенно холодеет Доктор.

— Способности изученные или тем более неизученные, — голос попечителя звучит властно, — могут быть только двух видов: опасные, и тогда их нужно уничтожить, или полезные для общества, для государства.

— Я вас понял, — Доктор не отводит взгляда от собеседника.

— Вот и славно, — смотрит тот в упор. — Вы умный человек, Док.

— И что делать будем? — Доктор нервно ходит из угла в угол.

— Детей надо спасать, — Николай Николаевич глядит в пол, он не любит встречаться взглядом с Доком, когда тот на взводе.

— Да неужели ж?! А я было собрался ноги в руки и тикать, все бросив.

Учитель хмурится.

— Прости, — извиняется Док. — Я и сам знаю, что нужно спасать. Но делать-то что?

— А какие есть варианты? — присоединяется Дифур. — И вообще, есть ли варианты? Кроме как закрыть школу? Но ведь это нужно мотивировать.

Док с размаху плюхается в кресло:

— Ну, вариантов море, не поверишь. Закрыть школу, — один из них. Вы все пишете заявление об уходе, и мне ничего не остается. Типа, ерунда, ничего не подтвердилось, и мы тут шарлатаны.

— Детей это не спасет, — Николай Николаевич по-прежнему не смотрит на Дока.

— В том-то и дело, — соглашается тот. — Им известно, кто где зарегистрирован, — все прошли через приемную психотерапевта. Ничего не стоит госпитализировать и начать изучать своими доступными и общеизвестными методами!

— А в чем прикол? — вдруг оживляется Дифур. — Способности ведь и правда должны быть полезны обществу! Почему их нельзя изучать? А мы-то здесь чем занимаемся?!

— Развиваем, — хмурится Николай Николаевич.

— Ну да! Но ведь и изучаем же. Пусть Док и возглавит это исследование...

— Наивный ты мой, — Доктор снова вскакивает и нарезает круги по кабинету. — Ты думаешь, это будет как в научно-фантастических фильмах и книжках прошлого века про чистенькие лаборатории и ухоженных детишек, окруженных любовью и вниманием? Нет! Это будет совсем другое! Это будет выяснение, чем они полезны не для блага человечества, а для войны! Сейчас, а не в будущем!

— Надеюсь, ты преувеличиваешь, — Николай Николаевич осмеливается взглянуть на Дока и натывается на его горящий праведным гневом взгляд.

— А потом их просто подчистят! — Доктор хлопает ладонью по столу.

— В смысле? — не понимает Дифур.

— В смысле «вылечат», лишат всех этих способностей. Это не так уж и трудно. Это только в фантазиях киношников супердети всемогущи и неуязвимы, а в реальности они ранимее обыкновенных. В психушках справляются с этим на раз-два. Могу провести ликбез: как исцелить инаковость любого рода. Человечество в этом вопросе преуспело изрядно еще задолго до «Молота ведьм».

— Ну да, — соглашается Николай Николаевич. — Мы ждем Спасителя, чтобы его распять.

Доктор долго смотрит в упор на учителя. Их молчание прерывает Дифур:

— А давайте спросим их. Они — дети, но это их жизни и должен быть их выбор. Это, конечно, может напугать...

— Напугать? — Доктор неожиданно прерывает математика. — При всем при том мы здесь не оранжерея. И, если вы могли заметить, стараемся подготовить их к реальной жизни, где есть место всему, включая форс-мажоры и необходимость принятия решений. По крайней мере, они должны знать...

— И как это будет выглядеть? Как мы сделаем это?

— Сначала поговорим. Мы просто встанем в круг, — отвечает Доктор Дифуру, — и возьмемся за руки. Все. — Предупреждает он вопрос коллег о Ките.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — соглашается Николай Николаевич.

Док улыбается:

— И я надеюсь.

— Втроем? — хмуро бросает Кирилл вошедшим педагогам вместо приветствия.

«Да, — думает Доктор, — манеры — не его сильная сторона. Впрочем, с кем поведешься», — он оглядывает ворон, мирно рассевшихся на ближних деревьях.

Софья хлопает в ладоши и подпрыгивает:

— А я думаю, почему учителя не медитируют с нами?

— Давно пора, — улыбается Тарас.

Марина вглядывается в лица педагогов:

— Что-то произошло?

Доктор бросает на нее предостерегающий взгляд. Впрочем, поздно. Они уже поняли, вопросов больше не задают. Кит все сильнее раскачивается, сидя в безупречном лотосе. Но вдруг останавливается.

Доктор думает, как сказать им, как предложить обсудить, а потом всем вместе...

Что всем вместе? Донести до сознания Кита, что происходит, что ими заинтересовалось ведомство его отца? — он понял, чем занимается серьезный дядька. Бизнес — прикрытие. Интересно, почему именно его ребенок оказался слепоглухонемым, будучи индиго? И что дальше? Отправить всех по домам? Предупредив родителей? Или уехать с ними? Каникулы через месяц! В Крым, на море, в море... Они смогут исчезнуть... Ему даже кажется, что он слышит пресловутую дудку Крысолова. Что происходит?

Софья и Тарас слева и справа от Кита, берут его за руки.

«И что? Никому не больно?» — удивляется Док. К Тарасу присоединяется Марина, к ней Кирилл, еще одна девочка, Дифур и Николай Николаевич. Трое встают рядом с Софьей, и Доктор понимает, где его место, чтобы замкнуть эту изогнутую линию. Почему все-таки не круг? — Надо обсудить в будущем, если оно будет, — усмехается он. — А ведь многому мы их научили! Быть может, большему, чем сами представляем. Однако пора.

В первый момент его оглушает вой ветра. Поток подхватывает и несет. Доктор не позволяет себе думать, иначе сравнил бы ощущения с теми, которые описывают как околосмертный опыт, — полет к свету через туннель, напоминающий кратер вулкана или родовые пути. Но вместо света Доктор видит черную дыру. Возможно, не чувствуя близости всех остальных, он прервал бы полет! В какой-то момент ему кажется, что стая Кирилловых ворон несется впереди всех, и они с хлопками одна за другой исчезают в этой дыре.

Мгновение, и Доктору кажется, что он вывернут наизнанку. Его окружает океан. Со всех сторон. И волны мягкие, укачивающие. Нестерпимо хочется спать. Возможно, это и есть сон. Он видит остальных участников полета, парящих неподалеку. Каждый в позе эмбриона. Кроме ворон. Они распрямляют крылья и уносятся прочь. Он и сам свернулся калачиком, — вероятно, так и прошел сквозь эту «черную дыру». Логично, что ж. Лишь Кит прям. И Доктор слышит его голос!

— Море волнуется раз!

Сам Док и остальные словно просыпаются.

— Море волнуется два!

Доктор чувствует свое тело и с удовольствием потягивается.

— Море волнуется три!

Нет, никто не замирает. Наоборот, этот странный мир наполняется неведомым чем: и китами с дельфинами, и жирафами с тиграми, и Старик рассекает его просторы, восседая на огромной рыбе. Курочка Ряба подмигивает Доктору и кидает в него золотым яйцом.

— Делайте что хотите! — слышит он голос Софьи.

— И что, это всё? — разводит руками Николай Николаевич, он проснулся позже всех.

— Информационное поле, — улыбается Дифур. — Или астрал. Своеобразный интернет, прообраз. Кому как ближе. Здесь все живое. Всё что захотите.

— Здесь нельзя ничего разрушать. Не в этой части, — Кит приближается к Доктору.

— А в какой можно? — и зачем я спросил, укоряет себя Док.

— Не знаю, — простодушно отвечает Кит. — А я тут не слепой и слышу.

Мимо проносятся отец и мать Кита, они всё в тех же позах и крепко спят. Доктор понимает, что так и должно быть, что все люди здесь еще не родились по большей части и крепко спят. Им еще предстоит родиться. Или не предстоит. Так вот в чем смысл индиго? Проснуться и разбудить других! И всё? Так просто? Ничего себе просто! То, что он видит, куда больше похоже на сон, чем реальная жизнь. Реальная ли? А способности? У каждого свои? Так всё верно, так и развивается человек, — кто-то раньше учится ходить, кто-то плавать... Когда бодрствует... А синий — цвет предрасветных сумерек.

Ребята общаются, гладят диких зверей, выращивают цветы прямо в ладонях и угощают друг друга огромными порциями мороженого, что с них возьмешь, — дети.

Доктора поражает догадка: люди в принципе спят! Везде! Ведь только в неосознанном сне ты не можешь быть хозяином видений, только в кошмарном сне творится зло, ненавидят ближнего. Нет возможности изменить чудовищный ход вещей. Вечно спящее сознание. Все эти смертные грехи — кошмарный сон спящего человечества.

— Эко загнул! — аплодирует Николай Николаевич. — Не поверишь, мне это тоже пришло в голову.

— Это ты подумал? — Доктор тычет пальцем в Кита.

— Нет. Об этом я еще не думал. А что это за смертные грехи? — удивляется Кит.

— Разве Библии нет в твоём информационном поле? — укоряет Николай Николаевич.

Кит закрывает глаза, и через минуту держит в руках фолиант Святого Писания, изданный для слепых.

— Ты же здесь видишь и можешь читать, — смеется Софья.

— Но мне нравятся эти точки, — он раскрывает книгу и кладет руку на страницу, как на клавиатуру. — Гораздо быстрее получается.

— Так что насчет Библии? Прочел? — настаивает учитель литературы.

— А вы нам не задавали! — заступает за друга Софья.

— Не пора ли нам решить, что делать? Не за этим ли мы здесь собрались? — спохватывается Доктор, взглянув на часы, которые, разумеется, не идут. Но стоило ему подумать об этом, как стрелки запрыгали, обгоняя одна другую. — М-да. Если это суперполе, у него и спросим. Пусть покажет варианты.

— Боюсь, — тихо говорит Николай Николаевич, — ты здесь увидишь только то, что действительно хочешь видеть. Готов?

— Готов! — отвечает Доктор, подумав про себя: «Интересно, как это всё выглядит в нашем сонном мире со стороны?»

Кум

Во всем виноват серый чемодан. Когда он набивает свое брюхо папиными вещами — предстоит разлука. День или два, — долго. А десять лет, — почти навсегда! Костя знает, что такое десять лет, — это три раза по столько, сколько он прожил, и прибавить еще один год, — две жизни с кусочком. Разве можно это вынести?

— А в зоопарк... — канючит Костя. — Ты же обещал!

— Завтра сходим, — успокаивает мама.

— Нет! — он отталкивает руку. — Папа обещал — с ним!

— Как ты ведешь себя, сын? — хмурится отец. — Вернись, и пойдем все вместе.

Если будешь себя хорошо вести.

Костя в уме складывает три и десять, он делает это легко, но полученная сумма ему не нравится, и он начинает реветь:

— Этого никогда не будет! Никогда! Я состарюсь и умру, все состарятся и умрут. И ты!

— Не смей так говорить! — повышает отец голос. — Ты мужик или кто? И реветь не смей! Мужчины не плачут!

Костя убегает в детскую, где старшая сестра болтает по телефону. Она демонстративно вздыхает и выходит, чтобы уединиться. Ей тринадцать. Она старая и злая. Иногда, конечно, добрая. Но точно не сейчас. Сейчас весь мир — враг. А каким он еще может быть, если уезжает папа и Костя не знает, как его остановить? Надо начать думать. Папа научил. Каждый день говорит Косте: «Сосредоточься и думай!»

Думать — это погрузиться в себя, ничего не замечая вокруг: ни мухи на стекле, ни конфеты в вазе, ни мультика, — ничего. Он пытается. Когда Косте удается уйти в себя полностью, получается самое интересное, — сначала он думает-думает, а потом — раз, — и все мысли замирают. Как в бассейне: плывешь-плывешь, а потом — раз, — переворачиваешься на спину и лежишь, и вода тебя тянет к бортику, а ты отдыхаешь. Костя маленький, трехлетний, но уже умеет и плавать, и думать.

А серый чемодан — главное зло, корень всех бед и разочарований.

Мама говорит, что нужно считать овец, чтобы пришел сон, но Костя знает: если начать их считать, тут же прибегают другие, толкаются, не хотят вставать в очередь, все разные. Так что это наилучший способ не спать до утра. Взрослые не знают, что Костя может считать до бесконечности.

В тишине он на цыпочках выходит из детской, прокрадывается в кухню и там, не зажигая света, нащупывает в ящике со столовыми приборами огромный нож, слегка звякнув чем-то. Прислушивается. Тишина. Все спят. «Ножи детям не игрушка», — говорит частенько бабушка. Так он же не для игры, а для дела!

В прихожей тоже темно, но Костя помнит, где стоит чемодан. И вонзает в него нож! Чемодан матерчатый, а Костя сильный.

Но папа все равно уезжает. Он купил новый серый чемодан.

— Я был о тебе лучшего мнения, сын. Надеюсь, когда вернусь, ты будешь совсем другим!

— Ага, — вторит ему злая сестра. — Уметь читать и считать в три года — совсем не значит быть умным человеком.

— Именно, — соглашается папа.

— Может, он из-за тебя уехал, — шипит вечером сестра зареванному Косте, когда они остаются в детской одни.

— Нет! — кричит он. — Из-за тебя! Потому что ты все время болтаешь по телефону!

— Из-за тебя, из-за тебя, — дразнит сестра. — Потому что ты просто ему надоел!

Костя со всей силы швыряет в нее первое, что попадает под руку, — пластмассовую машинку.

Теперь у сестры шишка на лбу, и она орет громче Кости.

— Что тут произошло? — мама врывается в детскую, и Костя видит, что она плакала.

— Это он в меня машинкой! — верещит сестра.

— Почему ты сделал это? — строго спрашивает мама.

Костя молчит. Он, конечно, хочет рассказать, что сестра сама виновата, дразнила его, но он же мужчина, а не ябеда!

— И как ты будешь в группе? — она садится на Костину кровать, принесла сестре мешочек со льдом. — Там нужно сидеть и слушать учителей, не мешать. Не кидаться машинками, если что-то не по нраву.

— Я буду, — буркает Костя.

— Что ты будешь? — вздыхает мама.

— Вести себя хорошо, — Костя вытирает нос ладошкой.

— Ага! Как же! — встревает сестра. — Его оттуда через неделю выгонят. И тогда папа вообще не захочет его видеть!

— Прекрати! — одергивает мать. — Кажется, я догадываюсь, что здесь произошло!

Она прижимает к себе всхлипывающего сына:

— Ну-ну, успокойся. А ты не горячий? Как ты себя чувствуешь? Может, не пойдем на прививку завтра?

— Не ходите, не ходите, — подначивает сестра. — Все сроки пройдут, вы опоздаете, и его не возьмут ни в какую группу!

Ночью Костю знобит, болят голова и горло, но утром он, преодолевая легкую тошноту, улыбается и говорит, что чувствует себя прекрасно.

Быть может, если бы не вчерашний отъезд отца, не скандал в детской, не проспавшая в школу сестра и многие другие «не», мать бы остановилась. Если бы не торопилась медсестра в прививочном кабинете, если бы педиатр оказался на месте, и многие другие «если бы», — Костя не получил бы прививку в этот день, и он пошел бы в свою группу развития месяцем позже. Прививки совсем не зло, они очень нужны, если сделаны вовремя...

Но игла впивается в руку, и Костя сжимает зубы, по-мужски.

Ему всю ночь мерещится серый чемодан, усмехающийся страшной пастью, которую сам же Костя и прорезал кухонным ножом. Раз за разом повторяется одна и та же картинка: он крадется в прихожую, а там его поджидает чемодан, у которого выросли зубы.

«Я не хочу это видеть, я не хочу это видеть, — произносит Костя про себя. — Я ничего этого не хочу видеть».

— Да ты же горячий совсем! — восклицает мать.

— Может, из-за прививки? Может, «скорую» вызвать? — пугается сестра.

— Если температура не спадет, — мама дает Косте лекарство. — Утром вызовем.

Сквозь голоса близких Костя слышит смех чемодана и затыкает уши, это не помогает. Маму и сестру не слышно, а чемодан — пожалуйста!

Таблетка действует, и Костя ненадолго забывается сном.

А потом он просыпается, а вокруг — темнота. И тишина.

— Мама!

Он чувствует, как открывает рот, но голоса своего не слышит. Он пытается включить свет, но выключатель, наверное, сломался. Темнота! Не получается позвать ни маму, ни сестру, ни бабушку. Куда-то пропали звуки! В панике он выскакивает в коридор, но и там крошечная тьма и жуткая тишина, словно не один только папа оставил его. Наверное, всем надоело его плохое поведение: и сестре, и маме, и бабушке, — и они просто ушли, погасив свет. Ушли навсегда! На десять лет! Пока не придет папа.

От ужаса растерявшись вконец, не чувствуя знакомого расположение вещей и комнат, он натывается на какие-то предметы, падает и снова бьется обо что-то. Вдруг в этой жути кто-то хватается за него, и он пытается вырваться. Отбиться. Но этот кто-то держит крепко-крепко. Запах! Пахнет мамой. Но она ли это? Что за монстр обрел ее запах и молчит?! Мама бы точно сказала хоть слово. А его голос кто-то украл!

А потом в бедро вонзается игла! Это — источник всех его бед! Иглы с прививками! Он проваливается в бездну.

Невозможно двигаться, и нет ничего, кроме боли, кроме игл, которые впиваются в его тело. Он не может пошевелить ни рукой, ни ногой, словно их нет. Словно самого Кости нет. А боль есть. Если бы Костя имел представление о жизни и смерти такое же, как большинство людей, он бы решил, что умер и за плохое поведение попал в ад. Ухмыляющаяся морда серого чемодана периодически проплывает мимо и корчит жуткие гримасы.

Или бы вообще ничего не подумал, — в коме не всех посещают мысли и чувства. Костя ничего не знает про кому. Мысли и чувства его посещают. Он понимает только одно: теперь он совсем в себе, целиком: нет ни мухи на стекле, ни конфеты в вазе, ничего. Остается сосредоточиться и думать, и ждать папу, который придет и все исправит. За десять лет он простит сына. Ведь прокушенный мяч пару месяцев назад простил за неделю. Важно — набраться терпения. Это сон. Сегодня, завтра или однажды он проснется и увидит свет. И еще — нужно как-то сопротивляться иглам. Вдруг он просто потерялся? Может, его уже ищут? Куда делась мама? Хотя бы запах! Он не представляет, сколько прошло времени, потому что времени не стало. Он превращается в сгусток ожидания. Однажды, сосредоточившись изо всех сил, пытаясь представить, как обнимает маму, он ощущает свои руки. Словно проснулся. Но пока еще лежит в постели. Пора, — решает он и изо всех сил пытается подняться! Но оказывается, пока он был весь в себе, то есть совсем внутри себя, его обвинили жалящие змеи, боль от их укусов нестерпима, а они всё кусают и кусают, и кидают его в страшный мир темноты и отсутствия себя самого.

Главное — научиться сопротивляться враждебному миру, — это первая мысль, которая рождается внутри Кости или вместо Кости. В какой-то момент он начинает чувствовать свое тело, понимает, что оно неподвижно, но внутри происходит нечто, кто-то живет. Он ли сам или что-то иное. Он пытается поймать и удержать этого неизвестного жителя. И вдруг видит! Нет, не мир вокруг, а всего лишь искру, синий сполох. Но он концентрирует все свое внимание на этом синем. Теперь он умеет сосредоточиваться гораздо лучше, чем когда-то. Ему удастся зафиксировать эту искру прямо перед собой, он чувствует, что открывает глаза. Движение век, не более. Но для него это знак. Что жив. И теперь он вооружен против игл. Хотя и не знает, как это будет работать, — просто будет. Он очень быстро убеждается в своей правоте. Да, это не

безболезненно. Но гораздо менее больно, чем иголки. Больше никто не коснется его тела до приезда папы.

Вскоре он встает на ноги, кусачих змей больше нет, и Костя неуверенно делает первый шаг. Окружающее потрескивает и пощипывает кожу. Чем ближе он подходит к какому-нибудь предмету, тем ощутимее шипки. Но если Костя делает что-нибудь особенное, чего не умел раньше, то ему удастся увернуться. Этому трюку он научился, пытаясь сконцентрироваться. У него в голове, где-то между носом и глазами, появился новый орган. Он чувствует его! Костя знает, что в теле человека много органов, он весь из них состоит, и из воды, — человеческие органы плавают в океане. Он знает названия и свойства. Видел на картинках в книжке. Он уверен, что этого органа раньше не было. Если заставить эту штуку дрожать, то она помогает определить, где что находится и какой оно формы, словно рисует картинку у Кости в голове. Но для дрожания нужно петь! Вот Костя и поет, хотя и не слышит ни звука. Потому что поет лбом!

Жаль, что у Кости нет еще кое-каких органов защиты, например, ракушки, как у рака-отшельника. Он бы хотел такую раковину, и через некоторое время ему кажется, что знакомый синий сполох окутывает его целиком, помещает внутри себя. Теперь Костя, — поющий рак-отшельник.

«Быть может, я попал в синее море», — думает малыш. Хотя то, что окружает его, напоминает его собственный дом. Те же стены, та же кровать, игрушки, но и не только это. Как будто в привычный знакомый мир пролился океан и заполнил его. «Море волнуется — раз», — вспоминает Костя: они играли всей семьей, а ему никак не удавалось замереть, он падал, и никакой морской фигуры не выходило. Вот и сейчас он раскачивается — так легче и приятнее, — волны обнимают его. И песня помогает понимать, где что находится.

Теперь только волны ласкают его. «Папа, зачем ты оставил меня?!» — кричит Костя в пустоту, он знает, что никто его не услышит.

Но чем сильнее колеблется окружающий океан, тем очевиднее, что тишина дает слабину, и вдруг мир наполняется звуком! Далеким и протяжным. Что это? Это очень знакомо и звучит как ответ на его собственную песню.

Однажды перед сном папа поставил запись:

— Хотите услышать песни китов и дельфинов?

Еще бы.

Киты! Это точно киты. И дельфины! А кто еще поет в океане? Костя раскачивается сильнее, волны все мощнее, киты все ближе. В зоопарке нет китов, они в океане. Но папа обещал, что когда-нибудь они поедут туда, где их можно увидеть. А Костя сейчас — видит. Костя может увидеть то, что очень хочет. Кроме мамы, кроме бабушки, кроме сестры, кроме реального мира. Но кто сказал, какой мир реальный? Быть может, нынешний Костин, где нет боли, а есть киты, — как раз настоящий?

Боль все-таки есть. Но не физическая. А страшнее. Он теперь не только без папы, он без всех, кто ему дорог. Даже без сестры.

Но он же чувствует предметы! Почему не чувствует близких? Они и правда бросили его или стали монстрами, которые кололи иголками? Вдруг некоторые странные двигающиеся тени, появляющиеся иногда, — это они и есть? Костя однажды, в самом начале пробуждения, обнаружил еду и воду, которую именно эти тени оставляют на столе. Он чуть не умер с голоду, пока не нашел тарелку с кашей. Кто как не бабушка мог оставить такую кашу? Надо бы к ним присмотреться. И он начинает еще «громче» петь, раскачиваться, чтобы лучше «рассмотреть» их. Не глазами, а при помощи своего нового органа.

Его собственный синий сполох, его раковина увеличивается, она касается стен. Но ничего, кроме уже привычных очертаний, он не может разобрать. А чем больше старается, тем больше укрепляется в вере, что родные — рядом, никто его не бросал!

Кроме папы.

А он так скучает! Он все отдаст, чтобы увидеть маму! Но что он может дать, если у него ничего нет?

Киты проплывают мимо. Китиха с китенком. Сердце Кости сжимается. Костя поет им свою песню, а они ему отвечают. В какой-то момент он отчетливо видит не самого кита, а синее облако, окружающее его. И это облако отличается от того, что вокруг подводной скалы. Может, Косте снится сон, но какая разница, если он понимает, что это живое, и совсем не нужно чувствовать по-другому?

Он сидит на своей кровати и сосредоточенно поет, покачиваясь в такт волнам, которые сам же и создает. Мир приходит в движение, предметы получают свои призрачные очертания. Они не совсем те, что знакомы ему по предыдущей жизни. По той, которую откусил серый чемодан. Но узнать можно. Он ждет. Овальное зеленоватое облако появляется на пороге детской. Он видит его иногда и старается спрятаться. Сейчас он будет за ним следить. Нужно избавиться от страха, — сосредоточенно думает Костя. Он много думает о страхе. Он почти все время о нем думает в этой новой жизни. И понимает, что страх хуже и игл, и чемодана, и всего на свете, особенно когда свет теряешь. Облако приближается. Некоторое время стоит рядом. Раньше бы Костя уже удрал куда-нибудь. Но он остается сидеть и сосредоточенно созерцать это облако. Оно само стремительно исчезает из детской. Но через мгновение появляется рядом с другим, тоже зеленым. Ярко-зеленым. Внутри Кости что-то взрывается! Он же видел его! Видит чаще других! И запах! Это не монстр! Это мама! Он был дважды слеп!

— Мама! — пытается крикнуть Костя и кидается к ней.

Но синяя раковина надежно защищает. Сильнейший разряд отбрасывает его, и Костя понимает, что облаку очень-очень больно. Словно чувствует сам эту боль в придачу к собственной. Он не может контролировать свою синюю раковину. Она защищает его даже от самого себя.

Отчаяние. Он сам хотел, чтобы никто его не трогал. Он сам создал свою ракушку и теперь не в силах ее разрушить. Или заставить вести себя по-иному.

Значит, нужно выбираться из нее!

Он снова погружается в мысли и сосредоточивается. Все, что нужно сейчас, — это выбраться из раковины!

Несколько раз, когда пространство вокруг начинает сжиматься и сдавливает его до боли, он пугается, что задохнется, и прекращает попытки. Но раз за разом Костя продвигается дальше и дальше по какому-то вращающемуся, грохочущему туннелю, пока вдруг не видит впереди яркое голубое сияние. Он готов на всё, чтобы прорваться туда! Он думает, что там нет созданной им самим раковины.

Сначала он теряет ощущение тела. Но стоит подумать об этом, как руки и ноги приходят в движение. Очень легко. Словно нет никаких препятствий. И гравитации! Про гравитацию он тоже уже знает. Это по ее закону он никак не мог замереть морской фигурой. А не потому, что неумеха.

Здесь пусто, — разочаровывается Костя.

Он парит в этом голубом пространстве и не хочет возвращаться обратно в раковину. Но там есть любимые зеленые облака. А здесь, кроме Кости, нет никого. Хоть бы киты приплыли. Он догадывается, что почти всё, по крайней мере многое,

здесь зависит от его желания, мыслей, поэтому думает о Китах. И вот они проплывают, касаются его, поют ему. А потом пространство превращается в океан с рыбами, коралловыми рифами, всей красотой, на которую способны Костины воображение и память. Из детской энциклопедии про океан. И он сам плавает в этом океане, как его новый орган у него в голове.

Так почему же здесь не может быть мамы?

Она спит, свернувшись клубочком. Ее тело парит в океане, глаза закрыты, и сквозь сон она шепчет: «Костечка мой, маленький мой, солнышко...» Костя кидается к ней, на всякий случай осторожно прикасается, — нет никаких щипков и покалываний. И он обнимает ее сильно-сильно! Но мама не просыпается. Только шепчет: «Родной мой, родной». Разбудить ее никак не удастся. И сестра, и бабушка, — все спят! Костя уверен, — это не его воображение. Это особый мир, где исполняются желания, но не все. И не так, как хочется.

Он долго и сосредоточенно ждет отца. Наконец, тот появляется. Он что-то говорит во сне на незнакомом Косте языке и сына не видит. Не хочет?

— Папа! — кричит Костя. — Ответь мне! Ты знаешь, что со мной случилось!

Отец замолкает, но не просыпается.

— Ты из-за меня уехал? Прости меня, пожалуйста! Ну пожалуйста!

Слезы выбрасывают Костю из этого мира в синюю раковину. Там, в океане, видимо, плакать не стоит.

Теперь он каждый день пробирается в свой голубой мир. Каждый день пытается разбудить близких, но тщетно.

Однако мир не остается неизменным, он постоянно наполняется чем-то из прежней жизни. Однажды в руках Кости оказывается читаная-перечитаная книжка «Теремок», и все звери выскакивают из нее и разбегаются в разные стороны. Костя думает, что очень соскучился по чтению, что он готов прочитать самую огромную книгу на свете, — и перед ним оказывается толстенный том. «Война и мир» написано на обложке. То, что надо, — думает Костя. Открывает, но ему быстро становится скучно и тревожно одновременно. В конце концов, Косте всего семь лет, и он не очень-то умеет выбирать книжки. Вот если бы у Кости был кто-то, кто смог посоветовать....

Однажды в его мир прилетают вороны. Они каркают, спорят, а следом стремительно врывается мальчишка. И он не спит! Он очень даже бодрствует. Он немного младше Кости. Некоторое время они смотрят друг на друга, но стоит Косте спросить:

— Ты кто? Ты видишь меня?

Вороны поднимают гвалт и утаскивают мальчика вон.

Теперь Костя желает изо всех сил встретить еще «неспящих», как он назвал для себя этого, с воронами. Долго ничего не получается, и он снова впадает в отчаяние.

Голубой мир преподносит сюрпризы. Костя знает всё о китах. Как они устроены, чем питаются, как находят дорогу в океане, — это похоже на его способ ориентироваться и в том, и в этом мире. Он знает, кто еще живет в морях. Он понимает, что этот мир не столько исполняет желания, сколько отвечает на вопросы.

Правда, не на все. А только на те, к ответам на которые Костя готов. И это знание тоже приходит из этого мира.

— Папа, почему ты уехал от меня?

Молчание. Папа спит и говорит по-английски. Теперь Костя знает, что это за иностранный язык, и понимает его, но только ему не совсем ясно, о чем папа говорит. Есть еще много языков. В этом мире Костя понимает все. Словно это один язык,

просто есть множество слов и способов выразить мысль. Правда, не всегда улавливается смысл. Его знания слишком ограничены, как сказал океан в Костиной голове. А в том пространстве, где раковина, он даже своего русского не слышит.

Иногда ему хочется уйти сюда навсегда! Но в том пространстве остаются мама, бабушка, сестра и папа. Когда придет. Он вернется, а Кости нет. Костя предал его. Костя — трус и не мужчина. Костя должен стать мужчиной к возвращению папы. Он должен измениться во что бы то ни стало, даже если ему для этого придется изменить мир!

Оба мира!

Иногда он встречает неспящих детей. Они смотрят друг на друга, и всё. Любые попытки заговорить не кончаются ничем. Их словно отталкивает друг от друга. Может, они не готовы или не умеют общаться здесь? Где же мальчик с воронами? Костя убежден, или это подсказка голубого мира, что с этим мальчишкой всё получится!

Однажды его напугал один случай.

Мальчик, который был намного старше Кости, гуляя в этом голубом океане, погруженный в себя, вдруг резко свернулся калачиком и уснул. С ним что-то сделали, — понял Костя. Это были иглы! Те самые иглы, от которых надежно защищает его синяя раковина.

Он чуть было снова не отказался от попытки связать оба мира.

Но он же не трус! Ему нужен помощник! Одному не справиться, а океан не из тех, кто станет помогать, он ясно дал это понять. Костя уверен, что мысль о помощнике не совсем его. Она принадлежит океану.

Но где его взять? Мальчик с воронами? Он тоже нуждается в помощнике, иначе они бы уже общались. Придумать! Взрослого сильного помощника! Неспящего! Он уже почти придумал, раз мысль появилась. Нет ничего невозможного, — подсказывает океан. Всё, что ты нафантазируешь, появится и обретет свою плоть. Потому что, что бы ты себе ни вообразил, ты ничего не придумываешь — всё уже есть. Просто возьми.

Доктор. Сначала Костя придумывает это слово. Или берет его из океана. Он пытается понять, почему именно доктор. Потому что Костя был болен! А больному нужен Доктор! Долго не удается сосредоточиться, — Доктор ведь может появиться с иглами. Но, преодолев страх — в конце концов, от игл есть защита, — он начинает смутно различать какие-то неясные силуэты: мужчина смотрит на ребенка. Они оба в его голубом мире. И оба не спят. Это не только его мир! Это еще мир Доктора, ребенка, а Костя — всего лишь ничтожная часть чего-то огромного. Какая-то матрешка из миров. Много матрешек — бесконечность, — и трудно сказать, какая меньше, какая больше. От этого кружится голова и сходит с ума новый орган.

Но теперь Костя понимает, что этот мир-океан сам по себе не только пространство, где что-то происходит. Он словно некая сущность, одушевленная бесконечность, учитель, которого не найдешь ни в какой группе раннего развития. Океан иногда отказывается помогать, а требует действий от Кости. Но, главное, он не оставит. Никогда не уедет с серым чемоданом. Он может не пустить, не принять. Прогнать. Но не исчезнет! И вот вопрос: почему почти все люди, попадая сюда, спят? А Доктор не спит. И тот, с воронами.

— Доктор! — кричит Костя.

Мужчина прислушивается. Но потом отвлекается на другого ребенка, и они оба исчезают.

Костей овладевает нетерпение. Сколько можно парить тут в полном одиночестве, если здесь может быть полно народу? Это всё из-за того, что папа уехал и бросил.

Серый чемодан ему дороже сына! Так пусть океан исполнит главное желание! Пусть населит Костин мир близкими людьми! Костя знает, как потребовать у океана!

— Отец!

Папа спит, свернувшись калачиком, но теперь это ничего не значит.

— Отец! Ты скоро приедешь. Мне нужен Доктор! Ты сделаешь всё, что он скажет! Ты сделаешь всё, что я захочу!

Но тот никак не реагирует, и это ужасно злит Костю. Обида, гнев захлестывают его, и он начинает трясти папу, он трясет и трясет, но безрезультатно, — отец погружен в свой равнодушный сон. И океан безмолвствует. И тогда Костя, в гневе не помня себя, замахивается, чтобы ударить! И тут же проваливается в темное небытие.

Он не знает, сколько времени пробыл в этом состоянии.

Он не знает, что его близкие снова бьют тревогу и вызывают «скорую помощь», но врачи ничего не могут сделать, — синяя раковина защищает его тело и никто не может к нему прикоснуться.

— По крайней мере, он точно жив, — успокаивает врач маму. — Он уже восемь лет у вас в таком состоянии, что поделать. Благодарите бога, что не овощ. И молитесь, чтобы не стал им.

Всё опять начинается с чувства. На сей раз — стыда. Оно мучительно. Следом появляется мысль. «Сосредоточься и думай». Так всегда говорил папа. Это отец научил Костю главному: сосредоточиваться и думать.

Прости, папа. Где ты, папа? Прости меня и вернись. Зачем ты оставил меня?..

Оставил ты меня? А маму? А сестру? Десять лет не вечность, вечность — темнота. А сколько уже прошло?

Костя не может вспомнить ни одного праздника Нового года с тех пор, как папа уехал. Возможно, не заметил. А вот зима сменялась летом, — это точно. Он не помнит, сколько раз, не считал. Какой сегодня день? Раньше он путал среду и субботу. Какой сегодня день? Четверг. Откуда он это знает? Это ты, голубой мир, отвечаешь мне?

Но окружает его по-прежнему темнота, тишина и неподвижность. Это смерть, — решает Костя. Теперь он знает, что это такое. Сосредоточься и думай! Чтобы жить.

Он видит себя со стороны. Он замахивается на спящего отца. Раз за разом. Замахивается и исчезает, словно растворяется в океане, как что-то бесполезное. А отец даже не шевелится. Это зрелище отвратительно. Это то, что не пускает в голубой мир! Гнев, отчаяние, обида опутывают душу и разрушают изнутри. Разрушению нет входа в океан! «Прости меня, прости!» Что-то щекочет щеки, — слезы, догадывается Костя. Из-за чего он плачет? Его ли это слезы? Нет ни боли, ни обиды, только стыд. Он был несправедлив! Это ужасно стыдно!

Постепенно, благодаря слезам чернота вокруг промывается, и он видит свою синюю раковину изнутри. Нужно всё начинать сначала, чтобы попасть в голубой мир.

Урок он усвоил, — мир океана не терпит насилия и разрушения и растворяет их источник, чтобы переработать и получить нечто для себя полезное. Он не только исполняет желания и отвечает на вопросы, но еще и учит. И уроки тяжелы. Костя понимает, что море волнуется — раз. И морская фигура замрет уже со второй попытки несоблюдения этих правил. Но, если учит океан, зачем другой учитель — человек? Зачем Доктор?

— Ты же можешь дать все знания. Все сразу! И ничего не нужно делать! Не нужно мучиться! Не нужен этот горький опыт! Ты даешь, а я беру и знаю! — орет Костя, стоит только ему прорваться в голубой простор.

И тут на него обрушивается нечто. Огромные потоки несутся прямо на Костю,

сквозь него, закручивают, ломая тело, сознание, перемалывая все его существо. Сквозь адскую боль, пронзающую пострашней вражеских игл, он с трудом выхватывает какие-то крохи: интегралы, фумаролы, кольца, зиготы, Рафаэль, гугеноты, диполи, постоянная Планка, закон Фарадея, вакуоли, число Авогадро, Афродита Боттичелли, бином, обсессивное расстройство...

Сейчас Костю разорвет, и его уже никогда не будет.

— Хватит! По порядку!

По порядку — это структурирование. Поток останавливается, и остается только это знание, данное океаном. Да что же это такое? Что это за слово?

Косте нужен помощник. Иначе ничего не получится структурировать. И процесс этот на всю жизнь. И не на одну. Но для начала нужен учитель, умеющий понимать океан. Почему он видит Доктора? Потому что у Доктора есть Учитель. И сам он — Учитель.

Неужели океан не может сам, как он выражается, структурировать знания? Зачем нужен помощник-человек?

Затем, чтобы стать человеком.

Ах, ну да, он же слепой, глухой и немой рак-отшельник в синей раковине, который умеет думать.

Кому много дано, с того много спрашивается. Откуда эта мысль? Это ты, океан?

— Это мне-то дано? Да у меня всё отобрано!

Небытие. Темнота. Неподвижность.

У тебя есть океан. У тебя был океан.

Сосредоточься и думай.

Нужно научиться контролировать свои мысли, чувства, эмоции. Нужно стать справедливым. Доктор. Человек, который умеет это сам.

Смирение. Это еще одно маленькое знание, которое получает Костя. Больше даром он ничего не получит. Не маленький. Только в обмен на свои дары. А что он может дать? Если у него ничего нет!

В двенадцать лет у человека есть всё, чтобы давать. Теперь Косте предстоит самому решать, что это значит. Океан замолкает. Он по-прежнему ласкает своими волнами, киты играют с ним и поют свои песни. Костя пытается выудить книги, но почему-то ничего не может разобрать в них, текст словно смывается солонатовой водой. Несколько раз он видит ворон.

* * *

— Папа, дорогой, где ты? Прошу тебя, пожалуйста, помоги. Мне очень-очень нужен Доктор. Я знаю, ты его найдешь, он где-то рядом. Если нетрудно. Если ты не против... Если найдешь время...

Серое блестящее облако — это папа! Костя знает это, как и то, что объятия будут не такими, каких ждет отец.

— Прости меня, я пока не умею с этим справляться.

Папа не слышит и получает разряд. Это не электрический ток, не магнитное поле, — нечто другое, что известно отцу. Отец настораживается, на горе, вызванное состоянием сына, не позволяет анализировать и делать выводы. Что это иной вид энергии. Возможно, всего лишь эксперимент, продукт океана. Синяя раковина. Но носители уже есть.

Предчувствие. Костя сегодня не находит себе места ни в синей раковине, ни в океане. Произойдет!

Сначала Костя видит огромный синий овал, который смело приближается. Сейчас заискрит. Мгновение. Неужели?! Это правда? Это Доктор! На секунду они успевают встретиться глазами, и Костя вздыхает с облегчением, он готов рухнуть от напряжения.

Папа нашел!

Что-то касается Костиных пальцев. Сначала щиплет, но если не торопиться, то раковина привыкает. И еще, — очень многое зависит от самого Кости. Если он изо всех сил старается, то искрит меньше. Старания эти мучительны и одновременно сладки. Словно он пытается раскрыть свою грудную клетку, вынуть оттуда сердце и осветить им путь тому, кто идет навстречу. Как Данко. Кто такой Данко? Об этом написано в книге, которую Костя однажды прочтет, когда научится по-новому читать в этом мире.

Он знает это. Иногда он знает, что произойдет в следующее мгновение. Но хорошее может не сбыться, если не туда свернуть, как и плохое, если изменить путь. Костя видит как бы на мгновение вперед. Этот дар он предлагает океану. Как и свое горящее сердце.

Это то, что есть у тебя! Это то, что ты отдаешь, и чем больше отдаешь, тем больше у тебя остается.

Костя обдумывает новую формулу. Он еще не совсем понимает, о чем речь, — загадка Сфинкса. Но он непременно разгадает ее. А заодно и узнает, кто такой Сфинкс.

Книжки. Трюки Доктора со знакомыми и надоевшими еще в прошлой жизни книжками забавляют Костю, и он соглашается на игру.

Гарри Поттер. Как бы ему хотелось увидеть этого мальчика и его друзей! Что значит друзья? Он снова встречает в голубом мире-океане стаю ворон и подростка, окруженного ими, как Костя — своей раковиной. Некоторое время они наблюдают друг за другом, но очень быстро теряют из виду, словно влекомые разными потоками. Друзья Гарри Поттера борются со злым волшебником, который живет внутри Гарри. Наверное, в каждом человеке есть такой волшебник, которого нужно победить. Нужно ли, скажи, океан?

— Это твой выбор. Придет время, и ты сделаешь это.

Ничего себе выбор! Злой волшебник внутри или океан снаружи? Очевидно же! Но почему так нелегко? Всегда нелегко! Ничего не бывает легко! Мальчик с воронами мог бы стать другом. Почему нельзя просто подойти и заговорить? Почему нельзя взмахнуть волшебной палочкой? Потому что этому тоже нужно учиться.

Теперь Костя научился ощущать время. И понимает, что проходит год с первой встречи с Доктором до жизни в новом доме со Считающим ворон, — так он называет своего друга. Они почти не общаются в океане, но Костя чувствует физически присутствие птиц и мальчишки. Придет время, надо ждать. У Кости есть папа, мама, сестра, а у будущего друга есть любящие люди, но они не его семья. Откуда Костя знает это?

Косте нравится прикасаться к шрифту. Читать пальцами доставляет физическое наслаждение, и он почти все свободное время проводит за книгами. «Старик и море» чем-то напоминает ему собственные уроки, полученные у океана, — теперь это его любимая книга.

Однажды Костя узнаёт о Крысолове. Зачем Учитель знакомит с этой страшной историей? И страшна она прежде всего тем, что никак не заканчивается. Крысолов

по-прежнему бродит по миру, собирает детей и уводит их за собой, чтобы дети не стали злыми. Как взрослые. Такое бывает. Но то, что он дает им взамен, — еще хуже! А не Крысолов ли Учитель?! Или Доктор? Злой волшебник внутри. Эта мысль пугает Костю, и он принимается раскачиваться, чтобы сбежать в свой голубой мир. Он чувствует тревогу вокруг! Когда Учитель, преодолев боль, прижимает его к себе, он изо всех сил тащит его к океану показать свой мир, а Учитель сопротивляется, наоборот увлекает прочь! «Не-е-е-ет! Не ведите меня за собой в мир Крысолова! Там смерть!» — орет перепуганный Костя, и тот отпускает его и падает без сил.

Косте стыдно, он должен был распахнуть сердце, как Данко, а он опять закрылся в своей раковине. Зато точно знает, что Учитель — не Крысолов. Тот бы не отпустил.

Крысолов страшнее злого волшебника из «Гарри Поттера», потому что тоже есть в каждом человеке, но его не убить. Это тот, кто уводит людей от себя самих. Он уводит ребенка из человека. Так думает Костя. Нужно смелей раскрывать сердце. И сопротивляться своему Крысолову. Я не пойду за тобой! Я не слышу твою флейту!

Океан любит показывать разные места: города, горы, леса, музеи. Картины. Одну из них океан навязчиво предлагает уже не первую неделю. Да он просто измывается! Девушка необыкновенной красоты приплывает на раковине. Не такой, как у Кости, не запирающей. Дочь Океана и Времени. И Костя восхищен. Он и благодарен океану, и встревожен, так как его тело словно бунтует. Это становится почти невыносимым! Что бы ты ни делал в своей душе, тело берет свое! Да-да. Ты — только тело! Оно хочет есть, пить, спать, объятий. Оно боится игл, оно порождает страх! Помнишь, как сладки были объятия близких? А еще — это больно! А с девушкой будет больней! Смотри-смотри на эту девушку. Тебя ждет боль! И ее! Всех! Жизнь — боль!

Костя, стиснув зубы, старается преодолеть гадкие мысли и шепчет, как заклинание: — Однажды больно не будет.

Когда?

Книги. Странные вещи пишут люди о том, что было раньше, и называют это историей. Разве было именно так? И никаких других вариантов? Костя видел в океане, как меняется будущее, и как меняется прошлое — он тоже видел. Всё меняется, а люди лгут, они переписывают свою историю, делая ее статичной во лжи, в результате меняют будущее далеко не в лучшую сторону. Нельзя так играть с информацией! Новое слово, подаренное океаном. Он так взбешен, что рвет эти книги. Ему опять стыдно, — он отлучен от общения в океане. И Доктор с океаном заодно.

Почему он не может пообщаться со Считающим ворон? Почему тот рядом, но не говорит с ним? Они даже касаются друг друга, но в океане разлетаются, как одинаково заряженные частицы! Да, Костя начал изучать физику. Сам. Может, все дело в заряженности?

Что бы он ни читал, девушка в раковине тревожит его все больше. О безжалостный океан, не исполняющий главных и сокровенных желаний! В книгах, которые предлагает Учитель, столько боли. Там юноши и девушки любят друг друга, раскрывают свои сердца, но, обманутые каждый своим Крысоловом, топяся, бросаются под поезд, умирают от тоски, предательства или предаются сами! Жизнь — боль! Уж лучше читать про старика и море! Или Гарри Поттера. Там не предаются. То есть предаются, но плохие герои, а хорошие — побеждают! В «хороших книгах» хорошие герои не всегда симпатичны, а плохие часто обаятельны, умны. Почему? Потому что сильны! Они сильны своим страшным духом, как злой волшебник и как Крысолов! Лучше читать о Старике и море!

Или про то, как устроены звери и травы, — эти попытки людей не видеть очевидного — информационных и энергетических полей — смешны! Разве щупальца только у осьминогов и моллюсков? Да вы на себя посмотрите! Вы — разноцветные сгустки с щупальцами и ложноножками!

Зачем писатели пишут книги о предательстве и смерти? Неужели горе и разрушение сильнее, притягательнее радости и любви? Так не должно быть! Если бы было так, мир бы не существовал.

Софья. Это имя он узнаёт первым после своего собственного, словно читает, едва прикоснувшись к кончикам ее пальцев. Она появляется в новом доме, и мир меняется навсегда. Она бесстрашно, невзирая на противодействие раковины, ныряет за Костей в его мир, и тот принимает ее. Софья окружена белым пенным облаком Афродиты Боттичелли, — ей проще многих попасть в голубой мир. Она уже почти над этим миром. «Софья, я тебя не предаю! Я буду любить тебя вечно, и этот дуб — свидетель моей клятвы! Океан — свидетель моей любви. Ведь это любовь, Софья! Когда сердце вынуто и пылает — это любовь. Оно пылает не для одной тебя, как и твое — не для одного меня, но от этого только сильней. Чем больше отдаешь, тем больше остается. И, если я предаю, оно погаснет. Я знаю, ты слышишь мои мысли».

Как же тянулось время до этих дней, когда появился голубой мир или — океан; Костя по-прежнему так называет свое пристанище, хотя все больше думает о нем как об информационном пространстве.

Тарас! Брат, у которого есть такой же орган, помогающий слышать китов. Теперь они могут общаться, посылая друг другу картины, как научил Доктор.

Они могут и с Кириллом обмениваться впечатлениями о книгах. Кирилл злится, он слишком во власти своего Крысолова. Костя даже не заметил, в какой момент они услышали друг друга. Однажды Косте пришлось заступиться за Учителя, на которого по глупости, дурацкой ревности Кирилл решил напасть, воспользовавшись властью над своими птицами. Тогда-то Костя с помощью океана объяснил, как страшна собственная несправедливость, что можно навеки лишиться доступа, пропасть, уснуть и не проснуться. Для тех, кто до сих пор не проснулся, это не так опасно, у них всё впереди, а вот для них, уже видевших океан, это равносильно смерти. Кирилл справится со своим Крысоловом, у него есть Марина, вороны и океан. Марина видит насквозь и Кирилла, и Костю. Внутри Марины живут волк, филин, дракончик, а Крысолова там нет.

В прошлой жизни Костя любил решать задачи. А сейчас забыл многое. Когда океан обрушил на него поток информации, он испугался змеящихся шипящих интегралов, и поэтому долго не мог найти контакта с Учителем. Структурирование — длительный процесс. Но Учитель — мастер находить решения.

Папа, ты простил меня. Спасибо! Теперь Костя вспоминает серый чемодан с улыбкой, а его оскал кажется ему обиженной гримасой.

— Ты так думаешь? — вопит чемодан, разрываясь от злости. — Ты думаешь, что теперь счастлив? Всё в розовом шоколаде? Ха, ты даже не можешь увидеть розовый шоколад! Самонадеянный слепой, глухой, немой урод! Они, те, кого ты считаешь друзьями, никогда до конца не примут тебя, потому что ты не такой, как они! Вообще не такой! Посмотри на Кирилла! Он тяготится общением! Влюбился в Софью и вообразил, что она разделяет твое чувство?

— Бедный-бедный чемоданчик, это даже не твои мысли. Это остатки моих сомнений. Потому это все не имеет значения.

Конечно, не сходу Костя дает отпор чемодану. Конечно, сомнений еще воз

и тележка, — тяжелый багаж, который так трудно бросить. Но по маленькой части, по крупинке из прорезанной этой дыры высыпается лишнее, а лишнее в этом багаже — всё.

Вечеринка. В первый раз было нелегко. Но после урока Доктора, где Костя и Тарас научились общаться, как люди, остальные постепенно присоединились к ним и охотно согласились отправиться за Костей в океан. Нелегко было перетащить всех одновременно. Когда они вставали в круг, то получалось нечто совсем другое, — словно они замыкались друг на друга и могло произойти что-то, к чему они не готовы.

— Я знаю, как, — предлагает Кирилл. — Нам нужна синусоида.

Костя видит эту кривую и понимает, что только так можно попасть в резонанс с океаном. Волна. И вот, с огромным трудом они прорываются.

— Мне кажется, так рождаются дети, — смущенно замечает Софья, когда они наконец расслабляются в ласковых волнах.

— Я знаю, что это! — Марина хлопает в ладоши. — Это — астрал! Я читала о нем в интернете! Но не думала, что это взаправду...

— В интернете? — для Кости это новое понятие, которое влетает в него потоком информации, чуть не взорвавшим мозг.

— Ну да! Ты же уже набираешь на компе! Там можно выйти в интернет.

— Зачем ему? — усмехается Кирилл. — Этот океан-астрал лучше любого интернета. — Не так ли? Хотя немного не по себе, если честно.

Тарас озирается по сторонам:

— Киты и дельфины! Ты наводнил этот мир океаном.

— Наверное, — неуверенно отвечает Костя. — Мир подстраивается под мои желания. Он окружает меня тем, что я принимаю, чтобы я мог принять что-то новое... Так работает информационное пространство. Тут важно знать меру и не крикнуть «мало» или «хватит», — оно реагирует мгновенно.

Костя опасается, что в любой момент их оттолкнет друг от друга, как те самые одноименно заряженные частицы, но все остаются на месте. Почему? И, вообще, что происходит? Друзья озираются по сторонам, как будто видят это впервые.

— Стоп! — он всплескивает руками, словно пытается остановить набегающую волну. — Вы о чем? Мы о чем? Разве вы здесь первый раз? Это же не только мой мир! Не только мое... Кирилл, ты был здесь со своими воронами! Мы же встречались! Помнишь?

— Нет, — Кирилл озирается по сторонам, силясь что-нибудь вспомнить. — Я не бывал здесь. Я бы не забыл.

— Ну как же?! — Костя хватается за руки и начинает трясти, словно это поможет освежить память. — Твои вороны! Потом ты следом! Ты смотрел на меня! Прямо в глаза смотрел! А потом тебя словно отшвырнуло! И ты исчез.

— Вороны? — недоумевает Кирилл.

— Ну да! Ты влетел следом за ними.

— Так это они его и затащили, — шепчет Тарас. — Я вот тоже думаю, что мне это все напоминает. Знаете, что? Мое море, когда я ныряю в глубину и зову дельфинов. Он обводит пространство руками.

— Значит, каждый видит свое? Только свое? — разочарованно вздыхает Марина.

— Нет! — резко обрывает Костя, и тут же смягчается. — Нет. Сейчас мы здесь вместе. У нас получилось! И мы не отталкиваемся друг от друга. Что-то произошло, что-то мы сотворили с этой волной, которую придумал Кирилл. И... наши миры, поля — как хотите — перестали конфликтовать. Или даже объединились!

— А ты в теме, — Кирилл первый раз без иронии смотрит на Костю. — Кит, прости, я думал, ты плохо соображаешь. И просто дружил, потому что ты один из наших и все такое... и я правда не помню, что был здесь. Но, знаешь, верю твоим словам. Вот верю и все, Кит!

— Кит? — удивляется Костя.

— Ну да. Мы все так тебя зовем, — смеется Марина.

Софья смотрит на Костю, и глаза ее полны радости, так что слов не найти, да и зачем слова, если Кит сейчас разговаривает, видит ее, до него можно дотронуться? А в каком месте это происходит — астрал, параллельный мир, воображение, — какая разница?

Прогулки становятся ежевечерними. Друзья все больше привыкают к новому месту общения.

— Да о таком можно только мечтать! — радуется Марина. — Никто не мешает! Делай что хочешь! Не вломятся без стука и предупреждения, типа пора ужинать или вообще пора.

— Надеюсь, — неуверенно улыбается Кит.

Поэтому, когда Доктор собирается обсудить серьезный вопрос, они уже в силах перенести с собой и своих учителей; но без взрослых было как-то спокойнее. Все получается не так, как думаешь. И угроза приходит, откуда не ждешь.

— Что будем делать, Кит? — Кирилл напряжен, но смотрит на друга с надеждой.

— Мы можем просто уйти сюда, и нас никто не достанет, — в словах Марины сомнение, но, похоже, оно выражает общее настроение.

— Я бы мог уплыть в море, — вздыхает Тарас. — Но оставлять вас...

— Я с тобой. Что делать? — в глазах Софьи слезы.

Кит напряженно молчит.

— В конце концов, пусть исследуют! — продолжает Кирилл. — Ну, послужим на благо науки! Ну, потеряем свои способности для ее же блага!

— Тебе легко говорить, — возражает Софья. — Для Кита его способности — это его жизнь.

— Неужели каждому отцу, чтобы что-то сделать в этом мире, нужно распять собственного сына? — тихо произносит Кит.

— Ты о чем? Кого распять? — не понимает Кирилл. — Кого распять-то? Твой батя спонсировал это всё! Вон и компы топовые подвез! И даже с «клавой» для слепых. А ты — «распять»! Пусть изучают! И вообще, — вообразил себе! Подумаешь! Ну, послушай, мы же можем слиться всегда.

— Ты хоть сам себе веришь? — усмехается Марина. — Что, если на тебя наденут датчики и прочий хлам, и ты уже не то что слиться, каркнуть не посмеешь?

— Помните, мы вставали в круг? — не слушает их Костя. — Происходило нечто, что не пускало нас сюда, но обладало мощью.

— Да, — кивает Софья.

— Это не просто так. Я понял, что, когда мы делаем это, мы делаем это не одни во времени. С нами еще кто-то, такие же. Ну не одни же мы дети-индиго во всем мире! Это как круги на полях. Все же знают, да? Инопланетяне там или фермеры развлекаются... Только эти круги — всего лишь следы, проекции. Хороводы! Хороводы в одном месте, а круги — в другом! Когда мы встаем в круг, мы можем кого-нибудь

разбудить в астрале, как говорит Марина. Кого-нибудь, кто здесь может только спать. Поможете мне?

— В смысле? — не понял Кирилл. — Кого ты собрался будить?

— Отца.

От легкого осторожного прикосновения отец открывает глаза:

— Костя?

Он озирается и не может понять, где находится, — его окружает ничто.

— Так лучше? — спрашивает сын, и мир вокруг приобретает привычные очертания гостиной в их доме.

— Не понял! Костя, ты заговорил?! — радость отца смущает сына. — Костя, это ведь сон... — разочарованно произносит он.

— Уже нет, — улыбается Костя. — Не сон. Но и не явь в нашем понимании. Это информационное пространство, в котором я разбудил тебя, чтобы поговорить.

— Информационное что? — отец не верит своим ушам, он щиплет себя, чтобы проснуться, пытается рассмотреть свои руки. Так учат в осознанных сновидениях. И, наконец, убеждается, что не спит.

— Так. Где я сейчас? В смысле, где моя тушка?

— В гостиной. Маме кажется, что ты задремал, она не станет тебя тревожить. А я в своей школе, среди своих друзей. К ним тоже никто не подойдет. И мы здесь пробудем столько, сколько нужно. Но для начала прости меня, пожалуйста.

— Сынок, за что?

— За серый чемодан.

— Какой чемодан?

— Который я порезал.

Отец некоторое время ошарашенно смотрит на него, потом смеется:

— Ах ты про это. Да брось! Мы тогда обхохотались с мамой. Я и забыл давно.

У Кости комок подступает к горлу, но он проглатывает его и улыбается:

— Спасибо, что простил.

— Сынок, дорогой, это ты прости, что уехал, когда так нужен был тебе, что теперь ты такой... — он не может подобрать слова, чтобы они не прозвучали бестактно.

— Урод? Я не урод и не инвалид, и за это не нужно просить прощения, — Костя приходит ему на помощь. — В этом нет ничьей вины. Так должно было случиться, и я счастлив. Я теперь очень счастлив, папа, и уверен — ты этому рад.

— Сынок! — отец кидается к сыну обнять. Останавливается в неуверенности, и Костя сам обнимает его:

— Здесь можно. Скоро можно будет и там, где наши «тушки». Я уже многому научился, как и мои друзья. Но есть одно «но».

— Какое? — отец отстраняется встревожено.

Костя понимает, что внутри этого волевого человека — а как иначе, он же его отец — сейчас происходит страшная, мучительная борьба: борьба между любовью и чувством вины с чувством долга и ответственности человека дела, борьба между разными мирами: миром, где возможно только созидание, и миром, где допустимо разрушение во благо, борьба между Крысоловом и злым волшебником, борьба между человеком и человеком.

— Сынок, если ты счастлив, я на все готов. Ты знаешь, я нашел этого чудо-Доктора, который создал чудо-школу...

— Я знаю. Они научили меня жить. Они научили меня любить. Я многому еще научусь, если мне не помешают. Ты сможешь гордиться мной.

— Кто может тебе помешать?

— Ты.

— Не понял? Ах, ты, наверное, о том, что мы хотим исследовать ваши способности? Но это же уникально! Это прорыв в науке. Как ты не понимаешь?

— Смотри! — кричит Костя. — Дай ему всё!

Со стороны Кит видит, как на отца обрушивается поток, словно песок из гигантской воронки, закручивает его, погребает под собой... Костя знает, каково это, и внимательно следит за отцом.

— Хватит! — тот не выдерживает натиска.

Всё мгновенно останавливается.

— Что это было? — голос отца слабый и хриплый, словно он долго и тяжело болел.

— Это информация, к которой не готов даже ты. Есть вещи, которые опасно изучать раньше времени, понимаешь?

— Нет! Если мы можем видеть явление, то должны исследовать его. Ради безопасности человечества, — голос отца звучит твердо.

— Тесла тоже так думал, пока не упал метеорит... — пытается возразить Костя.

— Это всё домыслы!

— Хорошо, — тихо говорит Кит. — Тогда пообещай мне одну вещь. Клятвенно. Я знаю, ты человек слова.

— Какую? — смягчается отец.

— Ты начнешь с меня.

Отец видит, что губы сына дрожат, и это пугает его.

— Ты же знаешь, чем это грозит? Знаешь?

— Да, — шепчет Кит. — Морская фигура замрет. Навсегда.

— Я бы не должен верить тебе, но ты не врешь, — отец не смотрит на сына, ему трудно встретиться с ним взглядом. Хотя последние несколько лет он так мечтал поговорить по душам. Кто мог знать, что это возможно? Кто мог знать, что разговор будет таким?

— А есть другой путь? — спрашивает он.

— Есть, — отвечает Кит. — Я буду будить тебя здесь, и однажды ты проснешься навсегда. И тогда решишь, что делать дальше...

Эпилог

Школа просуществовала еще три года. Доктор написал на основе своих исследований научную работу «Развитие особой одаренности в пубертатный период».

Тарас плотно занимается изучением языка китов и дельфинов, Марина учится на психотерапевта, Кит и Кирилл под руководством Дифура создают компьютерную игру «Море волнуется раз», помогающую в обучении особых подразделений, а Софья любит Кита.

Иногда в разных местах появляются круги на полях, — то ли шутки местных фермеров, то ли ведьм, то ли инопланетян, но пока они появляются, у каждого есть шанс проснуться.